

Т О М А С
МАЙН-РИД

**ОХОТНИКИ
ЗА СКАЛЬПАМИ**

ФАНТАКРИМ-ЭКСТРА

Фантастика, приключения, детектив

ТОМАС МАЙН РИД

ОХОТНИКИ ЗА СКАЛЬПАМИ

Минск
Эридан
1991

МАЙН РИД

Р49 Охотники за скальпами: Роман. Ред. переизд. Л. Кудрявцев. / Худож. А. Шедченко, Г. Сергеев.— Минск: Эридан, 1991.— 176 с. (Фантакрим — экстра: Фантастика, приключения, детектив).

ISBN 5-858-72-097-8

Остросюжетный роман мастера приключенческого жанра Майн Рида в последний раз издавался на русском языке в 1908 году.

А $\frac{4702010201-77}{M326-91}$ Без объявления — 91

© Фантакрим — название серии.
А. С. Потупа, 1989

© Литературно-издательское агентство «Эридан», 1991

1. Дикий Запад

Развернем карту обоих полушарий и взглянем на огромный материк Северной Америки. Посмотрим на далекий Дикий Запад — туда, за крайние границы Соединенных Штатов, где перед нашими глазами развернется страна, землю которой никогда не тревожили человеческие руки, очертания которой как бы отражают во всей величавой неприкосновенности первый день творения, — страна, в которой каждый предмет еще носит первобытный отпечаток, образ Творца.

Всемогущий дух его витает в великом безмолвии гор, в потоке могучих рек. Он смотрит на нас сквозь чащу необозримых лесов, в которой под нашими ногами шуршит толстый ковер опавшей листвы тысячелетних исполинов-деревьев; он чарует нас дивной прелестью многообразных цветов, великолепием их пестрой окраски и упоительным ароматом, пропитывающим весь воздух окрестности.

Перед нашим духовным взором разворачивается изменчивая панорама роскошных картин. Вот перед нами обширная равнина, огромное пространство, покрытое живою зеленью. От севера до юга и от востока до запада, на пространстве, какое только может охватить глаз, тянется пелена прерии, зеленой, как изумруд, и гладкой, как поверхность дремлющего озера. Но минуло затишье, заволновались от ветра шелковистые стебли травы — и она стала напоминать мощные волны океана.

Это черноземная прерия, огромное, безграничное пастбище буйволов, диких коней и их прирученных братьев, обузданных коричневой рукой индейцев прерий...

Картина изменилась. Исчезла степная трава, и перед нами и вокруг нас одни яркие, блестящие цветы,

в которых мы, пораженные, не знаем, чем раньше восхищаться: изумительным художественным изяществом их, или дивным сладостным ароматом, или великолепием их богатой окраски. Вот золотисто-желтые массы крупноцветных подсолнечников поворачивают к дневному светилу свои корзинки, похожие на часовой циферблат; там колышутся красные чашечки мальв; дальше горит ярким пурпуром целая грядка монард, а за нею сверкают серебристые листья молочая — надо всем этим морем цветов носятся мириады насекомых, между которыми, словно солнечные лучи, там и сям прорезывают, как молнии, воздух маленькие колибри.

Это цветочная равнина, степь в брачном уборе, «сад Господень», как ее называют простодушные охотники, бродящие по ней со своими силками...

Картина снова меняется. Исчезла прерия, сменившаяся широкой, тенистой дубравой; маленькие островки, покрытые деревьями, вынырнули из-за полос цветочного моря; вот они встречаются все чаще и чаще, все меньше становятся промежутки между ними, пока они совсем сливаются в огромную, плотную массу. Это девственный лес.

Мощные деревья обступают нас на каждом шагу тесным кольцом, простирая над нами исполинские серые ветви. Белый испанский мох гирляндами обвивает обрушившиеся, полуистлевшие стволы, дупла которых служат жилищем диким кошкам и дикобразам. Святая тишина царит днем в этом лиственном храме, но зато полна звуков и шумов ночь. Дикие звери, выходящие по ночам на добычу пищи, покидают свои убежища и наполняют лес чудовищным хором своих голодных голосов так, что притаившийся охотник, заслышав совсем близко около себя зловещий рев, невольно крепче сжимает рукою ружье...

Но вот декорация снова изменилась. Нет больше ни трав, ни цветов, ни лесов — уступили они место темному голому пространству земли. Перед нашими глазами — унылая мертвая пустыня, с ее горячими песками, скалистыми развалинами и бесплодными крутыми оврагами. Здесь могут произрастать только различные разновидности кактусов с их причудливыми, то шаровидными, то колоннообразными стволами, да редкие виды животного царства находят еще здесь кой-какую пищу для себя.

И с каждым шагом вперед по этой выжженной солнцем поверхности мы увидели бы все более и бо-

лее безотрадную и дикую природу, все больше трещин, ущелий и скал...

Но вот мы, наконец, минули пустыню — и перед нашими глазами высится громада горной цепи. Взираясь с холма на холм и с горы на гору, мы увидели высоко над собой ряд горных вершин, увенчанных вечным, никогда не тающим снегом. Вот мы очутились на крутой отвесной скале: под нами зияют бездонные пропасти, дремлющие в безмолвии вечного запустения и, почувствовав обморочную слабость и головокружение, мы торопливо отступаем от края утеса, чтобы не поддаться чарующей власти духов бездны, влекущей нас вниз. Это — Скалистые горы, ново-мексиканские Кордильеры.

Здесь живет страшное чудовище — серый медведь; здесь на выступе скалы притаился могучий барс и ждет антилопу, которая должна пробежать мимо него, отправляясь на обычный водопой; и дикий баран скачет с утеса на утес, отыскивая свою пугливую самку. Вон на сосновой ветви точит коршун свой изогнутый клюв. И надо всеми парит благородный орел, царь воздуха, резко вырисовываясь на голубом просторе неба...

Такова панорама Дикого Запада; такова та страна, в которой разыгрались описываемые нами события.

II. Степные купцы

«Нью-Орлеан, 3 апреля 18** г.

Дорогой Сен-Врэн!

Рекомендую Вам моего молодого друга Генри Галлера, отправляющегося в Сен-Луи, чтобы повидать живописные местности. Позаботьтесь о нем, чтобы он хорошо устроился, и окажите ему содействие в его предприятнях.

Ваш Луи Уальтон.

Чарльзу Сен-Врэнну, эсквайру, отель Плантера, Сен-Луи».

С этим лаконичным рекомендательным письмом в кармане Генри Галлер высадился в городе Сен-Луи и, не теряя времени, отправился в отель Плантера, сдал свой багаж, переделся и тотчас зашел в контору, чтобы повидать Сен-Врэна.

Но его не оказалось, он уехал за несколько дней до прибытия Галлера по Миссури.

Это было для Галлера неприятной неожиданностью, но утешительно было то, как он узнал, что Сен-Врэн должен вернуться не позже, чем через неделю. Галлер решил дожидаться его возвращения и постараться провести как можно незаметнее предстоявшие скучные дни ожидания в прогулках пешком по городу или верхом за город по степям и холмам.

Одновременно с Галлером приехало в Сен-Луи и остановилось в той же гостинице небольшое общество джентльменов, по-видимому, хорошо знакомых друг с другом и находившихся в приятельских отношениях. Они вместе бродили по улицам города, сидели рядом за табльдотом и, как заметил Галлер, требовали самых тонких вин и самых дорогих сигар, какие только можно было достать в гостинице.

Маленькое общество приковало к себе внимание Галлера. Ему бросились в глаза и своеобразное поведение их, и их непринужденные свободные манеры, и юношеская веселость, столь характерно отличающая уроженцев Западной Америки.

Обращало на себя внимание еще и то, что все они были почти одинаково одеты — в изящных черных костюмах, в белоснежных рубашках и с бриллиантовыми булавками в галстуках, они казались почти похожими друг на друга. Все они носили волнистые волосы до плеч, а на некоторых были отложные воротники, обнажавшие здоровые загорелые шеи.

— Кто эти господа? — спросил, наконец, Галлер через несколько дней своего соседа по табльдоту, указывая, глазами на приятельскую компанию.

— Это степные купцы.

— Степные купцы?

— Да, торговцы из Санта-Фе.

— Торговцы? — повторил с некоторым недоумением Галлер, так как в уме его плохо вязалась изящная наружность их с представлением о торговцах и о степях.

— Да, — сказал его собеседник, — вон тот сильный, красивый мужчина, который сидит посредине, это Бент, Биль Бент, как его называют; по правую руку от него — молодой Сьюблет; по левую — один из братьев Шото, а рядом с ним — известный Джерри Фольгэр.

— Так это и есть та знаменитая компания степных торговцев?

— Да, они пользуются большой известностью.

Узнав это, Галлер еще с большим любопытством начал рассматривать незнакомцев, товарищем которых ему, быть может, суждено было стать. Он заметил, что и они оглядываются на него, так что можно было догадаться, что они говорят о нем. Через некоторое время от их общества отделился изящный молодой человек и подошел к Галлеру.

— Не вы ли спрашивали Сен-Врэна?

— Да, я.

— Чарльза?

— Да, его так зовут.

— Я Чарльз Сен-Врэн.

Галлер вынул свое рекомендательное письмо и протянул его незнакомцу, который быстро пробежал письмо и протянув Галлеру руку, сказал:

— Дорогой друг, мне глубоко жаль, что вы меня не застали. Я здесь ездил по Миссури и только сегодня утром вернулся. Давно ли вы приехали?

— Сегодня седьмой день, как я здесь.

— Мне, ей богу, вас жаль! Как вы должны были скучать! Пойдемте, я вас познакомлю с моими друзьями. Бент Биль, Джерри!

И, назвав фамилии остальных, он прибавил: «Знакомый нашего общего друга Уальтона из Нью-Орлеана».

Галлер пожал руки новым знакомым, его пригласили посидеть с ними, и вскоре завязался оживленный разговор.

Галлер жадно прислушивался к рассказам об опасных приключениях, о подробностях добычи последнего путешествия; и эти необычайные переживания людей, странствовавших и охотившихся по прериям, разумеется, еще усиливали это давнишнее влечение к такой жизни. Наконец, он открыто высказал желание принять участие в проектировавшемся караване и был искренне тронут тем взрывом радости, каким было встречено его предложение со стороны его новых друзей.

Сен-Врэн отозвал его в сторону и спросил:

— Так я действительно должен понять письмо Уальтона в том смысле, что вы расположены совершить вместе с нами задуманное путешествие? Нет сомнения, что это вполне удовлетворило бы ваше стремление к живописным местам. Мы выезжаем через неделю.

— Мое желание очень серьезно,— ответил Галлер.— Я решил отправиться с вами, если вы будете так добры, укажите мне, что следует сделать для этого.

— Ничего нет легче! Купите себе лошадь.

— Я уже купил.

— Затем кое-что из платья, поглубже и попрочнее, ружье, пару пистолетов...

— Позвольте! Все это у меня есть. Я вот что еще хотел сказать вам, господа,— сказал Галлер, обращаясь ко всей компании, сгруппировавшейся тем временем вокруг них по окончании обеда,— вы возите товары в Санта-Фе и продажей их удваиваете и учетверяете свой капитал. У меня с собой 10000 долларов: отчего бы и мне не соединить выгоду с удовольствием и сделать такое же употребление из своих денег, как делаете вы?

— Отлично, отлично! Это удачная мысль,— воскликнули некоторые.

— В таком случае, если бы кто-нибудь из вас был так любезен, пошел бы со мной и помог бы мне советом, какого рода товары мне следует приобрести для рынка Санта-Фе, я был бы глубоко признателен за эту услугу.

Степняки засмеялись, заявили, что все пойдут с ним для закупки товаров, и тотчас же превратили слово в дело — взявши его под руку, вышли на улицу вслед за ним и Сен-Врэнном.

Ко времени ужина Галлер успел уже превратить почти все свое состояние в ситец и миткаль, в ножи, зеркала, ножницы и прочие ходкие на сантафеском рынке товары, оставив только небольшую сумму, чтобы купить себе в Индепенденсе, откуда караван намеревался отправиться в прерии, мула и телегу и нанять погонщика.

Через несколько дней он отплыл вместе со своими спутниками на судне вверх по Миссури; но прошла еще почти целая неделя, прежде чем караван сделал последние необходимые приготовления к путешествию в маленьком городке Индепенденсе. Когда он был совсем готов, он имел такой внушительный вид, что некоторым воинственным индейским племенам могла, пожалуй, прийти охота напасть на него.

Караван состоял из ста с лишком телег и почти двухсот погонщиков и слуг. Две телеги были нагруже-

ны товарами Галлера, и для сопровождения их он нанял в штате Миссури двух дюжих парней. Кроме того, при нем состоял в качестве слуги или скорее помощника канадец Годэ, прошедший полжизни в пустыне и находившийся временно в Индепенденсе для возобновления снаряжения.

III. Степная горячка

Куда девались изящные джентльмены в черных сюртуках и сверкавшие бриллиантами, какими мы их видели в отеле Плантера? Можно было подумать, что они там и остались, так как среди путешественников были мужчины в охотничьих куртках и широкополых шляпах — типичной одежде жителя прерий.

Все, не исключая Галлера, были одеты в охотничьи куртки из дубленой оленьей кожи светло-желтого цвета; на ногах у них были надеты темные рейтузы и тяжелые сапоги с массивными медными шпорами. Пестрая полотняная рубашка, шелковый галстук и непромокаемая шляпа довершали костюм, при котором каждому обязательно было иметь еще по два шерстяных одеяла под седлом.

Вооружение было также почти одинаковое у всех. У Галлера было два больших револьвера, прикрепленных к недоуздку лошади, за кушаком еще два меньшего калибра, а через плечо висело превосходное ружье, из которого можно было сделать двадцать три выстрела. Кроме того, у него был еще широкий, американской системы, нож, который мог служить и оружием, и в то же время для еды, охотничья сумка и пороховница: последние две принадлежности висели у него на правом боку.

Что же касается верховых животных — в этом отношении участники путешествия отличались друг от друга. Некоторые ехали на мулах, другие — на мустангах, у третьих были арабские лошади на высоких ногах. К числу последних принадлежал и Галлер. У него была приобретенная у одного плантатора в Сен-Луи кровная лошадь — темной масти жеребец на черных ногах и с черной мордой, носивший кличку Моро (мавр. араб).

Красивое и гордое животное так понравилось дорогой спутникам Галлера, что некоторые предлагали

ему крупные суммы за коня, но деньги его не привлекали, а конем он сам был очень доволен и день ото дня все сильнее привязывался к нему. Свиту Галлера довершала прекрасная сенбернарская собака, носившая кличку Альп, которую он купил в последний день перед своим отъездом у одного швейцарского эмигранта в Сен-Луи.

Прошло уже две недели пути, а с караваном не случилось ничего необыкновенного; но для Генри Галлера была достаточно интересна сама новая своеобразная обстановка. Длинный ряд возов тянулся и извивался, немного похожий на колоссальную змею, то взбираясь на матовом фоне зелени, то продвигаясь по роскошным речным долинам и делая крюки, чтобы отыскать брод и переправиться, с помощью впряженных спереди быков, на другой берег.

Своеобразно красивую картину представлял караван и ночью, когда располагался лагерем, тесно сдвинув телеги и окружив их кольцом стреноженных лошадей.

По пути путешественникам попадались олени и антилопы, нескольких они застрелили; но до пастбищ буйволов пока еще не добрались. Время от времени им приходилось делать остановки, длившиеся часто по несколько часов, для починки поломавшегося дышла или для извлечения увязшей телеги из глубокого ила в приречной низменности.

Но караванный отряд Галлера без труда справлялся с подобными мелкими или более крупными неприятностями. Его миссурийцы-слуги оказались здоровыми ребятами, отлично помогавшими друг другу, не приходившими в отчаяние от маленьких невзгод и умевшими найтись при всякой случайности.

Трава была превосходная, и мулы и быки не только не худели в пути, а еще с каждым днем тучнели. Моро же получал сверх того ежедневные порции маиса, который Галлер вез в одной из своих телег, и эта питательная примесь к корму поддерживала благородное животное в превосходном состоянии.

Когда они приблизились к Арканзасу, они заметили индейцев верхами, скрывшихся в прибрежных кустарниках. Это было индейское племя пауни; в продолжение нескольких дней то и дело вблизи каравана показывались большие или меньшие кучки этих темнокожих воинов. Но длинные ружья белолицых все же

заставляли их предусмотрительно держаться на некотором расстоянии от каравана.

Таким образом, хотя ничего необычайного и не случилось, каждый день все-таки приносил кое-что новое, как в событиях самого путешествия, так и в смысле разнообразия ландшафтов.

Канадец Годэ, бывший поочередно путешественником, охотником, звероловом и лесным бродягой, оказался за время пути истинным кладом для Галлера. Кроме того, что он был услужлив, предан и всегда в превосходном расположении духа, что помогало коротать вечера, — он был неоценим для своего нового господина главным образом тем, что сообщал ему множество необходимых сведений и сделал его за короткое время довольно сведущим путешественником по прериям. Это особенно ценил Галлер, так как это возвышало его в глазах его новых товарищей.

Кроме того, Сен-Врэн, завоевавший с самого начала доверие Галлера своим сердечным, теплым отношением к нему, прилагал всевозможные усилия, чтобы сделать молодому человеку путешествие приятным. Стремительная езда в течение дня и необычайные, почти невероятные рассказы, которые он выслушивал на ночных привалах у костра, ошеломляли Галлера и восхищали романтизмом его новой жизни: он уже успел заразиться «степной горячкой».

Его спутники, смеясь, сказали ему это, но тогда ему не было понятно это выражение; только впоследствии он понял, что это значило. Да, тогда он был весь во власти этой душевной болезни, и она все резче обнаруживалась с каждым днем. В душе начали тускнеть воспоминания прошлого, исчезли прежние желания и стремления. Сердце остывало к соблазнам и приманкам больших городов, охладевало к старым привязанностям, как будто их никогда и не бывало.

Силы его росли; он испытывал особый душевный подъем, особую телесную бодрость и жажду деятельности, которых никогда еще в такой степени не чувствовал: всякая деятельность была ему радостна. Как будто быстрее и горячее струилась в его жилах кровь, как будто обострились все внешние чувства: он мог, не мигая, смотреть на солнце.

Степная горячка!

Воспоминания о ней сохранятся еще на долгие годы в душе путешественника. Долго-долго после того, как перед глазами его перестанет расстилаться беско-

нечная равнина, пальцы его все еще будут сжиматься, как бы порываясь натянуть повод, колени все еще будут стремиться сжать благородное тело коня, и все еще сохранится жажда скакать без цели по зеленым волнам степного моря...

IV. Верховом на буйволе

После двухнедельного путешествия караван очутился в долине вблизи Арканзаса, расположенной примерно на шесть миль ниже Плум-Бутта, недлинной горной цепи; здесь было решено сделать привал на 24 часа. Телеги были сдвинуты так, что составляли огороженное помещение, внутрь которого были загнаны вьючные животные, и всадники уже готовились расседлать коней и мулов, как вдруг раздался взволнованный голос Сен-Врэна:

— Посмотрите-ка, вон там у группы хлопчатников — клянусь, нам попалась богатая пожива!

Все повернулись по указанному направлению и, действительно, разглядели у небольшого возвышения пять каких-то фигур... Несомненно, это были буйволы — первые, попавшиеся охотникам... Тотчас раздались веселые клики и звуки охотничьих рогов; все были рады предстоявшей добыче, жаркому из мяса и языков буйволов на ужин.

Вмиг были вновь оседланы верховые кони и десять или двенадцать всадников поскакали с места стоянки, между ними были Галлер и Сен-Врэн.

Караван сделал в этот день небольшой переход, лошади были еще свежи, и охотники быстро проскакали галопом две мили из трех, отделявших их от дичи. Но тут Галлер и еще некоторые новички сделали промах: мчались на буйволов прямо по ветру и, когда один из буйволов, потянув воздух, почуял их приближение, обернулся, ударил копытами об землю и бросился бежать, увлекая за собой своих четверых товарищей.

Что было делать? Отказаться от охоты или, пришпорив коней, ринуться в погоню за бежавшими зверями. Охотники решились на последнее и помчались галопом; но вдруг очутились перед глиняным валом вышиной в шесть футов, составлявшим границу расположенной повыше равнины, и поднимавшимся к ней в виде террасы.

Это непредвиденное препятствие вынудило охотников остановиться. Некоторые, раздосадованные неудачей, повернули лошадей и направились обратно, а Галлер, Сен-Вэн, канадец Годэ и еще трое, у которых лошади были лучше, не пожелали отказаться так дешево от добычи, прищипорили коней и решились взобраться по ступеням террасы.

Когда они были наверху, им пришлось проскакать сильным галопом еще пять миль, пока один из зверей оказался от них на расстоянии ружейного выстрела. Это была молодая самка. Галлер, порядочно опередивший остальных, опустил поводья на шею своего Морро, поднял ружье, прицелился, выстрелил. Когда рассеялся дым, на земле лежал мертвый зверь, которому пуля попала в голову за ухом.

Так как добытого мяса должно было хватить на всех, охотники решили не преследовать остальных зверей и принялись сдирать шкуру с добычи.

Эта работа, так же как и разделка мяса на части, потребовала в искусных руках немного времени, и охотники, покончив с нею, оглянулись на свой лагерь и попытались определить расстояние, отделившее их от него.

— Добрых восемь миль,— сказал Сен-Врэн,— а завтра снова сюда, так как мы здесь как раз у самой дороги (он указал на старые следы, свидетельствовавшие о проезде телег санта-феских купцов) — это значит шестнадцать миль. А что, если бы мы совсем не возвращались, а сразу же остались здесь? Воды и травы вокруг довольно, там вон сочное буйволиное мясо, а у ручья достаточно хвороста для разведения костра. На ночь у нас есть одеяла, чего же нам больше?

— Я высказываюсь за остановку здесь,— сказал Галлер.

— Мы тоже! — воскликнули остальные.

И охотники сняли с себя лишний груз, расседлали коней и пустили их пастись стреноженными по сочной зелени прерий. Упомянутый ручей хрустально-чистой воды протекал к югу от Арканзаса, и на берегу его, под защитой холма, был разбит лагерь.

Вскоре сочное мясо буйволицы зашипело на вертелах, укрепленных над костром. Охотники поели, запили глотками из походных фляг и закурили свои трубки, расположившись поуютнее и, обволакиваемые волнами табачного дыма, принялись рассказывать друг другу разные приключения.

Огонь потухал под слоем пепла, и все решили, что пора на покой. Было условлено, кому оставаться на ночное дежурство, и жребий пал на одного из охотников, Гиббетса, славившегося своей сонливостью; но на первую часть ночи это не представляло опасности, так как индейцы имеют обыкновение совершать свои нападения незадолго до рассвета. Остальные завернулись в одеяла, уложили в изголовье свои седла и вскоре уснули.

Один только Галлер не сразу уснул. Перед наступлением ночи он заметил на берегу ручья очень красивое место шагах в пятидесяти от того места, где улеглись товарищи, и теперь у него вдруг явилось желание лечь спать там. Он захватил свое ружье и одеяло, крикнул Гиббетсу, взобравшемуся на свой пост на береговой обрыв, чтобы он его разбудил, если случится что-нибудь, и устроился в избранном местечке.

Через несколько минут, погрузившись в мягкую траву и убаюканный чудесным светом лунной ночи, он задремал. Но не прошло и четверти часа, как чуткую дремоту его прервал какой-то странный шум, похожий на отдаленные раскаты грома или гул водопада, глухо донесшийся до его слуха. Казалось, земля задрожала под ним.

— Будет гроза,— пробормотал он про себя, не вполне проснувшись,— и отлично, это освежит немного воздух и дальнейший путь завтра будет еще приятнее.— Он тихо зевнул, и мерное дыхание его свидетельствовало, что он снова спокойно уснул.

Но покой был опять недолог. Раздался такой громкий шум, который поднял бы полумертвого. Галлер быстро вскочил и растерянно начал думать, что мог бы значить этот шум, похожий на гром, но не небесный, а такой, который мог бы произвести топот сотни тысяч копыт и рев сотни тысяч быков, и от которого земля содрогалась.

В эту минуту до него донеслись крики его товарищей, и вслед за ними он различил голоса Сен-Врэна и Годэ, кричавших в смертельном испуге:

— Эй, где вы, господин Галлер?! Берегитесь буйволов!

Галлер видел, что они собирают лошадей и торопливо уводят их под береговой навес; затем провели их еще шагов сто бродом по воде, вероятно, с целью отыскать еще более спокойное убежище. Он вмиг схватил ружья и одеяло, намереваясь присоединиться к друзь-

ям. Но он все еще не вполне уяснил себе степень опасности.

Но вот что-то огромное, черное, страшное стало между ним и его товарищами.

Глазам Галлера представилось ужасное зрелище. Вдали на западе, так далеко, как только достигал глаз, вся прерия как бы зашевелилась. Там перекатывались темные волны, как будто всю равнину засыпало изверженной вулканом лавой. А на волнующейся поверхности сверкали тысячи блестящих световых точек, точно огненные искры.

На мгновение Галлеру пришло в голову, что он видит сон. Но зрелище было слишком реально, чтобы его можно было счесть за призрак. К тому же до него продолжали доноситься крики его товарищей, находившихся так близко, но разлученных с ним такой непреодолимой преградой. За массой черной волны видел он вздымавшихся на дыбы коней, слышал их ржание и лай его испуганной собаки. В ту минуту, когда расстояние между ним и надвигавшейся волной не превышало пятидесяти шагов, он разглядел мохнатые гривы и пылающие глаза буйволов.

— Боже, они несутся прямо на меня,— воскликнул он в ужесе.— Они растопчут меня насмерть!

Пытаться бежать было поздно, да и ввиду широкой и плотной стены, какой двигались буйволы, некуда было бежать. Галлер полуинстинктивным движением приложил ружье к плечу и выстрелил в переднего буйвола. Удачен ли был выстрел — нельзя было рассмотреть. Он почувствовал только, что лицо его было забрызгано водой ручья, заметил, что один огромный буйвол, несколько отделившийся от стада, яростно ринулся прямо на холм, у которого он стоял... Одно мгновение — и он взлетел на воздух, подброшенный рогами зверя.

Толчок опрокинул Галлера назад. Он упал на какую-то волнующуюся массу, почувствовав в первую минуту только острую боль между ребер. К счастью, падение не оглушило его, и он вскоре сообразил, что лежит поперек спин нескольких буйволов, стремившихся вперед сплоченной массой, испуганных странной ношей и с громким ревом теснившихся плотнее к первому ряду.

Несмотря на весь ужас своего положения, Галлер не потерял присутствия духа. Лежа грудью вниз и вцепившись пальцами в длинную шерсть чудовища, меж-

ду тем как ноги его болтались по горбу соседнего буйвола, он в ту же секунду почувствовал, что зверь прорвался сквозь ряды наружу; он сильным движением подтянул ноги и очутился верхом на спине буйвола, шею которого с самого начала крепко обхватил руками.

Буйвол, еще больше испуганный теперь своей ношей, когда она очутилась на нем одном и, думая, вероятно, что на него взобралась пантера, ринулся со всей силой отчаяния вперед и вскоре оставил стадо далеко позади. В интересах Галлера было поддерживать зверя в заблуждении насчет своей опасности для него, иначе он мог остановиться, и тогда стадо догнало бы и растерзало его.

Поэтому он постарался выхватить левой рукой свой нож и начал наносить его концом уколы зверю каждый раз, когда замечал, что он готов остановиться от утомления. При каждом прикосновении этих оригинальных шпор чудовище громко выло от ярости и ужаса и неслось вперед с удвоенной силой.

Но опасность была все еще велика. Стадо двигалось за ним на расстоянии почти целой мили. Если бы буйвол остановился, спасения не было бы. Но именно в эту минуту наметился спасительный путь.

Буйвол бежал как раз по тому направлению, где находилась упомянутая горная цепь Плум-Бутт; от того места, где расположились лагерем охотники, до нее было менее трех миль, но в положении Галлера они стоили десяти.

На расстоянии нескольких сот шагов от главной вершины цепи возвышался небольшой холм, и счастливой судьбе Галлера было угодно, чтобы разъяренный зверь направил свой бег по линии у подошвы этого холма, шагах в пятидесяти от него. Этого случая нельзя было упускать. На минуту Галлер подумал было о том, чтобы убить зверя, что было бы нетрудно, так как нож его лежал как раз на самой уязвимой части огромного тела, но, подумав, он наскоро принял другое решение: освободил свои пальцы из густой волнистой шерсти буйвола, соскользнул по спине к хвосту на землю и бросился изо всех сил к ближайшему холму. Напрягая силы, он вскарабкался на вершину его, уселся там на скалистый выступ и посмотрел вниз на прерии.

Луна светила все так же ярко. Верховой «конь» Галлера продолжал бежать галопом вперед, как будто

за ним гналась стая волков, но направление изменил едва почувствовал себя свободным от ноши, и побежал сторонкой обратно к своему стаду, до которого оставалось с четверть часа пути. Галлеру видно было, как он, добежав, присоединился к своим и вместе с ними помчался вперед.

Вначале Галлер не мог уяснить себе эту странную тактику и только впоследствии понял, какую смышленность обнаружил зверь. Если бы он остался там, где соскочил с него неожиданный всадник, то передние буйволы подошедшего к этому месту стада, приняли бы его за чужака и, наверное, забодали и задавили бы его.

Добрых два часа просидел Галлер на скале, безмолвно наблюдая проносившийся мимо него черный поток, который перед лицом представившегося препятствия — холма — разделился на два крыла и понесся по правую и левую сторону его. Галлеру чудилось, что по левой стороне что-то быстро и ярко сверкнуло несколько раз и послышался как будто звук выстрелов, но он в этом не был уверен.

Он чувствовал себя так, как будто очутился на острове среди темного и сверкающего моря. Раз его охватило ощущение, как будто остров подался вперед, а буйволы остановились — голова у него закружилась, и он быстро вскочил на ноги, чтобы отделаться от странной иллюзии. Но в ту же минуту с тихим стоном схватился рукой за правый бок и тотчас снова опустился на скалу.

Только теперь, когда прошло страшное возбуждение, напрягавшее его нервы до того, что они готовы были, казалось, порваться, он вспомнил о чувстве острой боли, которое испытал, упав на спины буйволов: когда он вскочил, боль вернулась и ощущалась все сильнее. Нервно принялся он расстегивать свою куртку, торопясь исследовать рану: но сколько он ни ощущивал болевшее место, крови нигде не оказалось, зато в области нижних ребер нащупывалась сильная опухоль, болезненная при самом легком прикосновении. По-видимому, он сломал себе ребро при падении или, по крайней мере, получил сильный ушиб.

Он вторично попытался встать на ноги, на этот раз уже осторожнее, и, к счастью, это ему удалось; попробовал пройтись на маленьком пространстве выступа — удалось и это. Тем временем уже промчалось почти все стадо, прошли, наконец, и последние оставшиеся буйволы. Галлер решил спуститься ползком с холма

и, очутившись на земле, пошел по направлению к югу, где должны были находиться его товарищи. Случай благоприятствовал ему, недолго пришлось тащиться.

Он переждал, пока мимо него прошли гурьбой какие-то белые животные, похожие на стадо баранов (но это были волки, спешившие по следам буйволового стада), он двинулся дальше — и, наконец, услышал, к своей радости, голоса, а вскоре при ярком свете луны разглядел нескольких всадников, скакавших по долине.

Он закричал: «Хэлло!» — на крик отозвались, и один из всадников подскочил к нему.

Это был Сен-Врэн.

— Да это Галлер! — воскликнул он с невыразимым изумлением, наклоняясь в седле, чтобы лучше разглядеть пришельца. — Это, действительно, вы, Галлер, или призрак ваш? Клянусь богом, это Галлер, и живехонек — здоровехонек!

— Да, почти, если не считать повреждения ребра.

— Вы ранены? Дайте взглянуть.

Одним прыжком Сен-Врэн соскочил с седла, расстегнул куртку Галлера и начал осматривать его.

— Ничего серьезного, — сказал он, наконец, тщательно ощупав каждое ребро. — Ни одна кость не повреждена. Только ушиб, который пройдет от компресса и двух-трехдневного отдыха на телеге. Вы еще счастливо отделались, Галлер, — дружески сказал он затем, развязывая свой шарф и обвязывая его вокруг тела Галлера по опухоли. — Скажите, однако, что с вами было? Откуда вы — с облаков, с неба? Откуда?

Эти вопросы повторили и все остальные, успевшие подъехать и так горячо пожимавшие руку Галлера, словно не видели его целый год.

Больше всех казался огорченным канадец Годэ.

— Хозяин перенес нападение! — бормотал он как будто про себя, покачивая головой, — нападение миллиона буйволов и остался жив! Чудо, черт возьми.

— Мы отправились на поиски вашего тела, или, вернее, ваших останков, — сказал Сен-Врэн, — так как мы видели, как вздернули вас звери на воздух и вы упали в самую гущу, в середине стада. Разумеется, мы уже и не ждали увидеть вас живым. Да расскажите же, ради бога, как вы спаслись.

Галлер рассказал изумленным слушателям свое приключение.

— Непостижимо, клянусь богом! — воскликнул Годэ.— Ну, счастлив этот соня, что вы уцелели! — прибавил он тоном угрозы.

Последнее восклицание экспансивного канадца относилось к Гиббетсу, не известившему товарищй Галлера о месте его нахождения и поставившего таким образом Галлера в опасное положение.

С этого момента Галлера перестали считать новичком в кругу охотников, а приобщили его к «посвященным».

Впрочем, охотники поработали недурно: об этом свидетельствовали с дюжину распростертых на земле буйволов. Удалось им также найти втоптанное в землю ружье и одеяло Галлера. Когда Галлер выпил для подкрепления несколько капель из фляги Сен-Врэна, все вернулись снова в прежний лагерь, назначили новую, на этот раз более надежную охрану, и проспали остаток ночи без помехи.

Когда утро посеребрило жемчужным сиянием беспредельный простор равнины, небо начало розоветь, а затем из-за горизонта величаво поднялось солнце, наши охотники были уже в сборе за завтраком в ожидании каравана, который и прибыл через час.

Прохладная ночь ухудшила самочувствие Галлера. Он был бледен и слегка лихорадил. Товарищи заботливо уложили его на одну из телег, устроив ему мягкую постель, но предсказание Сен-Врэна оправдалось: ушиб не повлек за собой ничего серьезного. После нескольких дней покоя и прикладывания некоторых трав, известных жителям прерий, опухоль почти бесследно прошла и Галлер мог бы вспоминать без всякого неудовольствия о своих приключениях, если бы нетерпеливый пациент не томился настояниями Годэ и Сен-Врэна: провести на покое в лагере, по крайней мере, неделю.

Уже на четвертый день Галлеру показалось нестерпимой эта вынужденная неподвижность; он уверял, что чувствует себя совсем здоровым, совсем отделался от лихорадки, и утром следующего же дня сел на коня. Все это так и прошло бы, вероятно, бесследно для его здоровой натуры, если бы судьбе не угодно было послать ему в этот день новое приключение.

В это утро было решено, что маленький отряд купцов отправится вперед, чтобы прибыть в Санта-Фе дня на два раньше каравана и приготовить все к его прибытию, то есть поговорить с губернатором той про-

винции, человеком, пользовавшимся дурной репутацией, без разрешения которого иностранцы не могли перейти границу.

Несмотря на все увещания и просьбы друзей, Галлер пожелал присоединиться к передовому отряду, и они отправились до Симмаронской дороги.

V. Злополучная охота на антилоп

Путь их лежал через голую пустыню, лишенную зверей и почти совсем безводную, тянувшуюся на пространстве почти сто миль. Буйволов совсем не было видно больше, и только изредка попадались олени; отряду пришлось поэтому довольствоваться захваченным с собой вяленным мясом. Это была, так называемая, полынная пустыня. Время от времени пробегала антилопа, но это чрезвычайно пугливый зверь, и он держится всегда на расстоянии, недостижимом для выстрела.

На третий день их отъезда Галлеру показалось, что совсем близко промелькнула рогатая голова антилопы. Спутники не были уверены, что он не ошибся, и не пожелали отправиться с ним на поиски, и он один свернул с дороги. Годэ оставил при себе собаку Галлера, которую тот не хотел взять с собой, чтобы не спугнуть дичь. Моро проявлял бодрость и силу и Галлер рассчитал, что даже в случае неудачного исхода охоты, ему удастся присоединиться к своим товарищам.

Холмистый хребет Симмарона имел странное строение: тянулся с востока на запад, поперек долины; вершина его была частью покрыта чашей кактусов, к которой и подъехал Галлер.

У подошвы он сошел с лошади, повел ее тихонько под уздцы вверх и слегка привязал к веткам кактуса; в большей предосторожности надобности не представлялось в виду послушного нрава Моро. Затем он тихо пробрался сквозь колючки к тому месту, где скрылась, как ему показалось, антилопа.

К удовольствию Галлера, там оказалась даже не одна, а две красавицы-антилопы, но, к сожалению, они были слишком далеко, чтобы можно было рассчитывать на удачный выстрел на расстоянии не менее трехсот шагов. К тому же, они стояли на голом и гладком

обрыве и нигде поблизости не было даже засохшего кустарника, за которым мог бы укрыться Галлер.

Что оставалось предпринять? Несколько минут Галлер простоял неподвижно, стараясь припомнить какие приемы, употребляемые охотниками за антилопами, о которых он слышал от своих спутников, он должен был бы применить в этом случае. Попробовать подражать крикам животных? Помахать носовым платком? Или лучше попробовать привлечь их, растянув свое красное подседельное одеяло?

Наконец он остановился на последнем и повернул назад, чтобы захватить свое одеяло, как вдруг внимание его привлекла какая-то линия цвета глины, тянувшаяся поперек степи по ту сторону убежища антилоп. Она перерезала поверхность долины и могла быть либо тропой буйволов, либо руслом какого-нибудь потока, но, так или иначе, это было как раз таким прикрытием, какое ему нужно было, тем более, что животные были от него шагах в ста и даже все больше приближались к нему.

Галлер выбрался из чащи и побежал по краю обрыва к такому месту, где хребет спускался, как он заметил, все ниже до уровня долины. К его изумлению, здесь оказался широкий ручей, чистая, прозрачная вода которого протекала по песчаному и известковому руслу.

Берега были низкие, приблизительно до трех футов выше поверхности воды, за исключением того места, в которое упирался хребет холма. Тут берег был выше, с него-то и спустился Галлер и пошел по руслу вброд вверх по течению. Подвигаться таким образом вперед было очень трудной задачей. Дно ручья было очень мягко и податливо; вдобавок двигаться надо было осторожно, чтобы не спугнуть дичь. Но Галлера так соблазнила перспектива добыть свежей дичи на ужин, что это побуждало его напрягать все силы. Правда, начинал побаливать поврежденный бок — но что за беда! Путь не очень долог.

Галлер очутился, наконец, перед полынными кустами, покрывавшими часть берега. Здесь, по его расчету, и должно было быть самое удобное место. Выпрямившись тихонько настолько, что мог заглянуть сквозь листву, он убедился, что не ошибся: дичь находилась как раз на таком расстоянии, что можно было сделать меткий выстрел.

Взявшись за ружье и прицелившись, он выстрелил и, взглянув затем, увидел, что самец успел отчаянно метнуться единственный раз и упал мертвый наземь, а самка бросилась бежать.

Галлер хотел побежать к тому месту, где ждала его добыча, как вдруг с изумлением почувствовал, что не может высвободить ноги, как будто они увязли или что-то крепко держало их. Он еще раз попытался шагнуть, еще и еще раз рванулся, но так же безуспешно, а при третьей попытке он потерял равновесие и упал навзничь в воду.

Задыхаясь от усилий, он добился, наконец, того, что снова встал на ноги, но тотчас же снова почувствовал, что ноги его как бы вросли в землю. Напрасны были все усилия — ноги невозможно было подвинуть ни назад, ни вперед, ни вправо, ни влево — и в довершение он почувствовал, что вязнет все глубже... Тогда только ему стала ясна страшная правда: он увяз в зыбучем песке!

Мягкий песок доходил уже до самого верха его кожаных сапог, и он чувствовал, что погружается все глубже и глубже, медленно, но неумолимо, как будто какая-то подземная нечистая сила, властно увлекает к себе свою жертву.

Весь охваченный невыразимым ужасом, он стал громко кричать, призывая на помощь, но откуда он мог ожидать ее? На несколько миль вокруг в этой пустыне не было ни души, быть может, ни одного живого существа, кроме его привязанного коня, ответное ржание которого звучало, как насмешка над отчаянием его господина.

Галлер изгибался наперед, насколько только позволяла его прикованность к земле, и, словно обезумев, начал иступленно взрывать песок у ног, но он только царапал его с поверхности, и небольшая ямка, которую ему удавалось сделать, почти тотчас же снова наполнялась песком.

Вдруг у него мелькнула мысль. Если бы удалось уложить горизонтально ружье, оно, быть может, могло бы ему послужить некоторой опорой. Он оглянулся, отыскивая его глазами, но его нигде не было видно. Зыбучий песок почти совсем засосал его!

Последняя надежда его рухнула почти в ту же минуту, как вспыхнула; и с крушением ее пришлось отказать от всякой мечты о спасении, по крайней мере, Галлеру больше ничего не приходило в голову. Им на-

чинало овладевать какое-то странное оцепенение; надо было собрать всю силу воли для борьбы с этим душевным оцепенением, чтобы мужественно встретить смерть лицом к лицу.

Стоя совершенно прямо, он то обводил глазами необозримую поверхность прерии, то подымал их вверх к безоблачной синеве неба, и в душе его рождались то покаяния, то молитвенно благоговейные чувства.

Солнце лило свои яркие, радостные лучи на несчастного обреченного, словно желая пролить утешение в скорбное сердце его, словно вдыхая в него мужество... Так, безнадежно и безропотно ожидая конца, погружившись уже почти до пояса, он вдруг услышал знакомый звук, вмиг прояснивший его мысли и наполнивший душу новой надеждой. Это снова заржала лошадь... Его конь!.. Боже всемогущий! Быть может, через коня Он пошлет ему в самую последнюю минуту спасение...

Не теряя ни секунды Галлер начал, как только мог громко, звать лошадь по имени. Он знал, что она непременно прибежит на его зов, если только услышит его, потому что привязана была слабо и, если рванется, ветка кактуса должна будет уступить лошадиной силе. После короткой паузы Галлер снова принялся звать словами, знакомыми и привычными его верному Моро, затем снова умолк, прислушиваясь с сильно бьющимся сердцем. Несколько секунд все было тихо. Потом послышался шум, как будто лошадь рвалась, освобождаясь. Наконец, отчетливо раздался ее быстрый и мерный галоп.

Все ближе и явственнее звучал ее бег, пока красавец-конь не вскочил на береговой край, под которым стоял, погибая, его господин. Тут он остановился, встряхнул гривой и пронзительно заржал, по-видимому смущенный тем, что не находил своего господина, нервно поводя мордой во все стороны. Галлер, отлично знавший все привычки несравненного создания, протянул руки к нему, продолжая обращаться к коню с магическими ласкательными словами.

Конь взглянул, наконец, вниз, увидел своего господина, и одним скачком прыгнул в ручей. Через мгновение повода были в руках Галлера.

Ни одного мгновения медлить было нельзя: уже он ушел в песок по грудь, уже касался подмышками воды. Быстро ухватившись за спускавшийся с седла ремень и потянув его, чтобы убедиться, прочно ли он висит, он сделал, как мог быстро в своем неудобном

положении, петлю и продел в нее голову и плечи, так что она поддерживала его подмышки.

Пока он все это делал, животное хорошо понимало, казалось, чего от него ждали. Оно, по-видимому, понимало особенность почвы, потому что все время, пока Галлер связывал ремни, оно беспрестанно переминалось с ноги на ногу, не допуская себе увязнуть.

Приготовления были закончены, и Галлер, с тоской и ужасом в душе, сделал сигнал своему коню бежать вперед. Но умное животное, как бы вполне ясно понимая положение своего хозяина, не помчалось сразу — что могло бы вывихнуть руки Галлеру — а тихо тронуло и медленно двинулось вперед. Ремень туго натянулся, Галлер почувствовал, что тело его шевельнулось, еще минута — и он с невыразимым восторгом убедился, что был извлечен из песка.

К сожалению, радостное чувство Галлера было омрачено ощущением острой, колющей боли. Правда, он дотащился до лошади, собрался еще с силами и крепко обнял шею верного животного в благодарность за спасение, с невероятным усилием взобрался даже на седло — но тут его силы совершенно иссякли. Оставив ружье и сапоги на произвол судьбы, пожертвовав даже охотничьей добычей, он желал теперь только одного: бежать с места своего страшного приключения.

И судорожно ухватившись руками за луку седла, собравшись еще с последними силами, чтобы направить, куда следовало, коня, он медленно поплелся к условленному месту стоянки, куда и приехал, наконец, измученный страшными болями в боку и в бедре.

VI. Одиночество

Последствия последнего приключения были очень серьезны для Галлера. На следующее утро он проснулся в сильном жару. Боли в боку, причиненные ушибом, очень усилились вследствие напряжения, которым он освободился из своей песчаной могилы, и опухоль приняла такой злокачественный вид, что друзья его серьезно испугались. Главное же было очевидно, что о возможности сесть в седло нечего было и думать еще несколько недель.

Сен-Врэн делал для своего больного друга все, что только было в его силах: обмывал ему раны, делал перевязки, говорил ему слова утешения. Но поездку в

Санта-Фе откладывать было все же невозможно, необходимо было обеспечить свободный въезд каравана, а Галлер был совершенно неспособен к верховой езде. Ничего другого не оставалось, как оставить в этом временном лагере больного под надзором и уходом двух спутников, пока не придут с караваном его собственные телеги.

Дня через два прибыл караван, больного устроили с возможными удобствами, и после недельного пути по долине Рио дель Норте он был сердечно встречен своими прежними спутниками в знаменитом Санта-Фе, ново-мексиканской столице. Там он был передан попечению искусного хирурга, который предписал ему полный покой и уверил всех, что через две недели Галлер будет совершенно здоров.

Но судьбе Галлера было угодно, чтобы этим не кончилась его злополучная охота на антилопу, а повлекла бы за собой наоборот целую цепь страданий и злоключений.

Первой прискорбной вестью было для него тяжкое испытание, которому его подверг врач своим требованием абсолютного покоя. Караван вез слишком значительный транспорт товаров, чтобы мог удовлетворяться сбытом их в одном только Санта-Фе, и вынужден был поэтому отправиться на третий день в Чигуанум, дальше по Рио дель Норте.

Ослушание врача грозило ему верной смертью, так что о сопровождении каравана Галлер и думать не мог. Не было другого выхода, как оставить его в Санта-Фе с одним только верным канадцем Годэ, как ни искренне сожалели об этом все. Галлеру же было особенно грустно расставаться с вечно бодрым и веселым Сен-Врэнном, который так умел развлекать и успокаивать его в дни страданий. Как истинный друг, Сен-Врэн предложил взять на себя заботу о товарах Галлера и о их сбыте в Чигуагуа.

— Не сокрушайтесь, любезный друг,— говорил, прощаясь, Сен-Врэн,— мы мигом справимся там и снова прикатим к вам. А с товарами положитесь на меня. Я навьючу вам мула мексиканскими долларами. Будьте же здоровы, храни вас Всевышний!

Через полчаса Галлер, которому разрешалось садиться, опершись на подушки кровати, увидел из окна белое полотно телег, купцов, своих недавних спутников, садившихся на коней; ему слышны были щелканья бичей погонщиков и их громкие возгласы. С тя-

желым чувством одиночества и покинутости печально опустился он на постель.

Потянулись долгие, томительные дни, которых не могла скоротать и скрасить даже сердечная заботливость Годэ, тем более, что и его неунывающий юмор не вполне уцелел в обстановке этого варварского города.

Минула, однако, и эта тяжелая пора. Врач разрешил ему понемногу вставать, потом гулять по улицам, что доставляло ему очень мало удовольствия, так грязны были жители и даже сами улицы. Наконец, ему было разрешено привыкать снова понемногу и к седлу, и он ездил каждый день на своем Моро, делая с каждым днем все более длинные концы.

Так прошло две недели. Однажды утром, проснувшись и почувствовав себя совсем здоровым, Галлер сказал Годэ:

— Я больше не вынесу такой жизни, Годэ!

— Ах, сеньор, скука, действительно, нестерпимая! — с живостью воскликнул Годэ.

— Я решил положить этому конец!

— Но как же быть, сударь? Что же вы можете сделать?

— Уйду из этого проклятого места — и завтра же!

— Достаточно ли вы окрепли для такого долгого пути верхом?

— Я хочу попытаться, во всяком случае! Ведь и доктор не видит ничего плохого при известной осторожности. Ну, а если бы мне и сделалось хуже дорогой — есть ведь и другие города по пути, где можно остановиться. Где угодно будет лучше, чем здесь!

— Это правда, сударь, вдоль реки много красивых деревень. Я тоже нахожу, что всюду лучше, чем в этой грязной дыре.

— Итак, решено, Годэ! Приготовьтесь полностью сегодня, так как мы завтра уедем ранним утром.

— Слава богу! Я с удовольствием начну сейчас же собираться.

Галлер решил во что бы то ни стало выехать из Санта-Фе и последовать за караваном. Быть может, ему удастся нагнать его где-нибудь. Это могло удалиться, потому что по глубокому песчаному приречному пути караван мог успевать пройти за день немного. Но если бы это и не удалось, он всюду мог бы остано-

виться с таким же успехом и с неменьшим удовольствием, чем в Санта-Фе.

Хозяин гостиницы, в которой они жили, всячески старался отговорить его от этого путешествия.

— О, не ездите, сеньор! Не рискуйте, если вам жизнь дорога!

— Почему же, добрый мой Хосе? — спросил удивленный Галлер.

— О, сеньор, индейские разбойники, право... Это злые люди, эти навахи! Карамба!

— Да ведь я еду не к индейцам, а вниз по реке, через новомексиканские города.

— Ах, сеньор, и эти города не застрахованы от разбойничьих нападений навахов! Кто же этого не знает?

Но, как и следовало ожидать, все эти страхи не отпугнули Галлера. Чуть забрезжил рассвет, он был уже в седле и в сопровождении Годэ и двух тяжело навьюченных мулов выехал из опустылевшего ему города по дороге на Рио-Абахо.

VII. Путина смерти

В первые дни путешественники не имели интересных впечатлений. Канадец уже давно и хорошо знал эти места, а Галлер был весь поглощен мыслью и желанием догнать своих товарищей и мало интересовался впечатлениями пути. Довольно долго путь шел вдоль Рио-дель-Норте, и большинство встречалось селений ничем особым не отличавшихся от Санта-Фе. Встречались искусственные каналы для орошения, майсовые поля, виноградники. Вообще по мере приближения к Рио-Абахо, южной области, земля становилась все богаче и плодороднее.

Местность становилась красивее и живописнее от окружавших ее на востоке и на западе высоких темных гор, как будто упиравшихся вершинами в небо. Живописны были и костюмы встречавшихся по дороге и в деревнях жителей: мужчины в своих серапе — полосатых шерстяных плащах, в круглых широкополых шляпах — сомбреро, в широких полотняных или бархатных шароварах с отделкой из рядов блестящих металлических пуговиц и опоясанных шарфами ярких цветов. Пурпурно-красные плащи на мужчинах, гра-

циозные покрывала на женщинах — все было необычно и живописно.

Галлеру не могли не броситься в глаза также грубые земледельческие орудия. Это грохочущие карреты, с их широкими, необитыми деревянными колесами, первобытный плуг, вилообразно выструганный из дерева и едва взрывающий землю, быки, запряженные попарно в одном ярме на рогах — все это было для него ново; но остановиться он не мог ни на чем, движимый одним лозунгом: вперед, вперед!

На пятый день пути путешественники въехали в жалкую слободку Парида, которая обещала, как оказалось, так мало комфорта, что на другое же утро они были снова на пути в городок Сокорро, последнее населенное место Новой Мексики вплоть до самой ужасной пустыни — Пустыни смерти.

По этому пути, в Путину смерти, Годэ еще никогда не случалось ездить, но в Париде им представился случай нанять проводника по пустыне. Этот человек сам предложил свои услуги, а так как Галлер узнал, что в Сокорро не легко будет найти проводника, то он согласился взять этого, хотя наружность грубого малого ему и не понравилась.

Прибыв в Сокорро, он убедился, что проводника здесь, действительно, не достать ни за какие деньги, и постарался примириться с нанятым парнем ввиду серьезных опасностей, представлявшихся в Путине смерти и среди ее случайных гостей, диких апачей.

В Сокорро только и было толков, что об индейцах. Рассказывали, что дикари напали на крупный караван неподалеку от Фра-Кристобаля, увели всех мулов и перебили всех до одного погонщиков. Все местечко было в большом волнении по поводу этой вести, в страхе от ожидания нападения, здесь и на Галлера посмотрели, как на сумасшедшего, когда узнали о его намерении проехать через «Путину смерти».

Но Галлеру чужда была нерешительность. Он узнал, что караван проходил через Сокорро всего три дня тому назад; таким образом, у него была надежда догнать своих прежних спутников и присоединиться к каравану еще раньше, чем они успеют выехать из Эль-Пасо. Ввиду этого он приказал обоим слугам собираться и рано утром выехать.

Галлер и Годэ проснулись еще перед рассветом. Годэ поспешил разбудить проводника и вместе с ним оседлать животных, но через минуту вбежал с криком:

— Сударь, он убежал! Мошенник сбежал!

— О ком вы говорите? Кто сбежал? — воскликнул Галлер.

— Этот гнусный мексиканец! И мула увел... Украл мула, сел на него и ускакал! Да взгляните сами!

С тревожным чувством пошел за ним Галлер. Что, если... конь... его конь?.. Но нет, слава богу, конь здесь! Но один из муллов вместе с навьюченным грузом исчез.

— Быть может, негодяй еще не успел скрыться, — подумал Галлер, — быть может, он еще в городе.

Во все стороны разослали гонцов, пошли и сами на поиски. Все было напрасно. Наконец, они узнали от одного новоприбывшего, что он встретил человека, по виду похожего на проводника, скакавшего галопом на муле вверх по течению. Сомнений не оставалось.

Что было предпринять? Погнаться за воров в Париду? Это был бы напрасный труд, так как тот не будет, конечно, так глуп, чтобы ехать по большой, проезжей дороге. Галлер решил волей-неволей примириться с этим, пока не получит возможность с возвращением купцов поймать мошенника и предать его в руки властей.

Надо было, однако, найти другого проводника. Галлер обратился к хозяину гостиницы, но безуспешно: никто теперь не соглашался отправиться через «Путину смерти». Обращался он и к торговцам, и к разным зевакам на рыночной площади — один и тот же ответ отовсюду: невозможно... страшно... апачи... Один и тот же отрицательный жест, общий по всей Мексике: помахивание указательным пальцем перед носом.

— Ну, Годэ, как быть? Ясно, что проводника нам не достать. Остается попытаться самим отправиться. Что вы об этом скажете, товарищ?

— Я готов, сударь! Едем без проводника!

И Галлер отправился в путь в сопровождении своего преданного спутника и единственного уцелевшего вьючного мула. На ночлег они остановились в так называемых Вальведерских развалинах и утром выехали навстречу опасности, быть может, гибели.

Через два часа они подъехали к ущелью Фра-Кристобаль. Тут дорога прерывалась речкой и, изгибаясь, вела в безводную пустыню. Путешественники переправились вброд на восточный берег и, прежде чем двинуться дальше, наполнили драгоценной влагой кожа-

ный мех мула и свои походные фляги и напоили вволю животных.

Со свежими силами и в довольно бодром настроении поехали они дальше. Галлер уже перестал жалеть о потере другого мула и весело думал о скором свидании с Сен-Врэнном и остальными друзьями; но обстановка очень мало благоприятствовала сохранению этого бодрого настроения. Пустыня начинала оправдывать свое ужасное прозвище путины смерти.

Тропинка была вся усеяна костями множества животных. Порой среди костей виднелись и человеческие. Вместе, в одних кучах, лежали они и волки одновременно обгладывали их. Тут погибали они, в ужасе и отчаянии, на этом безводном пути, а между тем стоило сделать еще несколько усилий — и воду можно было достать. Если бы они только знали об этом!

Попадались путешественникам на дальнейшем пути и другие предметы, изделия рук человеческих: погнутая жестяная бутылка, старая шляпа, обрывок седла, ремня... все это рассказывало печальную повесть погибших жизней.

А они добрались еще только до начала пустыни. Пока еще они бодры. Как-то они доедут до противоположного края ее? Не оставят ли и они подобных знаков на память...

Тягостные предчувствия овладели душой Галлера и Годэ при взгляде на голую бесконечную равнину. Они не боялись апачей, но сама природа внушала эти тоскливые и тревожные мысли и чувства. Приближается полдень. Солнце подымается все выше, и с каждым мгновением его лучи становятся все нестерпимее знойными. Дует сильный ветер, но он не обвеивает путников прохладой, а, наоборот, обдает их духотой и больно царапает лицо взметаемым колючим песком.

Вот солнце достигло зенита. С трудом подвигаются они по зыбкому песку. На многие мили вокруг ни кустика, ни былинки. Нет больше путеводной нити из следов тележных колес: их занесло зыбким песком. Голое песчаное однообразное пространство, желтоватые пятна безводной и бесплодной пустыни...

И вдруг — словно чьей-то волшебной силой рожденная картина: взметенные могучим вихрем массы песка подымаются, растут, вытягиваются огромными колоннами к самому небу, кружатся, колышутся над голой равниной. Желтые и светящиеся, они отражают в своих кристаллах блестящие солнечные лучи. С бе-

зумной быстротой движутся они вокруг самих себя и медленно подвигаются вперед, все ближе и ближе к путникам.

С испугом и страхом смотрит Галлер на эти песчаные колонны. Он слышал, что такие бури обладают чудовищной силой, что они могут подхватить даже тяжелые предметы, подбросить их на ужасающую высоту и снова швырнуть наземь — и не без основания боялся такой участи для себя и своего спутника.

Вдруг, испуганный этим жутким явлением, мул рванул аркан и, сорвавшись, бросился бежать за холмы. Годэ погнался галопом за ним. Галлер остался один.

Вот снова закружились десять, двенадцать колоссальных колонн, движутся, обступая одинокого всадника со всех сторон, замыкая его в свой круг. Есть в них что-то призрачное, словно они существа из таинственного мира духов, одаренные демонической жизнью.

Вот две из них движутся навстречу друг другу, сошлись, вступили в бой, уничтожили друг друга. Песок рухнул на равнину, а пыль желтой бесформенной массой насыщает воздух, разносится ветром.

Несколько колонн приблизились друг к другу и, не сливаясь, обступили Галлера тесным кольцом. Альп лает и воет, Моро дрожит всем телом.

Галлер сидит в нерешительности в седле и ждет исхода. В ушах у него шумит и звенит, глаза перестают различать действительные цвета, все кажется окрашенным огнем, мозг словно застывает...

Вот закружился насыщенный сухим песком воздушный поток в дикой пляске. Мгновение — Галлера завертело и выбило из седла. Глаза, рот, уши полны песка; песок и камни яростно хлещут его по лицу... Вот его со страшной силой швырнуло наземь...

С минуту Галлер пролежал там, куда упал, полуослепший, полузасыпанный, как в могиле. Все, что он еще мог разглядеть — это то, что над ним все еще носятся густые тучи пыли. К счастью, он не ушибся. Открыть глаза и свободно смотреть он не мог: глаза были полны песка и страшно болели. Но он мог протянуть руки — и принялся шарить и щупать вокруг себя.

Пощупав и не найдя коня, он позвал его по имени. В ответ послышался слабый стон. Галлер ползком добрался до того места, откуда послышался голос, и провел рукой по телу верного животного — оно лежало на боку; но как только Галлер взялся за повод, конь

тотчас вскочил, хотя Галлер чувствовал, что он весь дрожал, подымаясь.

Долго стоял Галлер, опершись о шею коня, очищая глаза от песка и выжидая, пока уляжется вихрь. Наконец воздух очистился, проглянуло опять голубое небо, и Галлер, быстро вскочив в седло, начал прежде всего озираться, отыскивая Годэ. Но его и следа не было видно, а на долгие громкие крики Галлера только ветер гудел в ответ.

Тогда Галлер поехал по равнине на поиски товарища. Долго скакал он от холма к холму беспрестанно окликая Годэ по имени, но отклика не было и не было следов на земле — все было замечено вихрем.

В отчаянии Галлер остановился. Он докричался до хрипоты, до потери сил. Больше он не в силах был искать до тех пор, по крайней мере, пока не подкрепится глотком воды. Он опустил руку, чтобы достать флягу... Боже милосердный, обе фляги разбились, а большой мех с водой остался на муле!..

А ближе пятидесяти миль нельзя было найти ни капли воды!

Насколько он мог сообразить, он проехал около полонины проклятой «Путины смерти». Он чувствовал, что без воды не доедет до конца. В нормальных условиях здоровый человек может вынести жажду в течение нескольких дней, но обессиленному болезнью и долгим жаром Галлеру, истомленному зноем пути, измученному вихрем, не вынести смертельной жажды среди той же знойной пустыни.

От потрясения, волнения и слабости Галлер потерял всякое представление о дороге. После нескольких минут колебания он почти бессознательно направил лошадь на запад. Он смутно сознавал, что уклоняется от дороги на Чугуагуа, но лучше было добыть воды и спасти свою жизнь, чем найти среди пустыни верную смерть.

Так проехал он много миль, держась того же направления на запад — только одно солнце указывало одинокому всаднику путь. До вечера Галлер храбро боролся с невыразимой мукой жажды, но к вечеру лихорадка со страшным жаром сделали свое дело. Он потерял сознание и с этого момента долго-долго не мог припомнить ничего из того, что было с ним.

Смутно припоминался ему какой-то крутой обрыв на высоком берегу. Долго он ехал к нему, должно быть, потому, что когда он очутился на нем, солнце

высоко стояло на небе... Под ним была пропасть... Дивная река протекала там в изумрудной зелени берегов... Деревья трепетали листвою, воздух благоухал, звучала удивительная музыка птичьих голосов.

Но Галлера сжигала мучительная жажда — воды, воды! Туда полететь, в эту пропасть, где шумит река! И он летит, летит долго, бесконечно, а вода все так же недосягаема, далеко...

Галлер впал в полное беспамятство и уже не сознавал, не помнил, не чувствовал ничего.

VIII. Спасение

В большой и светлой комнате, обставленной изящной резной мебелью, лежит на удобной кровати бледный и исхудавший Галлер. Через открытую высокую дверь из соседней комнаты тихо доносится музыка... Галлер растерянно и с недоумением оглядывается вокруг... Не бред ли это? Где он?

Нет, это не бред, живая действительность. Но как все это противоположно той обстановке и тем ужасным переживаниям, воспоминания о которых вдруг затолпились в его душе!

Тихо и нежно доносится песня... Прекрасный женский голос поет под аккомпанемент музыки... Галлер слегка приподнимается в постели и вглядывается в сидящих в соседней комнате: двое мужчин и две дамы... Кто они?

Поближе к двери сидит на низкой оттоманке дама средних лет. Она проводит пальцами по струнам арфы, звуки которой он слышал. Благородные черты ее лица, все еще красивого, носят печать глубоких душевных страданий, и даже игра ее носит характер скорби и боли.

Глаза Галлера переносятся на пожилого мужчину и стоящую совсем близко около него молодую девушку. Мужчина стоит посреди комнаты перед столом, усыпанным множеством листьев, растений и трав, которые он внимательно сортирует и бережно раскладывает между листами книги-гербария. Это, по-видимому, ученый, ботаник. У него цветущее лицо, высокий и широкий лоб мыслителя, голубые глаза под очками в серебряной оправе.

Молодая девушка, помогавшая, по-видимому, ученому в его работе, подавая ему с милой улыбкой, па-

давшие со стола растения, была очаровательным существом. Очевидно, это была дочь старшей дамы, но в противоположность серьезному и печальному выражению глаз матери синие глаза девушки смотрели на божий мир весело и лукаво. По плечам ее вились золотистые локоны пышных волос, которые она то и дело откидывала со лба грациозным движением головы.

Четвертый был высокий мужчина с мрачным выражением лица. В черных, как смоль, волосах и бороде его сквозила проседь. Одетый в короткую мексиканскую куртку при темных «кальцонеро» с желтыми пуговицами и высокие желтые сапоги с массивными стальными шпорами, он неутомимо шагал взад и вперед по комнате, производя внушительное впечатление, которого не портили ни изборозженный складками лоб, ни мрачные глаза.

Обведя внимательными глазами окружающую его обстановку и людей, Галлер вдруг заметил совсем близко от себя спящую собаку.

— Альп, Альп! — сорвалось невольно громкое восклицание с губ Галлера.

— Мама, слышишь? Больной заговорил! — прозвучал тотчас голос девушки.

Собака вскочила, стала передними лапами на край кровати и, радостно визжа, ткнулась мордой в грудь больного. Галлер гладил ее руками, образовательно приговаривая ласковые слова.

— О, папа... мама... он его знает!

Все четверо подошли к постели. Ученый взял руку Галлера, оттолкнув намеревавшегося прыгнуть на подушку Альпа.

— Он положительно выздоравливает! — воскликнул шагавший господин, обращаясь к другому в очках.— Взгляните только на его глаза, доктор, как он весь изменился!

— Да, да, гораздо лучше, значительно лучше,— ответил тот, пощупав пульс больного. — Температура нормальная, лихорадки нет, в глазах сознательное выражение. В моих скромных, познаниях больше нет нужды. Цыц, пес! — обратился он тотчас к Альпу.— Ступай прочь, мой добрый пес!

— Кто?.. Где?.. Скажите же мне, где я? Кто вы, скажите мне! — волнуясь, спросил Галлер.

— Успокойтесь, здесь все друзья,— ответил дружелюбно высокий черноволосый господин.— Вы потеряли сознание в жару, доведенный до безумия жаждой. Но

теперь все уже прошло, к счастью. Вот это — наш добрый доктор, друг нашей семьи. Это — моя жена, это — дочь моя, Зоя. А меня зовут Сегэн.

Галлер поблагодарил поклоном. Он знал теперь, что приковало его к ложу, но все же не знал, каким счастливым случаем попал в этот дом. Нетерпеливым вопросом светился его взгляд, обращенный на хозяина дома, и тот понял этот немой вопрос.

— Если позволят ваши силы и доктор, я охотно объясню вам все,— сказал он и остановился, точно ожидая подтверждения ученого.

— Ничего решительно не имею против,— ответил, улыбаясь, доктор.— Я уже больше, повторяю, не врач, а только сочувствующий друг. Завтра наш больной будет в состоянии встать. Удовлетворим же его понятное нетерпение.

— Вам я обязан жизнью, не правда ли? — спросил вдруг Галлер, прежде чем начал Сегэн, и протянул ему руку.

— Как попал я в этот дом? Дом ваш, как я могу понять? Как я попал сюда? Где вы нашли меня?

— Нашел я вас в не совсем надежном положении,— ответил Сегэн, улыбаясь.— В сущности, я едва ли могу приписывать себе заслугу вашего спасения. Вы им обязаны своему благородному коню.

— О, мой верный конь, мой Моро! Я лишился его!

— Ваш конь пасется шагах в пятидесяти от вас, и я думаю, вы найдете его в несколько лучшем состоянии, чем в каком видели его в последний раз. Оба мула ваши тоже во дворе и весь груз ваш цел, вы все найдете в полном порядке.

— А что с?..

— Вы хотите спросить о Годэ? — перебил его Сегэн.— Не беспокойтесь, и он в полной безопасности. Он проезжает теперь одного из моих коней и скоро вернется.

— О, какие все добрые вести! Как мне вас благодарить! Вы сказали, что меня спас мой конь? Как же это произошло?

— Вот как. Мы нашли вас на расстоянии нескольких миль от этого дома на высоком утесе, на который взбираются, чтобы смотреть сверху на Рио дель-Порте. Вы упали с края в самую бездну и повисли на аркане, счастливым случаем обвившемся петлей вокруг вашего тела. Одним словом, концом аркан был прикреплен к седлу и благородное животное, перегнув-

шись на задние ноги, удерживало всю вашу тяжесть на весу своей шеей.

— Мой дивный Моро! Какое ужасное положение!

— О, да, поистине ужасное. Если бы вы сорвались, вам пришлось бы пролететь пятьсот футов, прежде чем вы разбились бы о скалы внизу. Положенис истинно страшное.

— Вероятно, я попал туда в поисках воды?!

— В лихорадочном бреду вы шагнули с края обрыва и сделали бы это еще раз, если бы мы вас не удержали. Когда мы втащили вас на утес, вы боролись с нами, порываясь снова кинуться. В смертельной истоме жажды вы видели под собой одну только воду, не замечая и не сознавая пропасти. Такая степень жажды — страшная вещь, похожая на помешательство.

— Кое-что мне припоминается, но я думал, что все это был сон. Давно ли я в вашем доме?

— Пятый день. Первые три дня вы метались в жару и в бреду, так что мы едва могли удержать вас в постели. Вчера вы успокоились, а сегодня у вас все прояснилось в голове. Ну, и довольно с вас на первый раз,— прибавил он весело и решительно.— Я ответил на все ваши вопросы, а теперь отдохните хорошенько, поспите несколько часов, чтобы вполне собраться с силами на завтра. К тому же я и сам тороплюсь,— прибавил он, взглянув на часы.— У меня есть серьезное дело, и, чтобы попасть вовремя я должен поспешить. Но через несколько дней я возвращусь, доктор позаботится в мое отсутствие обо всем необходимом для вас. Моя жена и дочь будут ходить за вами.

— Благодарю, благодарю вас!

— Вам было бы всего лучше остаться здесь у нас до тех пор, пока ваши друзья, о которых я знаю от Годэ, вернутся из Чигуагуа. Путешественникам придется проезжать неподалеку отсюда, и я извещу вас, когда они будут подъезжать. Но мы еще успеем поговорить обо всем этом, когда я возвращусь. Вы найдете тут у нас много книг на различных языках. Мои дамы будут развлекать вас музыкой. Не скучайте. До свидания!

— Одну минуту, сударь! — взволнованно воскликнул Галлер, приподымаясь и протягивая обе руки Сегэну.— Гостеприимство — одна из благороднейших черт жителей этих южных стран,— заговорил он глу-

боко тронутый и горячо пожимая протянутую руку Сегэна,— но в отношении меня, человека совершенно вам чужого, вы обнаруживаете его в такой степени, что я совсем теряюсь... Поверьте мне, по крайней мере, что для меня не будет такой тяжелой жертвы, самой тяжелой, которую я с радостью не принес бы, чтобы доказать вам свою благодарность.

Несколько секунд молча смотрел мрачный господин на своего гостя, потом легкая улыбка скользнула по его лицу и еще не сошла с его губ, когда он ответил:

— Я верю вашей искренности, за нее ручаются ваши глаза. Но... не обещайте слишком много. Быть может, скоро наступит момент, когда мне придется напомнить вам о ваших словах.

И прежде чем Галлер успел вникнуть хорошенько в смысл его слов, он крепко пожал в последний раз его руку, доктор и дамы пожелали ему крепкого сна, и дверь соседней комнаты закрылась:

Оставшись один, Галлер некоторое время думал обо всем необычайном, пережитом в последнее время, но вскоре веки его отяжелели, и смутные сонные видения заволкли в уме его всю действительность.

IX. Автобиография Сегэна

Дом Сегэна был обнесен обширной четырехугольной оградой, тянувшейся до самого берега реки Риодель-Норте. Ограда состояла из высоких и толстых глиняных стен, обсаженных вверху колючей изгородью из кактусов. Дом был окружен внутри ограды великолепным садом, в конце которого, близ самой реки, была построена небольшая деревянная башня, откуда открывался чудесный вид на местность, окружавшую ограду.

Местность вокруг казалась дикой и необитаемой. На огромном пространстве, какое только мог охватить глаз, тянулась красивая листва хлопчатника, бросающая мягкую тень на реку. На юге, почти на самом краю горизонта, высился единственный церковный купол. Это была церковь Эль-Пасо, окруженная холмами, поросшими виноградниками. На востоке синели Скалистые горы, на западе тянулась двойная горная цепь, по пустынным ущельям которой редко ступала человеческая нога. Даже безумно смелые звероловы

с большими предосторожностями решаются забираться в эту почти неведомую область, простирающуюся на север от страны апачей и навахов.

Галлер, уже десять дней пользовавшийся гостеприимством в этом доме, очень мало успел познакомиться с окрестностями, довольствуясь прогулками по саду в обществе Зои и ее матери, к которым искренне привязался, и в обществе милого доктора, жившего уже несколько месяцев в доме Сегэна, дружески предоставившего в распоряжение ученого ботаника свой богатейший сад.

В таком милом обществе время летело незаметно для выздоровевшего Галлера. Чтение, музыка совместно с Зоей, рисование, прогулки и дружеские беседы наполняли весь день, так что, когда однажды перед ним очутился вернувшийся из своей таинственной поездки хозяин дома, он был изумлен, узнав, что тот провел в отсутствии целых десять дней.

Сегэну очень польстило это удивление гостя, свидетельствующее о том, что он хорошо чувствовал себя в его доме, и он дружески выразил свое удовольствие по этому поводу; но все время на его лице было выражение растерянности и беспокойства, которое не могло не броситься в глаза Галлеру, как ни старался хозяин владеть собой.

Прошел еще день, а настроение Сегэна не изменилось: он был очень любезен и внимателен в обращении, но по-прежнему лицо и движения его говорили о скрытом волнении и беспокойстве, и Галлер тщетно ломал себе голову, что могли бы быть за причины такого состояния.

Только на третий день Галлеру все объяснилось. После обеда Сегэн пригласил Галлера в свой кабинет, объяснив ему, что хочет поговорить с ним наедине. Введя гостя, он тщательно запер дверь на задвижку и, едва оба уселись, начал без обиняков:

— Вы произвели на меня впечатление человека, заслуживающего глубокого доверия, и я намереваюсь довериться вам так, как еще никогда не доверялся никому. Я расскажу вам поэтому кое-что о своей жизни. Я вижу, вам хочется спросить, почему и зачем я это делаю?.. Это вы узнаете, когда я кончу свой рассказ. Скажу пока только, что в последнюю мою поездку обнаружили обстоятельства, вынуждающие меня напомнить вам ваше обещание и заявить притязания на благодарные чувства, которые вы ко мне питаете.

Угодно ли вам выслушать биографию несчастного человека и его последнюю просьбу?

Пораженный и недоумевающий Галлер молча утвердительно кивнул головой.

— Меня считают французом. Это неверно, я — креол из Нового Орлеана. Мои родители жили на французском острове Сен-Доминго, но во время восстания негров вынуждены были бежать, и имущество их было конфисковано. Захватив, что только удалось спасти, семья моя бежала в Нью-Орлеан.

Окончив курс инженеров, я был приглашен на службу одним мексиканским владельцем копей, знакомым моего отца. Я был еще молод и, прожив несколько лет на горных рудниках Сан-Луи Потоси, сумел скопить из своего жалованья небольшое состояние. Я начал подумывать о том, чтобы создать себе собственное дело.

Давно уже носились слухи, что у притоков Джилы существуют богатые золотоносные жилы. Я явился сюда с несколькими рабочими и, посвятив несколько недель исследованию мест, нашел в горах неподалеку от Джилы драгоценную руду.

Пять лет я проработал во главе созданного мной предприятия и приобрел значительное состояние. Тогда я счел своевременным позаботиться об устройстве своего семейного счастья. Передав дело в руки управляющего, я уехал в Нью-Орлеан, где жила подруга моей юности, красавица кузина Адель. Она также оставалась мне верна. Мы поженились, и я привез ее сюда.

Я выстроил себе дом в Вальверде, ближайшем к моим рудникам населенном пункте. В то время это была цветущая местность, а теперь она превращена в развалины набегами апачей.

Несколько лет мы прожили там в богатстве и счастье... Я оглядываюсь на эти годы, как на пору величайшего безоблачного счастья.

Бог благословил наш союз двумя детьми, девочками. Младшая похожа на свою мать, как вы, вероятно, заметили. Старшая была больше похожа на меня. Как мы любили наших крошек! Как мы были счастливы!

В Санта-Фе был назначен новый губернатор. Это был жестокий тиран, нагнавший ужас на всю область. Не было такого позорного поступка, такого гнусного преступления, на которые это чудовище не было бы способно.

Вначале он держался довольно прилично, в лучших местных домах ему оказывали торжественные приемы. Так как и мой дом принадлежал к лучшим, то он и мне часто оказывал честь своим посещением. С течением времени он начал бывать у нас все чаще и чаще, через несколько месяцев я понял причину этого.

Жил он слишком расточительно, чтобы его жалованья могло хватать, и его заискивания передо мной имели чисто корыстное побуждение: он вечно просил денег, и я был так слабохарактерен, что выдавал ему раз за разом значительные суммы. Правда, я мог это делать тогда без риска поставить себя в затруднение. Но моя любезность только поощряла его жадность, суммы, которых он требовал, оказывались все крупнее и крупнее. И когда я, наконец, объявил ему, что больше не могу уделять ему крупные суммы, он прибег к угрозам.

Сумей я тогда ответить ему спокойно и презрительно, мы просто разошлись бы, недовольные друг другом, и дело бы не имело дальнейших последствий. Но у нас, южан, горячая кровь, а тогда моя кровь была еще горячее, я был молод. Я начал упрекать его в неблагодарности, он тоже вышел из себя — слово за слово, он бросил мне в лицо тяжкое оскорбление, а я... Ну, я позвал своих людей, приказал насильно выставить оскорбителя за дверь моего дома и избить его среди площади, на глазах толпы.

Меня схватили и заключили в Альбукерскую тюрьму, где я протомился несколько месяцев. Когда я был выпущен на волю и вернулся на родину, она оказалась разгромленной и опустошенной! На эту местность напали дикие навахи, мое имущество было разграблено, разбито, разрушено... а мое дитя... Боже мой, боже! — моя старшая девочка, крошка Адель, была уведена пленницей в горы!

— Что же случилось с вашей женой и... Зоей, вашей второй девочкой? — спросил взволнованный рассказом Галлер.

— Им удалось бежать. Преданные мне слуги храбро боролись с разбойниками, и в пылу борьбы одному из них удалось укрыть мою жену с крошкой Зоей на руках в овраге в саду, а потом спрятать их в хижине пастуха в лесу, где я и нашел их по возвращении.

— А старшая? Узнали вы о ней что-нибудь?

— Да, да... сейчас расскажу...

Помолчав, Сегэн продолжал:

— Рудник мой также был весь разрушен, многие рабочие были убиты. Погибло и все предприятие, и все мое состояние. Некоторые из рабочих, которым удалось спастись, согласились отправиться со мной на поиски врага, за моей дочерью. Но все наши преследования были тщетны. Мы вернулись с расстроенным здоровьем, я — с разбитым сердцем.

— О, сударь, вам трудно понять муку и горе отца, лишившегося ребенка при таких страшных обстоятельствах!..

Он стиснул голову руками и сидел несколько минут неподвижно и безмолвно. Лицо его выражало жестокую скорбь.

— Я сейчас подхожу к концу своей истории. Разумеется, только до настоящей минуты. А конец... кто знает, каков он будет?

Целые годы скитался я у границы индейских областей и искал свое дитя. Ко мне примкнула кучка таких же несчастных, лишившихся жен, дочерей. Но время шло, иссякали силы и средства, отчаяние приводило к унынию. Один за другим отстали от меня все мои спутники.

Правительство не оказывало нам никакой помощи. Наоборот, тогда поговаривали — теперь это уже доказано, что сам губернатор вошел в тайные сношения с предводителями шаек навахов, обещав им полную безнаказанность при условии, что они будут нападать только на его врагов.

Узнав эту ужасную тайну, я понял, чья рука направила удар на меня. С тех пор было два случая, когда жизнь его была в моих руках. Но за его гнусную жизнь мне, вероятно, пришлось бы заплатить своей, а у меня были обязанности, ради которых я должен был жить. Быть может мне еще представится случай почитаться с ним.

Дальнейшее пребывание в Новой Мексике было небезопасно, поиски пришлось прервать. Я решил покинуть эту местность и, переехав «Путину смерти», поселился на некоторое время в Эль-Пасо, весь отдавшись скорби о погибшей дочери.

Но я недолго оставался бездействующим. Участвовавшие набеги апачей и навахов на Сокоро и Чигуагуа побудило правительство приняться энергичнее за защиту провинций. Вновь были возведены маленькие укрепления, в них были размещены войска, и из охотни-

ков различных народностей был сформирован отряд, не ограничивавшийся только защитой открытых и укрепленных мест, а совершавший, в свою очередь, по примеру индейцев, набеги и нападения на страну апачей и навахов.

По условию, добыча от таких набегов оставалась собственностью отряда и поровну делилась ими между собой, и, кроме того, участники получали от правительства премию за представленные ими скальпы. Мне было предложено главное начальствование над отрядом и, в надежде найти этим путем мое дитя, я согласился... Так стал я начальником охотников за скальпами.

Вы содрогаетесь?.. О да, это ужасное, отвратительное дело! И если бы моей целью было только мщение, я был бы давно удовлетворен. Мне отвратительна бесчеловечная бойня, и своим положением я пользуюсь, чтобы по мере сил ослаблять ее. Одно единственное желание воодушевляет меня — вырвать мою дочь из рук навахов!

Время от времени мне случалось узнавать о местопребывании моей Адели от пленников, которых я освобождал, но у меня не хватало людей и средств, чтобы пробраться к навахам через пустыни северной Джилы.

— И вы полагаете?..

— Минуту терпения, я сейчас кончаю. Мой отряд теперь сильнее, чем был когда-либо. От одного бежавшего из плена у навахов я получил недавно известие, что вожди обоих племен намереваются переселиться на юг. Они стягивают свои силы для грандиозного набега — до самых ворот Дуранго. Я намерен воспользоваться их отсутствием, чтобы пробраться в их гнездо и отыскать дочь.

— А вы полагаете, что она еще жива?

— Я знаю это наверняка. Беглец, принесший мне эту весть и поплатившийся, бедняга, своим скальпом, снятым с него вместе с ушами, часто видел ее. Она занимает там особое положение, вроде королевы, и пользуется особой властью и привилегиями. Да, она жива! И если мне удастся освободить, вернуть ее — для меня начнется новая жизнь.

Галлер слушал с глубоким волнением необыкновенную повесть. Сердце его было полно сострадания к ужасной судьбе этого человека, не поколебавшегося пожертвовать всем — состоянием и добрым именем —

и с поразительной энергией и настойчивостью шедшего к одной цели: найти, вернуть свое дитя. Он готов был преклониться перед ним. Но, как бы предчувствуя, что самое серьезное для него еще впереди, он не отозвался ни словом.

Он не ошибся.

После короткого раздумья Сегэн доверчиво взглянул на собеседника и сказал:

— Теперь, когда вы немножко узнали меня, вы не истолкуете дурно мою просьбу, которой я хочу закончить свой рассказ. Дайте мне на время вашего коня, вашего дивного Моро! Только на время моей поездки!.. И дождитесь нашего возвращения в моем доме. Это лучший конь, какого я когда-либо видел в здешних краях — с ним мне посчастливится, быть может, спасти мое дитя. Что же до второй части моей просьбы — я хотел бы, чтобы мои дамы остались в отсутствие мое и доктора (он хочет отправиться со мной) под надежной защитой. Согласитесь ли вы принести мне эти две жертвы?

Наступило короткое молчание, которое нарушил Галлер.

— Нет! — твердо и решительно ответил он. — Если правда, как вы сказали, — продолжал он, не дав ошеломленному Сегэну ответить, — что навахи собираются сделать набег на Дуранго, то ваши дамы здесь будут в безопасности и в моей скромной защите не нуждаются. Что же касается Моро, то я после недавних событий дал себе клятву, пока я жив, никогда с ним не расставаться. Как видите, я не могу исполнить ваших просьб.

— Да, я вижу, сударь, — ответил Сегэн вежливо, но с ледяной холодностью. — В таком случае, ни слова больше об этом, — прибавил он, вставая.

— Нет, пожалуйста, еще одно слово, — возразил, улыбаясь, Галлер, сам вскочив и с дружеским насилием усаживая Сегэна на место, с которого тот поднялся. — Быть может, я нашел бы способ соединить мои благородные чувства к вам и вашей семье с моей клятвой. Не знаю только, будет ли это вам по душе.

— Какой же это способ? — спросил заинтересованный Сегэн.

— Я пойду с вами на своем Моро.

Несколько секунд Сегэн молча смотрел на Галлера, потом пробормотал:

— Вы хотите мне помочь вернуть мою дочь?

— От всего сердца!

— Вы хотите сопровождать меня в пустыню?

— Да, хочу.

— Ну,— сказал Сегэн, тяжело переведя дух,— да вознаградит вас бог за ваши благородные порывы! — И быстрым шагом подойдя к Галлеру, он бурно обнял его.

— Не думайте обо мне лучше, чем я этого заслуживаю,— заговорил снова Галлер.— Ведь вы не знаете, не действую ли я из эгоистических побуждений и не обращаюсь ли я к вам по возвращении с просьбой в свою очередь.

Сегэн внимательно посмотрел в глаза новому другу и, как бы прочтя в них его сердечную тайну, просто ответил:

— Довольно! Когда мы вернемся — мой дом... моя жизнь... все, все мое будет вашим... А теперь надо действовать,— прибавил он с прежней энергией.— Ваше предложение придало мне сил и бодрости, я чувствую, что, сопровождая меня, вы принесете мне счастье. Завтра мы отправимся.

— Рано утром?

— С рассветом.

— В таком случае я должен осмотреть своего коня и свое оружие.

— Все в полном порядке. Годэ вернулся! — воскликнул с радостным волнением Сегэн и в ту же минуту, распахнув дверь в соседнюю комнату, откуда ему слышны были, вероятно, голоса своих, он обратился к ним:

— Адель! Зоя! Ах, и вы тут, доктор, с вашими неизменными травами? Вот и отлично. Мы завтра уезжаем. Адель, дай нам кофе и потом поиграй нам: твой гость завтра покидает тебя.

Х. Следы набегов

Звезды еще не вполне померкли, когда трое мужчин в сопровождении одного только канадца Годэ выехали по песчаной дороге вдоль по течению реки. Время от времени им приходилось проезжать по невысоким холмам, а в промежутке путь лежал по низменностям, густо поросшим лесами. Благодаря частым кустарникам дорога была очень трудная, и хотя деревья и были срублены когда-то по сторонам, чтобы проложить до-

рогу, но на самом пути не видно было никаких следов того, что по ней ездят. Вся местность казалась дикой и необитаемой. Это подтверждалось и тем, что олени и антилопы часто перебегали поперек пути всадников или выскакивали из-за кустов совсем близко от них.

Путешественникам попадались места, бывшие когда-то заселенными, по-видимому, а однажды им встретились даже развалины церкви, старая башня которой обрушивалась частями. Всюду вокруг валялись кучи кирпичей, которыми было усеяно большое пространство. По-видимому, здесь было когда-то большое цветущее селение.

Что же случилось с трудолюбивым населением его? Вот из-за развалин стен, поросших колючками, прыгнула дикая кошка и убежала в лес. Медленно взметнулась откуда-то сова и пронеслась над головами всадников, издавая свое жалобное уханье... Еще глубже почувствовалось унылое и дикое запустение всей картины.

Куда же, куда девались все те, чьи голоса оглашали когда-то эти печальные развалины? Где те, кто благоговейно склонял когда-то свои колени в тени этого священного здания? Исчезли... Когда? Куда? Почему?

На целый ряд таких вопросов Галлера Сегэн отвечал одним коротким и выразительным словом:

— Индейцы!

Дикари со своими копьями, ножами и отравленными стрелами.

— Навахи? — спросил Галлер.

— Навахи и апачи.

— Они еще могут вернуться снова в эти места?

— Нет, никогда!

— Почему вы так уверены?

— Это наша область, — выразительно и с ударением пояснил Сегэн. — Они находятся теперь в такой местности, где живут необыкновенные ребята, вы это скоро увидите, друг мой. Горе тем апачам или навахам, которые забрели бы в эти леса!

Чем дальше они ехали, тем пустыннее становилась местность. Вдали путникам бросились в глаза две огромные отвесные скалы, нависших по обоим берегам реки друг против друга и высившихся, словно стражи, над шумливым, пенящимся течением.

— Видите тот утес? — спросил Сегэн Галлера, указав на южный скалистый берег, над отвесной стеной которого выдавалась мощная каменная глыба.

Галлер кивнул головой.

— Это тот самый, с которого вам так хотелось прыгнуть. Вон там мы нашли вас висящим, на самом высоком выступе...

— Боже милостивый! — вырвался крик у Галлера при взгляде на эту головокружительную высоту. Все завертелось перед ним при одном представлении об этом ужасе.

— Если бы не ваш дивный Моро, наш доктор остановился бы теперь, вероятно, в раздумьи над вашими костями и строил бы вволю догадки. Правда, доктор?

Доктор не ответил ни слова, измерив в немом ужасе глазами высоту утеса и глубину пропасти...

XI Лагерь охотников за скальпами

Подлежав около полудня к тенистой группе хлопчатника, путники сделали часовой привал, отдохнули, позавтракали и снова отправились в путь, чтобы скорее добраться до лагеря охотников за скальпами.

Появление Сегэна и его спутников приветствовалось всеми группами, мимо которых они проезжали, громким «ура!», но больше на них не обращали внимания. Никто не поднимался с места, не прервал своего занятия. Прибывшим спокойно предоставили самим расседлывать коней и позаботиться о себе. Галлера, отвыкшего от седла, сильно утомила езда. Он бросил на землю свое одеяло, опустился на него, прислонившись к пню, и с большим любопытством принялся рассматривать окружающее.

Лагерь был разбит в извилине Рио-дель-Норте, обсаженной высоким хлопчатником. Он состоял из нескольких разорванных палаток и нескольких шалашей, обтянутых шкурами по индейскому образцу. Большинство же охотников устроило себе убежище из четырех воткнутых в землю кольев, обтянутых сверху буйволово́й шкурой и, казалось, вполне довольствовалось таким приютом.

Сквозь редкие деревья виднелся неподалеку сочный зеленый луг, где паслись на длинных арканах мулы и мустанги. В лагере всюду виднелись развешенные на пнях и ветвях деревьев седла, поводья и тюки. К деревьям были прислонены ружья. Всюду на земле

виднелась посуда — чашки, котелки. Перед кострами сидели группы охотников; некоторые курили, другие жарили оленину. Три таких группы привлекли к себе особенное внимание Галлера.

Сидевшая ближе других к Галлеру группа говорила по-испански. Это были мексиканцы, одетые совершенно так, как был одет Сегэн, только ткани были грубее и у многих рваные. Лица у этих были черные и одичалые, волосы длинные, жесткие и темные, беспорядочные и запущенные бороды, из-под широких полей шляп остро сверкали глаза. Большинство было невысокого роста, но гибкость тела свидетельствовала об огромной выносливости. Все они были с мексиканской границы и часто мерялись силами с врагами индейцами в смертельных битвах.

Неподалеку от этой группы сидела другая, состоявшая из звероловов, степных охотников, горцев. Эти — высокого роста и необычайно крепкого телосложения. Руки похожи на молодые дубки, кисти рук — на медвежьи лапы. Лица, обрамленные белокурыми волосами, довольно симпатичны, светлосерые глаза выражали добродушие. Вся наружность свидетельствовала об англо-саксонском происхождении.

Свои костюмы они сооружали собственными руками: охотничья куртка и панталоны из дубленой мягкой оленьей кожи, сапоги — мокасины с подошвами из буйволово́й кожи; на голове енотовая шапка с мордой зверька наперед, с хвостом его, свисающим, как перо, на плечо. Оружие состояло из длинного американского ножа, из тяжелого пистолета на поясе и совершенно прямого, длиною почти в пять футов, ружья.

Третья заинтересовавшая Галлера группа расположилась подальше от того места, где он сидел. Это были индейцы.

«Как попали они сюда? — думал Галлер. — Вероятно, это пленники. Но могут ли они принадлежать к этому отряду и выступать против своих краснокожих братьев?»

Не находя ответа на свои недоумения, Галлер обратился к проходившему мимо охотнику с вопросом:

— Что это за индейцы?

— Частью делавары, частью шауни.

— В качестве кого же они здесь? Пленники?

— Нет, они сами наши союзники, — с некоторым недоумением ответил охотник.

— Что? Они дерутся с собственными единоплеменниками?

— Что вы! Они душат друг друга, как тигры. Между делаварами и шауни, с одной стороны, апачами и навахами, с другой, царит с незапамятных времен смертельная вражда.

И не дожидаясь новых вопросов охотник равнодушно прошел своей дорогой.

Так это знаменитые делавары, о которых столько слышал Галлер... Вымирающее племя. С еще большим вниманием и участием оглянулся на них Галлер и пошел к ним поближе.

Кучка сидела вокруг огня и курила из оригинальной формы красно-глиняных трубок. Другие прогуливались той величавой походкой, которой так славятся лесные индейцы. В этой группе царило молчание, поразившее странным контрастом с шумом и трескотней их мексиканских союзников. Время от времени раздавался чей-нибудь вопрос глубоким и звучным голосом, за ним следовал короткий, но выразительный ответ, полный достоинства кивок головы, движение руки... Так шла между ними беседа, и дымящиеся трубки передавались из рук в руки.

Одеты они были почти так же, как вторая группа, только куртка была украшена красивой вышивкой, да края панталон были отделаны ужасной бахромой из человеческих волос.

Кроме описанных трех групп, там и сям мелькали представители различных племен и народов: французы, канадцы, выброшенные на берег во время кораблекрушений моряки, мулаты, даже чернокожие негры с луизианских плантаций, променявшие кнут смотрящего на эту вольную, бродячую жизнь... Лагерь охотников за скальпами представлял самую пеструю смесь представителей всех цветов кожи, всех климатов, всех языков и наречий, кого только свел случай и жажда приключений.

ХII. Меткий выстрел

Галлер вернулся на свое место и уже хотел растянуться на одеяле, как вдруг внимание его привлек крик журавля. Подняв голову, он увидел пролетающую сквозь листву серебристую птицу, взмахивавшую

крыльями так медленно и плавно, как будто сама напращивалась на выстрел.

Откуда-то он и прозвучал, но до того неудачный, что птица только усилила взмахи крыльев и унеслась.

В группе звероловов раздался смех, и чей-то голос сказал:

— Этакий дурак! Вообразил, что попадет в птицу из своего толстенного ружьища!

Галлер обернулся, желая узнать, кто это сказал, и увидел двух мужчин, вскинувших на руке ружья и прицелившихся в птицу. Один из них был молодой человек, обративший на себя особенное внимание Галлера во второй группе — красивый белокурый силач, другой — индеец, которого раньше Галлер не заметил.

Выстрелы раздались одновременно. Через секунду отлетевшая уже довольно далеко птица поникла головой и, затрепыхавшись, упала, повиснув на ветке, о которую зацепилась, падая.

С того места, на котором стояли стрелки, им не могло быть видно друг друга: их разделяла палатка, а звуки выстрелов слились в один.

— Ловко, Биль Гарей! — воскликнул кто-то. Храни бог всякое живое создание от твоего прицела!

Индеец, шагавший вокруг палатки, услышал это восклицание и, заметив еще дымившееся в руках Гарейя ружье, подошел к нему.

— Вы стреляли, сударь?

Слова эти были произнесены на таком безукоризненном английском языке, что одним этим он обратил бы на себя внимание Галлера, если бы даже наружность его и не была так представительна.

— Кто это? — спросил Галлер своего соседа.

— Не знаю, сам в первый раз его вижу.

— Вы хотите сказать, что он новичок?

— Да, он только что прибыл, едва ли его кто-нибудь знает, кроме начальника Сегэна. Я видел, как они пожимали друг другу руку.

С возрастающим любопытством вглядывался Галлер в индейца. Это был человек лет тридцати с небольшим и почти полных шести футов ростом. Умное и благородное выражение его лица резко отличало его от находившихся здесь соплеменников, а одежда отличалась богатством, изяществом материала и отделки. Головной убор с богатым набором из перьев, драгоценные камни, украшавшие его одежду и оружие

и ценная белая буйволовая шкура, надетая на плечи, выдавали вождя или военачальника.

Вопрос, с которым он обратился по-английски к зверолову, звучал безукоризненной верностью тона; тем более удивил Галлера угрюмый и резкий тон ответа Гарей:

— Стрелял ли я! Разве вы не слышали выстрела? Не видели, что птица упала? Что ж за вопрос? Вон, посмотрите! — и он указал на повисшую на ветке птицу.

— Значит, мы одновременно выстрелили, — сказал индеец и хладнокровно указал на свое ружье, также еще дымившееся.

— Что вы там рассказываете! — еще грубее прежнего отозвался Гарей. — Стреляли ли вы одновременно или нет — это мне безразлично. Я знаю, что я стрелял, и моя пуля попала в цель.

— Я думаю, что и моя попала, — скромно заметил индеец.

— Вот из этой-то игрушки? — насмешливо спросил охотник, презрительно взглянув на его изящное ружье с серебряной насечкой и переведа гордый взгляд на свое темное массивное оружие.

— Да, из этой игрушки, — ответил индеец, не изменяя своему спокойному достоинству. — Это оружие не уступает в меткости и силе никакому другому из известных мне. Я ручаюсь, что оно прострелило тело журавля.

— Вот что, сударь мой, — сердито проворчал раздраженный противоречием охотник, — нетрудно ведь проверить, кто убил птицу. Пуля вашей штучки должна быть по калибру почти вдвое меньше моей. Вот мы это сейчас и увидим.

И Гарей зашагал к дереву, на котором высоко повисла птица.

— Да как ее достанешь с такой высоты? — воскликнул один из охотников, заинтересованный исходом этого спора.

Но в ответе не было надобности. Все заметили, что Гарей, наскоро зарядив снова ружье, прицелился. Раздался выстрел, расщепивший ветку, и она согнулась под тяжестью птицы. Но на землю птица не свалилась, задев за другой вилообразный сук.

Послышался сдержанный гул одобрения меткому выстрелу, под шум которого индеец также успел зарядить свое ружье и прицелился.

Словно ножом резанула его пуля по надломленному месту, и ветка с птицей грохнулась наземь.

Под новый взрыв восторга окружающих птица была принята и осмотрена: в ней оказались следы двух пуль, из которых каждая могла убить птицу.

По лицу молодого охотника пробежала тень неудовольствия. Его превзошли в присутствии множества горцев в искусстве обращения с его излюбленным оружием — и кто же в этом превзошел? — Индеец! И — что всего хуже — каким-то игрушечным инструментом! Звероловы и горцы относятся крайне недоверчиво к нарядному оружию и к оружию малого калибра. Между тем было очевидно, что и ружьецо индейца кой на что годится.

Охотнику понадобилось собрать все свое самообладание, чтобы не показать, как он был раздосадован, и молча заняться чисткой оружия. Галлер, возбужденно следивший за всей сценой, заметил, что он заряжал ружье тщательнее обыкновенного. Ясно было, что он не желал удовольствоваться сделанным опытом, а решил продолжать состязание.

Зарядив ружье, он обратился ко всем окружающим, а к этому времени тут собралась большая толпа со всех концов лагеря.

— Срезать ветку пулей — дело не хитрое. Это всякий может, у кого глаз верный. Бывает другого рода прицел, потруднее и требующий твердости.

Охотник обернулся к индейцу, который тоже заряжал ружье, и сказал:

— Послушайте-ка, незнакомец! Нет ли у вас здесь поблизости товарища, могущего положиться на меткость вашего выстрела?

— Есть,— ответил после легкого раздумья индеец,— для чего это вам?

— Для чего? А я хочу показать вам особый род выстрела, которым мы иногда забавляемся среди своих. Не бог весть что, правда, но нервы надо иметь крепкие. Эй, Рубе! Сюда!

— Здесь! Что тебе надо?

Все обернулись в ту сторону, откуда раздался грубо-ворчливый отклик, но в первую минуту никого не было видно; только, взглядевшись, между деревьями можно было заметить какой-то закоптелый от дыма костров серый клубок.

Трудно было поверить, что этот предмет представляет человеческое тело. Но вот он взмахнул руками,

и тогда стало видно, что он сидит спиной к толпе, а голову просунул поверх огня. Наконец, он встал на ноги и глазам подошедшего из любопытства поближе Галлера представилось диковинное существо, подобного которому Галлер в жизни не видел.

По лицу ему можно было дать лет шестьдесят. Резкие черты лица напоминали что-то орлиное, и на нем сверкали маленькие, темные, быстрые и пронизывающие глазки. Цвета кожи нельзя было различить из-за толстого слоя грязи. Одежда была так неряшлива, как и все его тело. Сильно изорванные панталоны и куртка едва ли когда-либо чистились: они буквально блестели от грязи и жира. Не считая старых и грубых мокасин, на нем была еще низко надвинутая шапка, сделанная когда-то из шкуры кошки, но от времени шерсть совершенно повылезла и осталась только засаленная материя, имевшая некоторое подобие кожи. Весь он — телом и платьем — имел такой вид, точно провисел несколько недель в дымовой трубе.

Ко всему этому необычному впечатлению Галлер заметил еще одну ужасную подробность: у этого человека не было ушей! А когда он снял шапку, чтобы сделать из нее щиток от солнца и лучше разглядеть Гарей, Галлер сделал еще более ужасное открытие: у несчастного был только узкий венчик седовато-черных волос вокруг головы, середина же черепа была совершенно лысая и представляла огромный сплошной шрам... По-видимому, он потерял в каком-нибудь страшном приключении не только свои уши, но и кожу с головы.

Галлер догадался, что это должен быть тот самый пленник, который бежал от навахов и принес Сегэну недавно известие о его похищенной дочери. Но он не мог догадаться, что этот невзрачный закоптелый человек без скальпа и ушей был знаменитейшим звероловом, быть может, лучшим на всем американском материке.

— Поди же сюда, Рубе, ты мне нужен! — позвал снова Биль Гарей, уже в полупросительном тоне.

— Ну, погоди, иду! — крикнул тот и, подойдя к товарищу, спросил:

— Чего ты хочешь, Биль?

— Я хотел бы, чтобы ты подержал вот это, — ответил Гарей, протягивая ему круглую белую раковину, величиной приблизительно с карманные часы, одну из многих, валявшихся на земле.

— Это пари, юноша?
— Нет, не пари.
— Что же зря порох тратить?
— Меня тот индеец превзошел в стрельбе,— ответил тихо Гарей.

Старик оглянулся на индейского вождя, стоявшего опершись на ружье с выражением спокойного достоинства, без тени торжества только что одержанной победы.

По тому, как оглядывал его старый Рубе, было видно, что он уже встречал его когда-то, если и не в этом лагере. Оглядев его внимательно и долго, он что-то тихо пробормотал, из чего товарищ его расслышал только слово «коко».

— Ты думаешь, он коко? — спросил Гарей так же тихо.

— Да что ты слеп? Не видишь его мокасины?

— Его не было там.

— Где же он был?

— Когда по воле своего племени и по праву рождения он был избран военачальником, он счел себя слишком молодым для такого сана и поехал путешествовать в страну белых. Говорили, что он нашел там богатое месторождение золота у Джилы. Берегись, Биль, он должен быть хороший стрелок; по крайней мере, он это однажды уже доказал.

— Но как же он сюда попал?

— Начальники отряда говорили мне, что он хочет отправиться с ними в набег.

— Один? Без своего племени? Это удивительно!

— Интересы его племени теперь сосредоточены на Калифорнийском побережье, он не хочет навязывать им далекое и, быть может, бесплодное предприятие, тем более, что явился он сюда из личных побуждений. Во-первых, он обязан благодарностью нашему начальнику, который освободил его однажды из рук навахов; во-вторых, он хочет отомстить одному из этих злодеев — в чем дело, мне Сегэн не рассказывал, да я и не любопытствовал.

— Как зовут его?

— Эль Соль, кажется... Довольно шептаться, однако,— перебил сам себя старик.— Что нам за дело до него? Нам интересно только, как он стреляет. Посмотри, ребята уже выражают нетерпение. На какое расстояние мне отойти?

— На шестьдесят шагов.

— Побереги-ка мои когти, слышишь? Индейцы потрясли мне их, много мне нельзя пожертвовать.

При этих словах старик помахал правой рукой, и Галлер, следивший за каждым его движением и слышавший почти весь разговор товарищей, заметил, что мизинец был у него отрезан.

— Не бойся! — сказал Гарей, и старик начал удаляться медленным и равномерным шагом, доказывавшим, что он отмеряет расстояние.

Отмерив расстояние, он повернулся, выпрямился и протянул правую руку на уровень плеча, держа раковину между пальцами плоской стороной вперед.

— Готово!

Нервы Галлера дрогнули при виде этого приготовления. Многие тоже заволновались. Среди присутствующих охотников нашлись бы, вероятно, некоторые, которые рискнули бы попытаться произвести подобный выстрел, но очень немногие, конечно, согласились бы держать раковину. Однако вмешаться и помешать опыту никто не решился.

Гарей глубоко перевел дух, стал в позу, поднял ружье и крикнул товарищу:

— Держись, старина!

Все глаза были устремлены на цель, все затаили дыхание. Воцарилась мертвая тишина. Раздался выстрел — и раковина отскочила, разбитая вдребезги.

В толпе раздались крики одобрения. Старый Рубе нагнулся, чтобы поднять один из осколков и, посмотрев на него, громко воскликнул:

— В самую середину! Клянусь богом!

Охотник попал действительно в центр, как свидетельствовало пятно от пули.

Вся толпа оглянулась на индейца. Во все время этой сцены он тихо стоял на прежнем месте и смотрел. Теперь он начал разглядывать землю, как будто что-то отыскивал.

Невдалеке он заметил кактусовую шишку величиной в апельсин. Она показалась ему подходящей; он подошел, поднял ее, очистил от игл... Что он хотел сделать? Подбросить ее вверх и выстрелить на лету в нее?

Безмолвно следили за всеми его движениями столпившиеся вокруг охотника человек шестьдесят или семьдесят. Вдали был виден Сегэн, занятый вместе с доктором и несколькими охотниками сооружением палатки. Гарей стоял рядом с Галлером, довольный сво-

им успехом, но и обеспокоенный предстоящим, быть может, поражением. Один только старый Рубе оставался равнодушен и вернулся к своему костру, занявшись поджариванием оленины.

Предводитель племени коко (или мораконов) вынул из кармана куртки длинную кость — бедреную кость орла, продырявленную во многих местах, и поднес ее к губам, закрывая дырочки пальцами. Раздался странный, троекратный пронзительный свист. Затем индеец спрятал кость и начал вглядываться в восточном направлении леса.

Заинтересованные охотники нетерпеливо ожидали разгадки, шепотом выражая друг другу свое недоумение. словно эхо, прозвучали в ответ три таких же сигнала. По-видимому, индеец имел в виду товарища, но никто не знал здесь ни его самого, ни его товарища, за исключением одного Рубе.

— Смотрите, ребята, — сказал он стоявшим поближе к нему, — вы сейчас увидите одну из красивейших краснокожих девушек. Он зовет свою сестру Луну.

Раздался шорох, как от раздвигаемых кустов, слышались легкие шаги, треск ломавшихся веток. Что-то светлое мелькнуло в листве, из кустов показалась девушка, индеанка в своеобразном живописном костюме. Свободной непринужденной походкой подошла она к толпе, обратив на себя изумленные и восторженные взоры всех.

Одежда ее походила на одежду брата. На ней была яркая туника, украшенная изящным и богатым шитьем и отделанная у нижнего края раковинами, позвякивавшими при каждом движении. На ногах у ней были яркопурпурные шаровары, а в распущенных черных и длинных волосах сидела изящная корона из перьев. Дикая красота ее лица смягчалась благородным его выражением.

Когда девушка подошла к брату, он протянул ей очищенную им шишку и что-то тихо сказал ей на непонятном языке. Не произнося ни слова в ответ, она взяла шарик и отошла к тому месту, где стоял прежде Рубе. Дойдя до дерева, она остановилась и повернулась так же, как прежде сделал это старик.

Тогда присутствующие догадались, что должно произойти и заговорили между собой.

— Он хочет выбить шишку из рук девушки, — сказал один.

— Теперь в этом не будет ничего особенного,— прибавил другой, выразив этим, по-видимому, мнение большинства.

— Если он и сделает это удачно, тут не будет никакой победы над Гареем,— сказал третий.

Но каково же было изумление всех, когда они увидели, что девушка сняла с головы свою корону из перьев, положила себе на голову шишку и, скрестив руки на груди, остановилась у дерева спокойная и неподвижная, словно изваяние.

В толпе поднялся тревожный ропот. Галлер почувствовал такое волнение, что решил выразить свой протест по поводу отчаянности индейца, но его опередил Биль Гарей.

— Нет, этого не делайте! — воскликнул взволнованно Гарей, ухватившись за уже поднятое индейцем ружье.— По крайней мере, я не могу согласиться пассивно присутствовать при этом.

— Что такое? — прогремел индеец. — Кто осмелится удержать меня?

— Я осмелюсь,— решительно заявил Гарей.— О, прошу вас, не надо! — заговорил он тотчас умоляюще, заметив выражение мрачной решимости в лице противника.— Я слышал от Рубе, что девушка эта — ваша сестра... Вас никто не может лишить ваших прав, но я прошу вас... не надо! Я признаю, что вы можете победить меня, только не делайте этого, не рискуйте!

— Тут нет никакого риска, вы увидите,— сказал уже спокойно индеец.

— Эй, Биль, что за шум? — воскликнул, подходя Рубе.— Посмотрим этот выстрел, черт возьми! Не беспокойся, этот не промахнется, собьет, как ветром!

Отодвинутый на шаг товарищем, Гарей тотчас опять подвинулся, чтобы помешать безумной попытке, но было уже поздно. Индеец прицелился, и малейшее движение могло быть гибельно.

Воцарилась мертвая тишина. Толпа, как один человек, затаив дыхание, напряженно приковалась глазами к цели, светящейся вдали зеленой точкой плода на голове девушки. Казалось, выстрела придется ждать вечность!

Выстрел раздался. Треск, яркая молния, неистовый крик «ура» — и вмиг все устремились к дереву. Расстрелянный плод отскочил, девушка стояла по-прежнему спокойная, невредимая. Вместе со всему подбежал и Галлер. На секунду перед ним все заволочло

дымом. Он услышал пронзительный свист индейца — посмотрел вперед... Девушка-индеанка исчезла.

Когда охотники подбежали к дереву, перед которым она стояла, то услышали только шорох кустов и быстро удаляющиеся шаги.

Кусочки плода валялись кругом на земле, а сама пуля глубоко засела в дереве.

Все устремились к индейцу, чтобы отдать ему дань восхищения, но и его уже не оказалось на месте. Видно было, как он доверчиво и непринужденно болтал вдали с Сегэном.

XIII. Военный план

Весь еще под впечатлением происшедшего состязания, Галлер вышел на луг, чтобы посмотреть на своего Моро и приласкать Альпа, как вдруг услышал раздавшийся призывный звук рога, сигнал к сбору.

Быстро вернувшись в лагерь, он пробрался к Сегэну, стоявшему с рогом в руках у своей палатки, а вокруг него сгруппировались охотники так, чтобы всем была слышна ожидаемая речь предводителя.

— Товарищи! — начал Сегэн, — завтра мы выступаем из лагеря в поход на врага. Я созвал вас, чтобы сообщить вам свой план и посоветоваться с вами.

Людам, для которых война — профессия, всегда приятна весть о выступлении. Слова Сегэна были встречены гулом одобрения. Сегэн продолжал:

— На этот раз нам едва ли скоро предстоит бой. Опасность грозит нам со стороны перехода через пустыню. Нам нужно обдумать как можно предотвратить ее.

— Я имею сведения, — продолжал он после паузы, — что враги наши готовятся в настоящее время к набегу на Сопору и Чигуагуа, а если не будут встречены правительственными войсками, то намерены простереть свои опустошения до самого Дуранго. Оба племени — апачи и навахи — заключили для этого союз. Таким образом, все воины отправляются на юг, покидая свою страну беззащитной. Ввиду этого я предлагаю план — проникнуть в их отсутствие в их страну, чтобы затем пробраться к самим навахам.

— Bravo, bravo! Превосходно! Ура! — раздались одобрительные восклицания в толпе со всех сторон на разных языках.

— Добыча, которой вам удастся овладеть, составляет, по нашим законам, вашу собственность, но людей нужно щадить: вспомним, там остались почти одни женщины и дети. Кровь не должна быть пролита, ее и так много на наших руках. Все ли вы обязываетесь этому повиноваться?

— Да, да, все, все! — раздался снова многочисленный хор.

— Я рад, что вы с этим согласны. Теперь я подробнее изложу вам свои намерения, вам надо знать их теперь же. Мы идем на поиски наших родных и друзей, которых уже несколько лет держат в плену дикие враги. Среди нас здесь немало потерявших своих близких — жен, сестер, дочерей...

Гул одобрения, особенно среди группы охотников, одетых в мексиканские костюмы, подтверждал справедливость этого.

— Я сам принадлежу к числу таких пострадавших, — продолжал дрожащим голосом Сегэн. — Много лет тому назад навахи похитили мое дитя. Недавно я узнал, что дочь моя жива и находится вместе с другими пленными белыми в столице навахов. Мы освободим несчастных и вернем их своей родине и своим родным.

— Bravo! Да здравствует капитан! Мы их вернем! Ура! — раздались ответные крики.

— Обсудим же маршрут, — начал снова Сегэн, когда все стихло. — У нас есть три дороги, могущие привести нас отсюда во владения индейцев. Первая — на западную часть Пуэрто. Это самая прямая дорога, но в селениях Пуэрто мы не можем оставаться незамеченными навахскими шпионами, которых там всегда много. Если же навахи будут оповещены о нашем приближении, даже если воины уже будут в пути на юг, наш поход, вы понимаете, будет бесплодным.

— Верно, верно! Правда! — воскликнула толпа.

— По той же причине было бы неосторожно избрать вторую дорогу, на Польвидеру. Третий же путь, через старые рудники, неудобен тем, что в это время года мы не найдем в горах достаточно зверей в пищу. А что запас нам необходим, раз мы собираемся в пустынную местность, это вы также хорошо знаете, как и я.

— Какой же нам дорогой пойти в таком случае? — спросил один из охотников.

— Есть еще одна дорога и, по-моему, более других подходящая. Мы отправимся прежде всего на юг и потом пересечем в западном направлении пустыню. Оттуда нам будет удобно подняться на север, в страну апачей. Это будет дальше, но эта дорога представляет другие преимущества. В льяносах мы найдем буйволов, а потом мы, может быть, укроемся в окрестной холмистой местности, откуда нам видно будет, когда пройдут отряды апачей. Там мы и останемся, пока не пропустим мимо наших врагов. Тогда мы совершенно безопасно пройдем через Джилу, а, добившись счастья своей цели, вернемся на родину кратчайшим путем.

— Bravo, капитан! Верно! Это наилучший план!

— Так в добрый час! Завтра выступаем. Займитесь же приготовлениями и сборами. Будьте готовы к восходу солнца.

Охотники разошлись и тотчас занялись укладкой, осмотром и чисткой оружия и лошадей.

С наступлением ночи охотники прибрали дров в костры, так что они ярко запылали. Люди улеглись вокруг них, варили и жарили ужин, ели, курили и болтали, пока то один, то другой, почувствовав усталость, не начали укладываться. Еще не наступила полночь, как весь лагерь уснул глубоким сном, за исключением немногочисленной стражи, которой поручен был надзор за лошадьми.

XIV. Неожиданное осложнение

С рассветом охотники были уже на лошадях. При первом звуке рога лошади побрели по реке и переправились на противоположный берег. Вскоре они выбрались из лесистой низменности на песчаную равнину, тянущуюся к западу от горного хребта Мисибр, и поехали по южной части ее, покрытой глубоким зыбучим песком, на котором ноги коней оставляли глубокие следы. Это была западная часть «Путины смерти».

Ехали не все в ряд, а друг за другом по одному человеку, принимая таким образом обычный прием индейцев, чтобы спутать следы на случай, если враг захочет их исследовать. Вьючные мулы шли позади таким же образом и под надзором следовавшего за ними арьергарда.

В первый день пути в полдень привал не был сделан, так как ни травы, ни воды нигде по дороге не было, а остановка под палящим солнцем не восстановила бы силы.

Когда стало смеркаться, путники заметили вдали поперечную темную линию. Когда они подъехали ближе, перед ними оказалась зеленая стена, в которой вскоре можно было различить хлопчатниковый лес. Им было известно, что это должна быть граница реки Паломы; объятые вскоре тенистой прохладой леса, они, действительно, выехали на берег прозрачной реки и здесь остановились на ночлег.

Лагерь разбили под открытым небом, без палаток, их даже не захватили с собой, так как в предпринятом походе невозможно было обременять себя подобной кладью; их припрятали в укромном месте в долине Рио-дель-Норте. Каждому одеяло служило домом, постелью, плащом.

Были разведены костры, изжарили мясо и, едва поужинав, утомленные ездой — как утомляются обыкновенно в первый день похода — все тотчас завернулись в свои одеяла и крепко уснули. Некоторые спали, не снимая даже оружия.

На следующее утро всех разбудили звуки рога. Наскоро был приготовлен и съеден завтрак, лошади были оседланы, и при звуке нового сигнала все, совершенно готовые, снова тронулись в путь.

Три следующие дня пути прошли почти без всякого изменения так же, как и первый. Дорога шла все такой же пустынной местностью, и только на четвертый день они подъехали к берегу ручья, известного под названием Коровье око, расположенного на восточной стороне льяносов.

По западной части этой огромной степи должны были пройти апачи во время своего похода к югу Сопоры. Вблизи самой дороги тянулся через равнину высокий Пиннонский горный хребет.

Охотники намеревались достигнуть этих гор и укрыться за скалами, неподалеку от ручья, который там был как им было известно, пока враг не пройдет мимо. Но чтобы добраться до этого убежища, надо было пройти той же дорогой, которой должны будут направиться апачи — и следы перехода могли их выдать.

Затруднение это явилось непредвиденным. Об этом Сегэн не подумал, начерчивая план. Между тем, кроме Пиннона, не было ни одного такого пункта, с ко-

того можно было бы наверняка, проследить за врагом, не будучи сами замеченными. Горы этой надо было достигнуть во что бы то ни стало, тут и вопроса быть не могло. Но как же сделать так, чтобы миновать предательскую тропу.

Прибыв к Коровьему оку, Сегэн созвал для совета весь отряд.

— Мы можем рассыпаться по прерии на то время, которого потребует эта часть пути,— сказал один охотник,— на разрозненные следы апачи не обратят внимания.

— Ошибаешься! — возразил другой. — Заметив след лошадиного копыта, индеец никогда не пройдет мимо, не проследив его до конца. Нет, этого совета принять нельзя.

— Можно ведь обмотать коням копыта,— попробовал отстоять свое мнение первый.

— Да это дела не изменит. Я однажды прибег к такому ухищрению и едва не поплатился своим скальпом. Разве что только слепой индеец даст себя провести такой проделкой. Почва мягка... Нет, это ни к чему не приведет.

— Да с чего им глядеть так внимательно и подозрительно! — отозвался снова первый, по-видимому, обиженный пренебрежением к его мнению.— Я решительно не вижу, чем мы тут рискуем.

Но большинство охотников оказалось на стороне второго. Столько замаскированных следов не могут остаться незамеченными и должны навести на мысль, что тут что-то кроется — таково было мнение большинства.

От мысли обмотать копыта пришлось отказаться; но что же можно предпринять?

Старый Рубе, не произнесший за все время ни слова, вдруг привлек к себе всеобщее внимание одним загадочным звуком т-с-с!

— Что ты хочешь сказать, старик? — спросил его один из товарищей.

— Что все вы дураки. Я берусь вам проехать по дороге апачей бесчисленное множество лошадей, не оставив никакого следа, который заметил и стал бы преследовать индеец и особенно в момент похода.

— Каким же образом? — спросил Сегэн.

— Я объясню это, капитан. А вот вы мне раньше скажите, зачем вам идти по этой дороге?

— Как зачем? Чтобы укрыться в Пиннонских горах — о чем тут спрашивать?

— А как же вы намереваетесь сидеть в горах без единой капли воды?

— С одной стороны у подошвы горы бьет ключ.

— Это-то правда, я знаю. Но у этого ключа и индейцы захотят, как и мы, утолить жажду и наполнить свои походные фляги по дороге на юг. Как же это вы там устроитесь со всей кучей лошадей, чтобы не оставить следов? Это мне не совсем ясно.

— Вы правы, Рубе. Подойти к Пиннонскому ключу не оставив следов, действительно невозможно и очень вероятно, что индейцы устроят там привал.

— Оттого-то я не вижу никакой выгоды в том, чтобы переходить всем через прерию. Пока индейцы не пройдут, мы все равно не можем настрелять буйволов. Потому-то я думаю, что укрыться в горах и выследить отправляющихся на юг краснокожих могла бы какая-нибудь дюжина наших. Дюжины достаточно и дюжине возможно укрыться, а всему отряду никак невозможно.

— А остальным здесь остаться?

— Зачем здесь? Они могут податься на север, а потом на запад к Мескитским горам. Там милях в двадцати в сторону от дороги протекает ручей и трава есть богатая, вот и выждут там, тоже укрывшись, пока мы за ними пошлем.

— Почему же не остаться здесь, где так же вдоволь воды и травы?

— Именно потому, капитан, что кой-кому из индейцев может также прийти в голову сделать здесь привал. По-моему, лучше замести всякий след, прежде чем двинемся отсюда.

Всем была ясна убедительность доводов Рубе и Сегэну больше всех. Было решено немедленно последовать его совету. Отделили большой отряд, который тотчас же и тронулся в путь вместе с вьючными мулами в северо-западном направлении, затем следы были замечены, то есть совершенно заглажены.

Отряд должен был отправиться к Мескитским горам, находившимся приблизительно в двенадцати милях от источника к северо-западу. Там они должны были укрыться в засаде у известного некоторым из них ручья и ожидать, пока их не позовут обратно.

Отряд, в котором находился и Галлер, двинулся через прерию прямо на запад.

Составился отряд под предводительством самого

Сегэна, из Галлера, Рубе, Гарей, Эль-Соля и его сестры, бывшего охотника на диких быков Санчеса, веселого рыжеволосого ирландца Барнея и еще некоторых.

Прежде чем отправиться с Коровьего ока, они сняли, по совету и указанию Рубе, подковы с лошадей и тщательно залепили глиной отверстия, оставшиеся от гвоздей, для того, чтобы следы от коней походили на следы диких мустангов.

Приблизившись к тропинке, прорезывавшей прерию, по которой должны будут проходить индейцы, они разъехались так, что между каждой парой всадников оставался промежуток в полмили. Так они ехали до самой Пиннонской дороги и, съехавшись здесь, повернули у подошвы горы на север.

XV. Томительное ожидание

Целый день ехали они по долине и достигли ключа, когда солнце уже зашло. Прохладный ручей был окружен небольшой рощей из верб и хлопчатника и протекал у самой подошвы горы. Из предосторожности они решили, однако, в этот вечер еще не устраиваться здесь. Лошадей они отвели в ближайшее горное ущелье и оставили скрытыми в чаще. Там же предпочли переночевать и всадники.

Едва стало светать, охотники занялись подробным исследованием места своей засады.

Перед ними был невысокий скалистый, местами негусто покрытый соснами горный хребет, отделявший лощину от долины. С вершины его, под защитой чаши сосен, они свободно могли обозревать и воду, и дорогу в льяносы в северном, южном и восточном направлениях. Место было, безусловно, удачно в тех интересах и целях, из каких оно было выбрано.

Когда взошло солнце, безотлагательно необходимо было позаботиться о воде для людей и животных, для чего пришлось спуститься с вершины. Несколько человек взяли это на себя; захватили мех, бывший на муле, тыквенные фляги и наполнили все водой из ручья, приняв все меры предосторожности, чтобы на песке не оставалось ни малейшего следа ног.

Весь первый день они неукоснительно оставались на страже, но индейцев не было видно.

Подходили к ручью олени и антилопы, подошло

так же маленькое стадо буйволов и, утолив свою жажду, тотчас убегали прочь через луга. Вид их чрезвычайно соблазнял охотников: расстояние было так заманчиво близко, что пострелять можно было бы, несомненно, удачно, но охотники не могли решиться на это. Это было бы крайне неосторожно, так как собаки индейцев могли бы почуять кровь.

На другой день они продолжали всматриваться жадными глазами в горизонт. У Сегэна была маленькая карманная зрительная труба, в которую можно было обозреть прерию на несколько миль вокруг. Но врага ниоткуда не было видно.

Третий день прошел так же безрезультатно, и охотники уже начали опасаться, не избрал ли индейский отряд другой путь.

Тревожило их еще одно обстоятельство: почти все запасы провизии были уже уничтожены, люди питались уже почти одними сырыми кедровыми орехами, так как огня, чтобы изжарить их, не решались разводять. Индейцы обладают очень острым обонянием и чуют запах дыма на весьма большом расстоянии.

Наступил и четвертый день, а на северном горизонте все это время никто не появлялся. Было уже съедено до последнего куса и вяленое мясо, и охотники начинали голодать, так как одни орехи не могли их насытить.

Один из охотников предложил подстеречь за вербами антилопу или оленя — по утрам и по вечерам они сбегались сюда целыми стаями — и застрелить, но предводитель согласия своего на это не давал.

— Мы не можем решиться на это, — говорил он. — Собаки индейцев могут учуять кровь, и мы себя этим выдадим, если еще раньше нас не выдаст сам звук выстрела. Ведь дикари могут быть и недалеко отсюда.

— Я могу убить зверя, не пролив ни одной капли крови, — заметил один охотник-мексиканец, указав рукой на аркан.

— А следы ваших ног? При ловле арканом вы оставите глубокие следы на месте.

— Мы можем их затоптать. капитан, — ответил охотник.

— Ну, попробуйте! — сдался Сегэн.

Мексиканец снял аркан и в сопровождении товарища отправился к ручью. Там они юркнули под вербы и улеглись ничком. Оставшиеся наблюдали за ними

с горы. Не прошло и четверти часа, как с долины при-мчалось стадо антилоп. Эти животные бегают с быстротой ветра — и через несколько минут после того, как их заметили, они уже очутились у самых верб, где притаились охотники.

Но подойдя вплотную, они вдруг остановились, подняли вверх головы и стали обнюхивать воздух. Очевидно, они почуяли опасность, но было уже поздно.

— Вон взлетел аркан! — воскликнул один из наблюдавших.

Им видно было, как взвился на воздух ремень и охватил петлей тело переднего зверя; он хотел ускользнуть, рванулся раз, другой, насколько это допускала длина аркана, но ремень с силой дернулся, и животное свалилось недвижимо.

Охотник вышел из-за вербы, поднял полузадушенного зверя и понес его на спине, к входу в ущелье. Спутник последовал за ним, тщательно затаптывая и заделывая следы.

Через несколько минут они вернулись к своим товарищам. С антилопы была содрана шкура и, так как разложить костер, все же нельзя было решиться, добыча была съедена в сыром виде.

Ночь с четвертого на пятый день была лунная и очень свежая, а так как индейцы обыкновенно выходят лунными ночами, то осторожность требовала не снимать сторожевых постов и на ночь.

Ожидания их не обманули.

Около полуночи дежурившие разбудили товарищей. Вмиг все были на ногах и увидели толпу темных фигур, вырисовывавшихся на севере на фоне неба.

Напряженно все разглядывали неясные очертания... Быть может, это стадо буйволов? Но нет, вот блеснули лунные лучи на оружии, а там уже явственно различились и лошади, всадники... Сомнения нет, это индейцы!

— Товарищи! — закричал вдруг в ужасе Сегэн.— Мы с ума сошли! Ведь лошади... наши лошади могут заржать — и это выдаст нас!

В то же мгновение он бросился вниз с холма, за ним спрыгнули все остальные и побежали в чашу, где были привязаны лошади.

Вбежав в лощину, каждый выхватил из-под седла свое одеяло не проронив ни слова — все без слов сами сообразили, что им надо было делать — и быстро закутали головы лошадей.

XVI. В западне

Почувствовав себя в сравнительной безопасности, охотники успокоились и вернулись на свой наблюдательный пункт как раз в ту минуту, когда уже довольно явственно слышались крики индейцев и топот копыт. Через некоторое время они приблизились к ручью, остановились и начали поить лошадей. После этого один за другим, выскочив из воды, все проехали небольшое расстояние по долине, соскочили с лошадей и начали расседлывать их.

Было очевидно, что они намереваются отдохнуть здесь до утра. Они разместились, разбившись на два отдельных отряда. При бледном свете луны Рубе удалось разглядеть по украшениям на копьях, что индейцы разделились поплеменно: апачи отдельно от навахов. Навахи были в заметном меньшинстве, и место их отдыха было дальше от засады белых, чем место апачей.

Охотникам со своего места было слышно, как индейцы рубили своими томагавками в чаще у подошвы горы. Было видно, что они стаскивали дрова к своему лагерю, сгребали их в кучу и затем зажгли костер.

Вскоре в нескольких местах запылали огни, и при свете их отчетливо можно было видеть татуировку на лицах и обнаженной груди индейцев. Узоры и краски были очень разнообразны; то красные рисунки, то как бы нарисованные кровью, то глубоко черные. У некоторых дикарей одна часть была черная, другая расписана красным или белым. Другие были раскрашены пятнами, как легавые собаки, у третьих были наведены правильные цветные полосы то вдоль, то поперек тела или лица. У многих щеки и грудь были татуированы изображениями разных животных — волков, пантер, медведей, буйволов и другими подобными фигурами. Некоторые носили на груди изображения красной руки или черепа с накрест сложенными костями под ним.

Эти уродливые и ужасные украшения не возбудили любопытства наблюдавших охотников, для большинства которых это зрелище и не представляло новизны. Но тем большее изумление вызвала с их стороны другая подробность: у большинства индейцев были блестящие обитые медью седла и военные каски со страховыми перьями. Откуда они могли их добыть?

Один Сегэн знал это: они отобрали их у убитых ими кирасир в Чигуагуа. За несколько лет до того, те потерпели тяжкое поражение от индейцев.

Целых два часа наблюдали охотники каждое движение индейцев, пока совершенно не умолкли какие бы то ни было звуки в их лагере. Потухли костры, но при свете луны можно было различить распростертые тела дикарей. Между ними двигались белые фигуры. Это были их собаки, отыскивавшие всюду остатки пищи и начинающие ворчать и оскалывать друг на друга зубы, когда одна хотела вырвать у другой лакомый кусок.

Но не одни собаки составляли стражу спящего лагеря: вдаль в степи виднелись темные фигуры людей, расставленных на правильных промежутках друг от друга. Это были сторожевые посты, надзиравшие за лошадьми.

Очень долго лежали охотники не смыкая глаз, обдумывая на все лады свое собственное положение, начинавшее мало-помалу выясняться в голове каждого со всему осложнениями, трудностями и опасностями, какими оно могло грозить.

Ведь вполне возможно, что индейцы вздумают остаться здесь, чтобы поохотиться. Как быть тогда?.. Эта мысль как будто в одну и ту же минуту пришла всем в голову, и они озабоченно и тревожно переглянулись между собой.

— В этом нет ничего невероятного,— тихо и раздумчиво проговорил Сегэн.— По-видимому, у них нет запасов мяса при себе, и не могут же они отправиться на юг без запасов. Тут ли или в каком-либо другом месте, но поохотиться и сделать запас им необходимо. Отчего же и не здесь?

— Ну, тогда мы очутимся в славной западне,— проговорил один из охотников, обведя рукой вокруг и указав сначала на лощину, потом на гору.— Как мы тогда выберемся, вот что я хотел бы знать!

Все невольно проследили за рукой говорившего, также мысленно охватывая свое положение.

Перед ущельем, в котором они находились, тянулась линия индейского лагеря на расстоянии не более ста шагов от скал, высившихся вокруг входа в их засаду.

Стража индейцев расположилась еще ближе, но если бы даже она уснула, выбраться мимо нее было бы все равно невозможно без того, чтобы не встре-

тить их собак, бродивших во множестве вокруг лагеря.

Позади же их отвесной громадой высилась гора — пытаться переходить через нее было явно и несомненно невыносимо. Да, они очутились в западне.

— Проклятье! — воскликнул один из охотников. — Мы погибнем от жажды и голода, если эта медно-красная шайка решит остановиться здесь для охоты.

— Мы можем погибнуть еще раньше, — заметил другой. — Достаточно, чтобы им пришлось в голову взобраться сюда.

В этом не было ничего невозможного, хотя не было и большой вероятности. Ущелье представляло род глухого переулка, тупика, косо изгибавшегося в направлении горы и кончавшегося у подошвы утеса. Ничего в нем не было такого, что могло бы привлекать индейцев.

Да, но собаки! Возможность этой опасности была очевидна, но не было никакого способа предотвратить ее. Достаточно было простой случайности, которая привела бы в ущелье одну или несколько собак, например, в поисках пищи, и охотники, несомненно, погибли бы.

— Если только они нас не откроют, — сказал, приободряясь, Сегэн, стараясь ободрительно повлиять на людей, — то два-три дня мы все же как-нибудь можем прожить орехами. Когда они уйдут, придется заколоть одну из наших лошадей. Много ли у нас воды?

— К счастью, вся посуда почти полна, — сказал ловец антилопы.

— Но наши бедные животные как страдают! — заметил озабоченный судьбой своего Моро Галлер.

— Жажда не угрожает ни нам, ни животным, — ответил ему успокоительно Эль-Соль, взглянув на землю, — до тех пор, пока у нас есть вот это. — И он ткнул ногой в проросшую в скале круглую массу. Это была съедобная разновидность кактуса.

— А их тут сотни, смотрите!

Все они знали, как этот плод спасает жизнь в затруднительных случаях, но раньше они их не заметили. Теперь же они посмотрели на них с чувством успокоения и удовлетворения.

— Товарищи, — сказал Сегэн, — нам неблагоприятно, утомлять себя. Все, кто может уснуть, пусть спит. Достаточно бодрствовать двоим — один останется у

входа в ущелье, а другой здесь наверху. Подите вы вниз, Санчес.

Бывший охотник на диких быков молча ушел и расположился на указанном посту. Спустились вниз и другие, но только затем, чтобы посмотреть, хорошо ли закутаны лошади. Потом они вернулись на гору, завернулись в одеяла и проспали весь остаток ночи.

Когда чуть забрезжил рассвет и над прерией на востоке обозначились первые светлые полосы, все три лагеря проснулись и зашевелились. Но голоса дикарей раздавались громко и свободно, высокие, рослые фигуры сынов пустыни бодро и непринужденно двигались по равнине, тогда как в лагере белых все шепотом коротко поздоровались между собой и поспешили с мучительной тревогой в душе занять снова свои наблюдательные посты.

Уже через несколько минут у них не оставалось сомнений насчет ожидаемой их участи. Индейцы снова тащили нарубленные дрова и разводили костры... Было ясно, что они намеревались остаться на своем месте.

— Да, мы очутились в западне, это несомненно. По крайней мере, было бы интересно знать, надолго ли мы тут застрянем?

— По всей вероятности, на три дня, а быть может, и на четыре, и на пять.

— Почему вы думаете, что так долго? Весь запас мяса, какой им нужен, они отлично могут сделать и в один день. Буйволов там довольно, вот посмотрите,— продолжал оптимистически настроенный охотник, указывая на темную массу, очертания которой прояснялись на светлеющем небе.— Это стадо буйволов.

— Это верно, настрелять они могут, конечно, успеть и в один день, сколько нужно. Но как же они могут успеть провялить или высушить мясо скорее, чем в три дня, вот что вы мне скажите?

— Это правда,— отозвался один мексиканец,— по крайней мере, три дня нужно для этого и то, если солнце будет сиять непрерывно; а иначе это может отнять и четыре, и пять дней.

Разговор этот шел между тремя охотниками шепотом, но довольно явственным, так что его все могли слышать.

Об этом еще до сих пор никто не подумал. А между тем, если индейцы, действительно, останутся на столько времени, чтобы успеть провялить мясо, то охог-

никам угрожает величайшая опасность — изнемочь от жажды и быть замеченными в своей засаде.

Перспектива ужасная. Надо было быть готовым и к смерти, и к страшным мучениям жажды.

Голода можно было бы и не бояться, так как лошадей у них было много и ножей за поясами довольно. В крайнем случае конина могла бы их прокормить даже в течение нескольких недель. Но хватит ли плодов кактуса для утоления жажды людей и животных в течение трех, четырех дней?

Тем временем совсем рассвело. Индейцы вскочили, и большая часть их тотчас выдернула колья, к которым привязаны были лошади, чтобы повести их на водопой. Затем они принялись седлать лошадей, вскочили в седла, захватили оружие и приготовились умчаться на бодрых конях.

Раздалась команда предводителя, и дикари бросились галопом, описывая круг в восточном и западном направлении. По истечении приблизительно двух часов они загнали буйволов и, действуя только луком и копьями среди метавшегося в испуге стада, овладели достаточной добычей.

Тогда они медленным шагом вернулись в лагерь небольшими разрозненными отрядами, причем, нагрузили каждый свою лошадь добытым мясом. Приехав, они сбросили наземь свою кладь и предоставили дальнейшую работу оставшимся и отдохнувшим товарищам, сами же занялись поджариванием для себя больших кусков великолепного мяса.

В лагере поднялась веселая суета, оживленный шум и говор.

Довольно многочисленная часть индейского отряда, не участвовавшая в охоте, также не оставалась тем временем праздною. К ужасу охотников, следивших за всеми приготовлениями, насчет их намерения не оставалось никаких сомнений: индейцы рубили молодые деревья, обтесывали их и вбивали в землю, протягивая между кольями веревки для развешивания мяса. Ко времени возвращения товарищей у них уже все было готово.

Когда была принесена добыча, они тотчас же живо принялись за дело, разрезали мясо на длинные, узкие полосы и развесили их на протянутых веревках, где они должны были сушиться на солнце.

Можно представить себе чувство, с которым смотрели на это белые охотники. Враг пользовался обиль-

ной, даже роскошной пищей, тогда как у них и видов не было на достаточную пищу, разве только если пожертвовать своими верховыми лошадьми, совершенно необходимыми в пустыне. Положение стало нестерпимое. Но такие люди, как те, что составляли отряд Сегена, отчаянию не предаются, пока еще существует хоть тень надежды.

— Пойдем, друзья,— сказал оживленным тоном Гарей,— отыщем себе орешков и успокоим наши желудки.

Большинство последовало за ним и отправилось разыскивать орехи; но, к ужасу своему, им пришлось убедиться, что драгоценных плодов было очень немного. И на земле, и на деревьях их невозможно было собрать столько, чтобы их хватило на двухдневное пропитание.

— Ничего не поделаешь,— воскликнул один,— нам придется приниматься за своих коней!

— Может быть, и придется,— хмуро ответил ему другой,— но для этого еще время впереди. Пока же еще каждый из нас может затянуть потуже свой пояс.

Воду поделили, налив каждому по маленькому кубку. В посуде еще оставалось немного воды, но бедные лошади томилась жаждой.

— Позаботимся о лошадях,— сказал Сегэн, вытащив свой нож, и начал срезать один из плодов кактуса. Все остальные, тотчас последовали его примеру.

Когда плоды были очищены от кожуры и колючек и разрезаны, из них потекла прохладная клейкая жидкость, и истомленные животные жадно стали перемаывать зубами протянутый им сочный корм. Он был для них одновременно и пищей, и питьем.

В таких занятиях и заботах прошел первый, за ним второй и третий день. К вечеру второго дня мясо, заготовленное индейцами, уже стало темным и покоровилось, а теперь, после полудня третьего дня оно уже было почти черно и, следовательно, благодаря палящему солнцу, было совсем готово для укладки.

Отправятся ли, наконец, индейцы?

Задумчиво наблюдали изголодавшиеся охотники — они все еще не могли решиться заколоть какую-нибудь лошадь — за каждым движением своего врага. Если индейцы останутся в лагере еще хоть на эту ночь, судьба одной из лошадей должна будет решиться: голод слишком ужасно терзал внутренности, и дольше не было сил терпеть...

Но нет! Спустя немного времени, они увидели отрядный признак. Индейцы уселись вокруг костров и занялись возобновлением рисунков на теле и лице. Охотники знали, что это значит. Прошел еще час. В лагере началось необычайное движение. Было ясно, что последовал приказ собраться в путь.

— Чудо, чудо! Смотрите, смотрите! — взволнованно и радостно зашептали охотники друг другу, едва заметили сборы.— Снимаются! Слава богу! Уходят!

Они не ошиблись. Им видно было, как индейцы снимали с веревок мясо и увязывали его. Затем каждый побежал к своей лошади, выдернул кол, привел коня, потом набрал воды, оседлал коня и повесил над седлом тук с мясом. Потом собрали оружие и вскочили на седла.

Еще минута — все стали в известном порядке и потянулись длинным рядом на юг.

Прежде тронулся большой отряд, потом тем же путем за ним последовал меньший... Но нет! Что это? Он сворачивает?.. Навахи вдруг подались влево и направились на восток, через прерию — прямо на Коровье око.

XVII. Дакома, вождь навахов

Первым побуждением охотников, почувствовавших себя, наконец, свободными, было побежать вниз к ручью и утолить жажду, а затем и голод. Они собирались наброситься на полуобглоданные кости буйволового мяса, валявшиеся по степи во множестве. Но наиболее опытные из них удержали остальных от такой неосторожности.

— Подождите, пока они совсем уйдут,— сказал старый Рубэ,— через несколько минут они скроются из наших глаз.

Как ни велико было всеобщее нетерпение, охотники последовали этому совету. Чтобы время прошло более незаметно, они спустились в чашу и там занялись приготовлениями к отъезду: сняли с лошадей одеяла, в которых те чуть не ослепли и не задохнулись, и оседлали их.

Бедные животные как будто понимали, что их освобождение близко. Пока некоторые были заняты лошадьми, стража оставалась на вершине холма для на-

блюдения за обоими отрядами и для оповещения своих товарищей, когда головы индейцев скроются за горизонтом степи.

— Хотелось бы мне знать, зачем навахи отправились по пути на Коровье око? — заметил несколько озабоченно Сегэн.— Хорошо, что наши товарищи не остались там.

— Да, они могут благодарить Пресвятую деву еще и за то, что не были с нами, — отозвался Санчес.— Посмотрите, до чего я исхудал, черт возьми! Совсем скелетом стал!

В эту минуту стража подала сверху условный сигнал, и в одно мгновение все опрометью бросились к ручью с такой стремительностью, которая всего лучше свидетельствовала о том, какие ужасные, мучительные лишения испытали бедняги. Но, утолив жажду доволь, они еще сильнее почувствовали острый голод, и почти все бросились к месту покинутого лагеря, чтобы найти что-нибудь для еды.

Их уже опередили, как оказалось, другие претенденты на эти остатки богатого пиршества: по степи бродили, подбирая кости, голодные степные волки. Но голод охотников был слишком чувствителен, чтобы это их остановило. Криками они разогнали волков, а когда один огромный хищник не побежал отдать добровольно большой кусок, который заметил еще издали своим острым взглядом Эль-Соль, и предназначил его для себя и для своей сестры, а воспротивился, рыча и оскаливая зубы, то Эль-Соль пустил в него стрелу, так что животное тотчас грохнулось оземь, и светлая шкура его окрасилась красной кровью. Остальных непрошенных гостей разогнали градом камней и очистили место для себя.

Едва охотники успели утолить первый голод необыкновенно аппетитными, хотя и вывалявшимися в пыли остатками мяса, как что-то возбужденное восклицание заставило всех обернуться на голос товарища.

— Проклятие! Посмотрите-ка, товарищи! Посмотрите на этот лук!

Мексиканец, выкрикнувший эти слова, указывал ногой на лежавший на земле предмет. Все поспешили подойти к нему взглянуть, что встревожило товарища.

— Вот неприятная находка! — заговорил он, когда все дошли,— видите, белый лук!

— Белый, правда, клянусь богом! — воскликнул Гарей.

— Белый! Белый! — воскликнули и другие, изумленно и озабоченно рассматривая лежавший предмет.

— Несомненно, он принадлежал какому-нибудь видному члену неприятельского отряда, — сказал Гарей.

— Не только это несомненно, — прибавил старый Рубе, — но так же и то, что он вернется, чтоб отыскать его, едва...

— Стой! Посмотрите туда, — едет!

Все повернулись по указанному направлению. Вдоль степи на восток далеко на горизонте блеснул, словно метеор или замерцавшая звезда, какой-то предмет.

Звезда это быть не могла, так как солнце еще высоко стояло на небе. Да раздумывать никто и не собирался — все уже по первому взгляду поняли, что это была каска, блестящая под солнечными лучами, когда всадник то подымался, то опускался, подвигаясь беспешным мерным галопом.

— Поближе, к вербам, товарищи, к вербам! — закричал Сегэн. — Бросьте лук! Оставьте его там, где он лежал! Уведите коней! Живо оттуда прочь! Нагнитесь, нагнитесь!

Все охотники кинулись к лошадям, схватили их под уздцы и повели, вернее, потащили их в чашу верб. Затем они быстро вскочили в седла, чтобы быть наготове на всякий случай, и начали всматриваться сквозь скрывавшую их листву.

— Должны ли мы стрелять, капитан, когда он подъедет? — спросил Санчес.

— Мы можем ловко поддеть его, когда он нагнется, чтобы поднять лук, — прибавил один из мексиканцев.

— Не делайте этого, если вам жизнь дорога! — предостерег их Сегэн. — Пусть он подымет лук и поедет своей дорогой.

— Почему так, капитан?

— Как вы не понимаете, глупцы, что тогда все племя бросится по нашим следам сегодня же, еще до наступления полуночи? Отпустите его беспрепятственно, говорю я вам. Быть может, он не заметит наших следов, так как лошади наши не подкованы.

— А как быть, капитан, если он посмотрит вон на то?

Старый Рубе указал при этих словах на одно место на равнине; он один заметил случайно, в какую

цель попала несколько времени тому назад стрела Эль-Соля.

— Ах, убитый волк! Откуда он там взялся? — воскликнул озадаченный Сегэн.

Эль-Соль выступил вперед и рассказал о своем поступке в виде извинения и тоном сожаления в то же время.

Труп зверя лежал неподалеку от того места, где остался забытый лук, и при этом белое окровавленное тело его так резко выделялось на фоне окружающей зелени, что не заметить его не мог ничей глаз, тем более глаз индейца.

— Он, несомненно, заметит его, капитан, — прибавил старый охотник.

— Это меняет дело, — сказал Сегэн, снова вполне овладев собой, и поспешил позвать руку Эль-Солю, как бы без слов подтверждая, что последствий его поступка тогда, конечно, предвидеть нельзя было.

— В таком случае нам, разумеется, не остается ничего другого, как встретить забывчивого воина копьем, арканом или же взять его живым. Стрелять, безусловно, нельзя: его товарищи могут слышать выстрел и очутиться у нас в тылу еще раньше, чем мы успеем добраться до горы. Нет, оружие закиньте за спину: только те, у кого есть копья или арканы, пусть держат их наготове.

— Когда же нам напасть на него, капитан?

— Предоставьте это мне. Возможно, что он слезет с лошади, чтоб поискать на земле, а если и не это, то он, быть может, проедет к ручью, чтобы напоить лошадь. Тут нам возможно будет окружить его. Если он тотчас заметит волка, он, быть может, подойдет близко к нему, чтобы внимательно осмотреть его. В таком случае, нам не трудно будет овладеть им. Будьте терпеливы, когда нужно будет, я подам вам сигнал.

Тем временем навах подъезжал все ближе тем же ровным и мерным галопом. Вскоре он оказался уже шагах в пятистах от ручья и все же продолжал двигаться вперед, не умеряя аллюра коня. В совершенном безмолвии, затаив дыхание, охотники приковались взглядом к нему и к его лошади.

Зрелище было необычайно красиво. Конь был крупный мустанг с пламенными глазами и красными, широко раздувающимися ноздрями. У рта его была пе-

на, и белыми же пятнами ее были покрыты шея, грудь и плечи. У всадника была обнажена вся верхняя половина тела от пояса и до развевающихся перьев на каске, и только на шее и на предплечье блестело несколько украшений. Бедро его покрывала яркая цветная вышитая ткань, на ногах мягкая оленья кожа и изящные мокасины.

Видно было, что он не принадлежал к апачам, так как на теле его не было рисунков, а красновато-коричневое лицо сверкало здоровым естественным цветом. Благородные черты его лица имели воинственный характер, глаза смотрели смело и пронизательно, по плечам развевались длинные черные волосы. Под ним было испанское седло. В правой руке его было продетое в стремя копьё, через левую шел ремень белого щита, а через плечо висел колчан со стрелами. Виден был и другой лук, меньший, чем забытый им в долине.

Великолепную картину представляли этот всадник со своей лошастью, несшиеся по степи, словно они были одно существо. Всадник походил скорее на героя древности, чем на дикаря далекого запада.

— Вот так мчится, черт возьми! — тихо воскликнул один охотник. — Каска сверкает, как молния!

— Да, — пробормотал Рубе, — этой каске мы многим обязаны! Мы очутились бы в таком же скверном положении, как он теперь, если бы не заметили своевременно эту блестящую штучку... — Рубе вдруг смолк, тщательно всматриваясь в индейца. — Эге, — воскликнул он с сильным возбуждением, — да ведь это Дакома! Клянуть, это Дакома, второй предводитель навахов!

Галлер оглянулся на Сегэна, чтоб посмотреть, какое впечатление произведут на него эти слова. В эту минуту Эль-Соль нагнулся к Сегэну и шепнул ему несколько слов на непонятном Галлеру языке, сопровождая их энергичными движениями. Галлер разобрал одно только слово «Дакома», при котором на лице предводителя мораконнов появилось выражение бешеной ненависти — и с тем же выражением он указал Сегэну на приближавшегося всадника.

— Ну, — ответил ему Сегэн, как бы желая выразить согласие на слова Эль-Соля, — он от нас не ускользнет, безразлично, откроет ли он нас или нет. Только стрелять не надо: его спутники еще не отъехали и десяти миль. Нам не трудно будет его окружить и изловить. Но если бы это и не удалось, я смогу

догнать его на своей лошади, а вот и другая, еще быстрее моей.

При этих словах Сегэн указал рукой на Моро. И тотчас же понизив голос, прибавил:

— Тише! Ни звука!

Наступила гробовая тишина. Каждый плотнее сжал коленями лошадь, чтобы удержать ее неподвижно.

Индеец подъехал в эту минуту к началу прежнего лагеря и, склонившись слегка на бок в седле, начал обводить глазами землю вокруг. Когда он уже был почти совсем напротив места засады охотников, он заметил предмет своих поисков, выскользнул из стремени и повел свою лошадь так, что она подошла вплотную к лежавшему на земле луку. Затем нагнулся, ни на волос не замедляя бег коня, так низко, что перья каски его касались земли, поднял лук и снова очутился в седле.

— Великолепно! — вырвалось восторженным шепотом у Сегэна.

— Право, было бы жалко убивать его, — пробормотал кто-то из охотников, и со всех сторон раздался тихий гул восторга.

Индеец хотел было тотчас же повернуть тем же галопом назад, как вдруг ему бросилось в глаза окровавленное тело белого волка. Сильно рванув за поводья, он с выражением недоумения и озабоченности начал рассматривать труп.

— Великолепно, — воскликнул снова Сегэн. — Бесподобный наездник!

На несколько секунд лошадь и всадник замерли в этой позе. Потом выражение лица всадника быстро изменилось, испытующим и слегка испуганным взглядом он оглянулся кругом и дольше остановил свой взгляд на мутной еще, загрязнившейся от копыт охотничьих лошадей воде.

Этого взгляда ему было довольно. Сильно натянув снова поводья, он быстро бросился назад в степь. В это мгновение Сегэн подал сигнал к нападению. Охотники дали шпоры коням и бросились плотной массой вперед из-за чаши верб.

Надо еще было перескочить через ручей. Сегэн был несколько впереди. Вдруг его лошадь неожиданно споткнулась, поскользнулась с берега и упала вместе с всадником в воду. Остальные промчались мимо него. Не остановился и Галлер и даже не обернулся: он знал, что поимка индейца была вопросом жизни и

смерти для всех. Вонзив глубоко шпоры в бока коня и возбудив его этим до крайности, он помчался стрелой.

Некоторое время охотники неслись плотной кучкой. Когда они выехали в долину, они увидели, что индеец находится от них на расстоянии футов восьмидесяти. Но, подвигаясь все больше вперед, они с ужасом замечали, что расстояние это все не уменьшается, а даже еще увеличивается.

Они совершенно забыли, в каком состоянии должны были быть их лошади: обессиленные от голода, застоявшиеся от долгой неподвижности в ущелье, они, вдобавок, только что напились не в меру жадно.

Но Галлер несмотря на это, убедился вскоре, что он опережает своих спутников. Сказывалась исключительная быстрота бега Моро.

Несколько дальше его ускакал вперед один только Эль-Соль. Галлер видел, как он взял в руку аркан, забросил его, но вдруг приостановился. Петля скользнула по задним ногам летящего мустаंगा. Эль-Соль промахнулся.

Когда Галлер промчался мимо него, он заметил, что Эль-Соль снова вяжет петлю с выражением досады и разочарования на лице.

Арабская кровь Моро вскипела — он далеко оставил остальных за собой. Галлер чувствовал, что скоро догонит индейца. Меньше чем в четверть часа расстояние между ними оказалось шагов в двадцать. Удача близка, но как ему повести себя, Галлер не знал.

К ружью он не решался прибегнуть, помня предостережение Сегэна и понимал, что ему необходимо повиноваться. Оставался, следовательно, только нож или еще ружейный приклад. То и другое было очень несовершенным оружием перед таким врагом.

Но прежде чем Галлер успел решить, какому из них все же отдать предпочтение, предводитель навахов, бросив беглый взгляд через плечо и увидев, что преследовавший его был один, стремительно обернулся, ударил Галлера копьём и снова ускакал. Лошадью своей он управлял, казалось, даже без помощи поводьев. Она привыкла повиноваться только голосу и прикосновению хозяина.

Неожиданность была так велика, что Галлер едва успел поднять ружье и отразить удар, направленный ему прямо в грудь. Но все же совсем отклонить его не удалось: конец копья задел и ранил его в руку. Вдобавок толчком ружье было выбито у него из рук.

Рана, потрясение и сознание потери ружья несколько лишили Галлера самообладания и помешали ему направить, как следует, коня. Вследствие этого прошло некоторое время, прежде чем снова он вполне овладел поводьями и мог повернуть коня.

Противник же действовал быстрее, и Галлер вскоре почувствовал, что сквозь его волосы, над самым правым ухом, просвистела стрела. Когда ему удалось снова поскакать навстречу индейцу, тот выпустил еще одну стрелу, и через мгновение она вонзилась в руку Галлера.

В страстном возбуждении, разгоряченный до последних пределов, Галлер забыл обо всех дурных последствиях, обо всем на свете, и сознавал только одно, что единственную возможность спасти жизнь ему мог дать только меткий выстрел. Он выхватил пистолет, поднял его и помчался стрелою вперед.

В то же самое мгновение индеец уронил свою стрелу, направил копые и, дав шпоры коню, поскакал навстречу врагу.

Бешеным галопом неслись оба друг на друга... Вот Галлер прицелился, спустил курок, выстрела не было — осечка!

Перед глазами Галлера блеснуло острие копья... Вот-вот оно коснется груди! В ту же секунду что-то метнулось у самого лица Галлера, просвистело у его уха... Это была петля аркана.

Он видел, что петля опустилась через голову индейца, охватив плечи до самых локтей, видел, как она затянулась на нем... Раздался дикий, пронзительный крик, индеец покачнулся всем телом, копые выпало у него из рук, и через секунду предводитель навахов, выбитый из седла, беспомощно распростерся на земле.

Расвирепевший мустанг бросился на Моро так, что сшиб его с ног и повалился сам — и всадники, и лошади барахтались на земле.

Когда Галлер опомнился от всего разыгравшегося с такой быстротой, он увидел Эль-Соля, стоявшего с занесенным ножом над безоружным связанным индейцем. Лицо его выражало смешанное чувство ненависти и торжества.

В эту минуту, примчалась сестра Эль-Соля, спрыгнула с лошади и быстро подбежала к группе.

— Смотри, — сказал ей брат, указывая на лежавшего наваха, — вот он, убийца нашей матери!

С коротким и резким криком девушка выхватила нож и бросилась на пленника.

— Нет, Луна! — воскликнул Эль-Соль, отстранив ее, — нет! Мы не разбойники! Что бы это была за месть? Нет, пусть он еще поживет. Мы его живым покажем нашим соплеменникам. Пусть наши жены попляшут над великим предводителем и воином, схваченным без единой раны.

Эль-Соль произнес эти слова презрительным тоном, глядя в упор на поверженного врага. Индеец весь задрожал.

— Собака! — закричал он, делая отчаянные попытки освободиться, с горящими яростью и злобой глазами. — Мораконская собака, связавшаяся с бледнолицыми разбойниками! Будь проклят!

— А! — прошипел Эль-Соль. — Ты, значит, узнал меня, Дакома? Очень рад!

В это время к месту битвы подоспело еще несколько охотников, поспешно кинувшихся, чтобы покрепче связать врага и совсем обезвредить его.

Подъехал и Сегэн и, мельком взглянув на пленника, бросился прежде всего к Галлеру.

— Боже мой! Вы ранены! — воскликнул он, озабоченно и тревожно. — Дайте-ка мне осмотреть вашу рану. Пробита только мякоть? О, тогда вы очень счастливо отделались, мистер Галлер! Если только... если только стрела... не отравлена! Я боюсь... Эль-Соль, подите скорей сюда, мой друг! Посмотрите, не было ли отравлено острие?

Прежде всего надо скорее вытащить ее, — сказал, быстро приблизившись, Эль-Соль, — с этим медлить нельзя.

Стрела глубоко вонзилась в мышцы руки, пробив ее насквозь. Искусной и опытной рукой Эль-Соль очистил от перьев противоположный конец ее и осторожно вытащил ее из раны.

— Не останавливайте кровь, пока я не исследую стрелу. Она не похожа на боевую стрелу, скорее на охотничью. Но надо поближе исследовать. Навахи употребляют очень хитрые яды. К счастью, я располагаю средствами обнаружить всякий яд, а также и противоядиями.

Говоря это, Эль-Соль вынул из своей сумки комочек грубой ваты, вытер ею кровь с острия, затем вынул флакончик с какой-то жидкостью и налил из нее несколько капель на острие.

Во все это время Сегэн сильно волновался, тревожно и нетерпеливо ожидая результата.

— Ну, сударь,— сказал, наконец, Эль-соль,— вы отделались на этот раз очень счастливо! Наверное, ведь у врага были и боевые стрелы в колчане, а те отнюдь не так безвредны. Но, к вашему счастью, он второпях выхватил охотничью стрелу.

Вздохнувший с облегчением Галлер безмолвно указал рукой на другую стрелу, которая прежде пролетела сквозь его волосы над ухом и теперь валялась невдалеке на земле. Эль-Соль подошел и поднял ее.

— Посмотрим, сказал он, приступая к такому же исследованию.— Вот видите, я был прав! — воскликнул он через несколько секунд.— Посмотрите, как позеленело острие. Возблагодарите ваших святых за то, что не эта попала вам в руку, иначе понадобились бы соединенные усилия доктора и моп, все наши познания и наше искусство, чтобы спасти вас.

Искусные руки доктора быстро справились с перевязкой легкой раны Галлера. Также быстро уложен был на мула и привязан знатный пленник, и все направилось обратно к ручью для серьезного совещания, необходимость которого была вызвана последними событиями.

Как только они прибыли на место своей прежней засады, одного из охотников отрядили на вершину горы: он должен был поднять тревогу в случае, если бы разглядел приближающихся всадников индейцев. Остальные сошли с лошадей и расположились вокруг своего предводителя.

XVIII. Хитрость безухого

Сегэн заговорил не сразу. Молча и сосредоточенно обдумывал он план дальнейшего поведения, и никто из охотников не решался прервать его размышления.

— Товарищи! — начал он, наконец,— то, что мы сделали, может иметь для нас роковые последствия. Но что делать? Избегнуть этого нельзя было. Теперь нам остается изменить наши планы. Индейцы этого так не оставят. Они несомненно, вернуться на поиски нашего пленника и не бросят поисков, хотя бы им из-за этого пришлось пройти обратно весь путь, до самой своей родины. Что же тогда с нами будет? Наши сидят теперь, укрывшись в Мескитских горах. Они не

могут ни сюда прийти, к Пиннонским горам, ни уйти какой-либо военной тропой, так как следы их были бы непременно обнаружены.

— Почему же нам не отправиться туда к ним и затем не пойти через старые рудники? Таким образом мы не попадем на военную тропу,— предложил канадец Годэ.

— Нет, это не годится,— возразил один мексиканец.— Дорога через старые рудники так далеко отсюда, что мы непременно наткнемся на навахов, которые к тому времени придут в свой город. Ну, а что из этого может выйти, это всем нам ясно: немногие из нас уцелеют.

— Почему же мы непременно на них наткнемся? — угрюмо возразил Годэ.— Когда они убедятся, что их предводитель не возвращался в город, они ведь там не останутся, а мы можем снова переждать их отъезд.

— Конечно, они там не останутся,— сказал Сегэн.— Но они вернуться, несомненно, по военной дороге. Но я хорошо знаю местность вокруг рудников. Там совсем нет дичи, у нас не будет провизии, так что эта дорога для нас невозможна.

После непродолжительной паузы он произнес раздумчиво и мрачно:

— Итак, у нас нет другого выхода, как отправиться все же военной дорогой до Приэто. Будь что будет!.. Или же мы должны совсем отказаться от своего предприятия.

Сегэн снова умолк и обвел вопросительным взглядом всех товарищей, как бы желая спросить без слов, не предложат ли кто-нибудь иной план. При этом взгляд его упал на старого Рубе, сидевшего на земле. Тут только вспомнил Сегэн, что старый охотник еще ни словом не вмешался в общее совещание, и с возгоревшейся надеждой на необыкновенную опытность старика обратился к нему:

— Нуте-ка, Рубе, не предложите ли вы нам какой-нибудь возможный исход? Я сознаю, что ничего придумать не могу.

При словах Сегэна глаза всех обратились на старика.

Не без некоторого тщеславного удовольствия — вполне законного, старик тотчас заговорил, как будто только и ждал этого обращения к нему.

— Что ж, капитан, я выскажу свою мысль. Хороша ли она, нет ли, но если вы ее примете, в течение всей

следующей недели нас не выследит ни одна собака, ни из апачей, ни из навахов. Отрежьте мне уши, если я ошибаюсь.

Эта шутка была одна из излюбленных остроумий старика, и все засмеялись. Сам Сегэн не мог удержаться от улыбки, предлагая Рубе продолжать.

— Во-первых, — заговорил Рубе, — они отправятся на поиски нашего пленника не ранее, чем через два дня, потому что он у них только второй предводитель, и они без труда могут справиться и без него. Но они не придут еще и через два дня — и вот почему. Индеец забыл свой белый лук. Мы все знаем, что в глазах дикарей — это большой позор. Ввиду этого я твердо уверен, что он запретил своим следовать за собой из боязни, чтобы кто-нибудь из них не узнал, куда и зачем он отправится. Если бы ему было все равно, узнают ли они это или нет, ему незачем было бы утруждаться самому, он послал бы кого-нибудь другого. Так представляется мне дело, капитан.

— И возможно, что вы правы, — ответил Сегэн. — Продолжайте, Рубе.

— Но я отнюдь не думаю, что они могут так-таки и совсем оставить мысль о своем предводителе. Напротив, я совершенно уверен, что, по крайней мере, половина его племени отправится разыскивать его. Но пока они придут для водопоя вот сюда, к Пиннонскому ключу, пройдет, наверное, полных три дня, а может быть, и все четыре.

— Но уже на следующий же день они нападут на наш след?

— Не нападут, — уверенно сказал Рубе.

— Как же мы можем помешать этому? — спросил изумленный Сегэн.

— Да так, что наведем их на другой след. — Видите вы там колчан за спиной наваха?

— Да, да! — раздалось несколько голосов.

— И он, надо полагать, наполнен стрелами?

— Конечно, конечно, дальше!

— Ну, вот, кто-нибудь из нас сядет на мустага индейца и поедет на военную дорогу, по которой отравились апачи. Там он воткнет эти стрелы в землю остриями на юг, и если навахи, послушные этому указанию, не отправятся по этой дороге, пока не догонят апачей и тогда только узнают свою ошибку, то назовите старого Рубе дураком!

— Да, да, это верно! — воскликнул Сегэн.— Это направит их по ложному следу!

— Bravo! Он прав! Он прав! Ура, старый Рубе! — хором загудела вся толпа.

— Они не станут раздумывать над тем, зачем он вздумал последовать по пути апачей, им будет довольно того, что они узнают его стрелы.

— А затем еще вот что, — сказал он после небольшого раздумья.— Нашим товарищам из оставшегося отряда вовсе нет надобности приходить сюда, к Пиннонскому ключу. Они могут пройти стороной от военных дорог по пути на Джилу и присоединиться к нам по ту сторону горы, местами изобилующими буйволами. Нам туда необходимо отправиться, во всяком случае, потому, что по эту сторону горы у нас нет никакой надежды натолкнуться на буйволов, с тех пор как их спугнули индейцы.

— Я совершенно согласен с вами во всем, — сказал Сегэн.— Возьметесь сейчас же за дело, не теряя времени. До захода солнца у нас остается еще два часа. За что бы вы хотели взяться, прежде всего, Рубе? Вы предложили план, и я охотно готов положиться на вас в деле его осуществления.

— По моему мнению, капитан, надо прежде всего послать человека такого, который мог бы хорошенько скакать, к оставшимся товарищам нашим, чтоб рассказать им все и вывести их на дорогу.

— Какой же дорогой направить их?

— Милях в двадцати отсюда к северу есть сухой и каменистый горный хребет. Если они пройдут по хребту, то не оставят за собой заметных следов.

— Сейчас пошлю. Санчес, поезжайте вы: у вас хорошая лошадь, и вы хорошо знаете дорогу. До того места, где укрылись наши товарищи не более двадцати миль. Переправьте их по горному хребту и будьте осторожны во всем. Если вы будете ехать всю ночь, то к утру можете успеть вернуться. Нас вы найдете по ту сторону северной вершины горы. Ну, с богом!

Не произнеся ни слова, Санчес разыскал свою лошадь в степи, вскочил в седло и полным галопом помчался на северо-запад.

— Ну, Рубе, теперь, за стрелы. Как это устроить? — обратился Сегэн к старому зверолову.

— Если вы согласитесь предоставить это дело мне и Гарсию, — ответил Рубе, — то, я смею думать, что мы так воткнем их, что введем в заблуждение всех ин-

дейцев в мире. Нам придется удалиться на расстояние приблизительно в четыре мили отсюда, но мы успеем вернуться к тому времени, когда вы наберете воды и притащите вон того волка. Его ведь надо убрать, а за неимением лучшего и он пригодится нам на ужин.

— Отлично. Все будет сделано. Возьмите стрелы.

— Четырех нам довольно, — сказал Рубе, вынув из колчана четыре стрелы. — Биль! — крикнул он потом Гарейю. — Захвати-ка свое, мое и еще одно одеяло, они нам понадобятся... Так. Теперь перекидывай ногу через спину навахского мустанга и поезжай по дороге апачей. Проедешь триста шагов, остановись. А мне дайте одно черное перо.

С этими словами Рубе выдернул одно из страусовых перьев из каски индейца, вынул в то же время стрелу, укрепил перо на острие и воткнул его в один из прямых шестов, оставшихся среди покинутого индейцами лагеря. Стрела торчала так, что указывала на юг, на дорогу апачей, а перо так бросалось в глаза, что всякий приближающийся из степи должен был заметить этот сигнальный знак.

Когда все было сделано, Рубе последовал за своим ускакавшим на мустанге товарищем пешком, причем, старался держаться в стороне от военной дороги и ступать как можно легче и незаметнее. Точно отсчитав триста шагов и догнав Гарейя, он воткнул вторую стрелу, также обращенную острием на юг, и так, чтобы она могла быть видна с того места, где была воткнута первая.

Гарей поехал тем же порядком дальше по восной дороге, а Рубе опять зашагал стороной от дороги, по прерии, параллельно товарищу. Проехав немного вперед, Гарей замедлил бег мустанга и потом совсем остановился.

Когда Рубе подошел, он разостлал по земле все три одеяла в длину, в западном направлении. Гарей сошел с мустанга и повел его тихонько по одеялам. Так как ноги его помещались одновременно на двух одеялах, то каждый раз, когда он переходил с первого на второе, первое, заднее, поднималось, и расстилалось впереди третьего, переднего — и это повторялось, до тех пор, пока они вывели таким образом мустанга на полтора шагов в глубь прерии.

Тогда Гарей поднял одеяла и медленно поехал назад, а Рубе вернулся опять по следам и воткнул третью

стрелу в том месте, откуда мустанг отклонился от дороги апачей.

Затем Рубе прошел еще немного, держась все так же на юг; нужна была еще одна предосторожность для большей уверенности.

Пройдя около мили, он нагнулся, воткнул четвертую и последнюю стрелу, потом перешел на тропинку, по которой его спутник прошел, и последовал за ним. Дело было сделано — хитрость была доведена до конца.

Сегэн решил оставить у ручья двух охотников. Лошади их должны были оставаться на скале, а воду они должны были черпать ведром, чтобы в воде не оставалось свежих следов. Один из них должен был находиться безотлучно на вершине и наблюдать степь в зрительную трубу. Таким образом, если бы навахи вернулись, они могли заметить их своевременно и ускользнуть.

Потом оба должны были остановиться на условленном месте, в десяти милях от Пиннона на север, откуда они могли продолжать наблюдать происходящее в долине, и там должны оставаться, пока не убедятся, в каком именно направлении удалились индейцы, покинув Пиннонский ручей, и тогда уже поспешить со своими вестями вперед к товарищам.

Все эти распоряжения были отданы еще до возвращения Гарей и за ним Рубе. Когда оба вернулись, охотники сели на коней, мула с привязанным к нему индейцем поместили в середине и поехали обходом к подошве Пиннонской горы. При приближении к горе они отыскивали намеченную дорогу, скалистую и усеянную камнями, на которой копыта коней не оставляли никаких следов. Маленький отряд поехал на север по прямой линии, почти параллельной военной дороге.

XIX. Мираж пустыни

Переход в двадцать миль привел небольшой отряд к тому месту, где он должен дожидаться, пока к нему присоединится большой отряд, укрывавшийся в Мескитских горах. Охотники расположились лагерем, развели костер, изжарили жесткое и невкусное, но сдобренное голодом волчье мясо — на всем пути, как и предсказывал Рубе, им не встретилось никакой дичи — поели его и улеглись спать.

Рано утром их разбудил приезд остального отряда охотников, скакавших всю ночь. Так как и у них провизии совсем не осталось, то предоставить утомленным лошадям длительный отдых нечего было и думать. Через несколько часов оба соединившихся теперь отряда отправились через Сиерский лес в надежде найти по другую сторону его дичь.

Эта надежда, по воле благосклонной судьбы, не обманула их. В тот же день им удалось найти по свежим следам буйволов, и они поохотились так же удачно, как недавно индейцы — на зависть голодным охотникам, сидевшим в западне — добыли много сочного буйволиного мяса. Нагрузив свою богатую добычу, они снова отправились в путь к развалинам старой миссии, находившейся приблизительно в десяти милях от места охоты.

Развалин они достигли к вечеру, когда только что закатилось солнце, спугнули своим появлением сов и волков и решили расположиться лагерем среди обрушившихся стен бывшего местопребывания миссионеров.

Все чувствовали слабость и истощение от прежних дней голодовки и потому, едва поужинав и позаботившись о лошадях, они растянулись, положив под головы свои седла, и очень скоро уснули.

Так как ночь прошла спокойно, то утром можно было заняться нетрудной работой вяленья или высушивания мяса, которая потребовала трех дней.

Утром четвертого дня приехали двое охотников, оставшихся на Пинноне для наблюдения, и сообщили, что задуманная хитрость удалась вполне. На другой день после того, как отряд ушел и они остались одни, навахи вернулись к ручью и, увидев сигналы с помощью стрел, действительно отправились по дороге на юг, то есть вслед за заранее ушедшими апачами. Это было, по их наблюдениям, все племя Дакомы, в общем около трехсот человек.

Охотникам теперь ничего больше не оставалось, как собраться возможно быстрее и продолжать свой путь на север. Через час они были уже на конях и поехали к скалистому берегу Сан-Педро.

После целого дня пути они прибыли в пустынную долину Джила и, переночевав здесь, прибыли к вечеру следующего дня к устью реки Сан-Карло, где и нашли новый ночлег.

Сегэн решил проехать вверх по течению Сан-Карло миль на сто и потом повернуть на восток, в страну навахов.

Прошло еще несколько дней пути на север по стране, привлекавшей внимание путников странными, необычайными очертаниями гор, вершины которых высились то в форме круглых куполов, то в форме зубчатых венцов. Иногда даже в форме остроконечных, как шпицы, башен. Местами попадались горы, похожие на колоссальные столы: колоннообразные скалистые глыбы, совсем прямые, поддерживали лежащие на них каменные плиты.

В этих причудливых горных очертаниях путникам чудилось что-то живое до такой степени, что они почти не чувствовали унылой пустыни, окружавшей их. А между тем они ехали теперь по пустынейшей во всем мире стране, на которую никогда еще не ступала нога человека, обутая не в мокасины. Это была страна племен иампариков, жалкой вырождающейся краснокожей народности, к которой остальные индейские племена относились с величайшим презрением.

На четвертый день, покинув течение Джилы, охотники достигли одного места, в котором Сан-Карло прорыл себе ущелье сквозь высокую горную цепь. Здесь они переночевали.

Исследовав тщательно место утром следующего дня, они должны были убедиться, что продолжать путь по течению реки они могут не иначе, как перебравшись через огромную гору, — и Сегэн сообщил товарищам свое намерение прервать путь по течению реки и направиться на восток.

Все выразили полное согласие. Было решено только переждать полуденный зной у Сан-Карло и еще раз освежить лошадей в реке. После полудня оседлали коней и выступили в поход по долине.

На ночлег решено было не останавливаться, а ехать безостановочно вперед всю ночь и, если придется, и следующий день — словом, до тех пор, пока они не достигнут воды, потому, что без воды бесполезна и остановка: отдыха она не дала бы и сил не восстановила бы.

Не успели они еще проехать двадцати миль, когда заметили, что перед ними расстилается страшная пустыня — огромное пространство, совершенно лишенное какой бы то ни было растительности — ни травы, ни дерева, ни воды. Далеко-далеко можно было разгля-

деть горную цепь, тянувшуюся с севера на юг, а за нею высилась громада другой цепи гор, величавые вершины которых были покрыты вечным снегом.

Не могло быть ни малейшего сомнения в том, что у подошвы этой снеговой горной цепи должна быть вода, возможно, даже, что там-то и текла пресловутая золотоносная река Приэто, которую искали охотники. Действительно, искали, потому что вся эта местность была совершенно незнакома никому из них. Даже Рубе не попал сюда ни разу: ни в то время, когда его везли в плен, ни во время бегства от навахов.

Такие ожидания или хотя бы даже только надежды очень ободряли путников, но расстояние до тех гор было чудовищно огромно — и если им не посчастливится найти воду у ближайшей горной цепи, то их может ожидать печальная участь... Гибель от жажды угрожает им.

С крайним напряжением сил людей и лошадей ехали они безостановочно всю ночь и вскоре после восхода солнца достигли подошвы ближайшей невысокой горной цепи. К крайнему своему смущению и огорчению, воды они не нашли. Горы представляли ряд голых, совершенно бесплодных скал, в недрах которых не таилось ни одной струи!

В одном месте горы оказался какой-то проход. После долгих и бесплодных поисков воды, охотники решили отправиться через этот проход и в мрачном молчании ехали долго утомленные, изнемогающие от жажды, удрученные. Но вот пройден проход. У выхода глазам путников представилось такое необычайное зрелище, что весь отряд внезапно и круто остановился, как будто по приказу.

Перед ними тянулась совершенно пустынная, тускло серевшая долина, заключенная, как в рамку, на самом конце упомянутой снеговой цепью. На южной стороне этой горной цепи возвышались окопы и башни какого-то города и, насколько можно было судить по его протяжению — большого, огромного города.

Залюбовавшиеся зрители явственно различали колонны храмов, ворота и заборы домов. Над крышами высилось множество башен, а над ними — огромной высоты купола.

Охотники, совершенно не ожидавшие, не считавшие даже возможным встретить подобное явление в этой одичалой пустыне, долго сидели неподвижно на конях, охваченные странными чувствами.

Следует ли им ехать вперед? Не был ли этот колоссальный город тем самым навахским городом, к которому они стремились?

Рубэ решительно отрицал это... Но все равно! Что бы это ни было — небо или ад — воды им надо было добыть: они погибли от жажды!

И они помчались вперед.

Но едва они отъехали на несколько шагов, как из всех грудей разом вырвался крик: глазам их представилась новая картина... картина, наполнившая их ужасом... Перед обращенными к ним воротами города появились темные фигуры... Целый ряд каких-то всадников!

Охотники рванули поводья так, что лошади почти осели на задние ноги. Вся линия вмиг остановилась, как один человек.

— Индейцы! — воскликнули многие.

— Да, это должны быть индейцы... — пробормотал Сегэн, — кто же больше? Здесь ведь и нет больше никого...

— Но нет! — воскликнул он вдруг после минутной паузы. — Разве бывают такие индейцы! Посмотрите на их огромных коней... на колоссальные ружья... Да это великаны! Гиганты! О, да это... привидения!

Охотники, столпившиеся позади Сегэна и Галлера, ехавших во главе отряда, издавали восклицания ужаса.

Кто же это могли быть? Жители этого города? Но как поразительно громадны были и лошади, и всадники!..

Довольно долго лицо Галлера выражало такую же испуганную растерянность, как лица остальных. Но вдруг его осенила какая-то мысль, от которой лицо его сразу посветлело. Он вспомнил о воздушных явлениях в великой африканской пустыне Сахаре, о которой много читал и тотчас же сообразил, что и это явление должно быть не что иное, как мираж — фата-моргана пустыни.

Чтобы довершить картину иллюзии, он поднял руку над своей головой — и стоявший впереди гигант тотчас точно повторил это движение. Он дал шпоры коню и поскакал галопом вперед — призрачный всадник сделал то же самое, как бы устремившись навстречу ему.

Охотники последовали за ним, еще не отдав себе отчета о смысле виденного.

Через несколько секунд они миновали угол преломления света и отражения воздуха — и из глаз исчезли

с быстротой мысли и исполинские тени людей, и огромный город. Остались только очертания множества скалистых гор причудливых форм, пересекавших край долины.

Только к вечеру достигли они берега Приэто. Наконец, наконец! Люди и животные были полумертвы от жажды, истощившей их силы до самого последнего предела. И, как ни дорого было время, люди и животные нуждались в двухдневном отдыхе, чтобы хоть сколько-нибудь собраться с силами.

XX. Столица навахов

Задолго до рассвета третьего дня после приезда их к реке охотники снова уже сели на коней, перешли вплавь через глубокую, но не очень широкую реку и, достигнув берега, поехали на юго-запад. Понадобилось, однако, еще целых два дня пути в том же направлении, пока Рубе заметил вдали горы, замыкавшие, по его мнению, столицу навахов. И только к вечеру наступившего затем третьего дня очутились они у большого оврага, бывшего, по-видимому, руслом какого-нибудь притока Приэто у самой подошвы горы.

Старый зверолов, принявший во время этого пути роль проводника и потому ехавший впереди, указал рукой на этот овраг.

— Что это, Рубе? — спросил Сегэн.

— Видите этот овраг впереди?

— Вижу. Что же это за овраг?

— За ним сейчас будет город.

Необходимо было перебраться через горный хребет, ограничивавший овраг с юга, потому что у речного русла не видно было никакой тропинки, а под крохотными соснами явственно вилась дорога. Вслед за своим проводником отряд начал карабкаться на гору.

Карабкаясь целый час по головокружительной тропинке, шедшей по самому краю пропасти, они достигли, наконец, вершины горы и оглянулись на восток.

Перед ними лежала столица навахов... Достигнута, наконец, цель утомительного, трудного и опасного пути!

— Вот он, вот! Благодарение Пресвятой Деве! Вон там город... Ура! — радостно восклицали все наперебой.

— Боже мой, наконец, достигнуто!..— пробормотал Сегэн в глубоком волнении.— Слава богу! Стой, товарищи, стой!

Охотники осадили лошадей, и все загляделось на развертывавшуюся перед ними великолепную во всех отношениях панораму.

Они находились на западном краю долины, которая с возвышения была им видна во всю длину, и равнялась эта долина, по-видимому, милям двадцати, приблизительно, ширина же составляла миль десять, самое большее.

Ни один холм, ни один бугорок не нарушал ровной и гладкой площади, покрытой изумрудно-яркой зеленью. Светлая линия перерезывала ее на две неравные части — это были извилины прозрачной, как хрусталь, реки. На севере и на юге по восточной стороне долины тянулись, как будто прямо глядя друг на друга, две горные гряды, а в одном пункте можно было различить сосновый лес, откуда начиналась река.

Неподалеку от этого леса смутно виднелись по обоим берегам реки ряды странных зданий то круглой, то остроконечной формы. Это были жилые дома. Это была столица навахов Навахойа.

С жадным любопытством устремились глаза охотников на эти дома. Напрягая зрение, они различали очертания домов, хотя они и стояли на очень далеком расстоянии. Особенно бросались им в глаза одно из зданий — оно было больше других и по виду было похоже на храм.

На оградах и террасах этого здания Сегэну удалось разглядеть с помощью сильной зрительно; трубы множество человеческих фигур и такую же большую толпу, движущуюся вниз по равнине. Некоторые погоняли стада животных — мулов и мустангов, по-видимому, с пастбищ домой, другие, вероятно, городская молодежь, забавлялись всевозможными играми в степи под открытым небом. Некоторые плескались, купаясь, в реке.

Словом, картина развертывалась яркая, полная жизни, красоту и богатство которой еще увеличивали стаи диких гусей, лебедей и журавлей, носившихся над берегом реки.

— Долго ли продлится мирный покой этого города? — подумал Галлер, больше других залюбовавшийся этой картиной жизни и труда.— Много ли дней про-

йдет, пока покой и тишина будут нарушены грохотом разрушения и опустошения?..

Сердце предводителя и многих охотников волновали при виде этой картины совсем другие чувства. Один думал о своей жене, другой о сестре, третьи жили, как Сегэн, надеждой найти за стенами стросний давно потерянное любимое дитя...

По приказу Сегэна охотники отступили под деревья, и Сегэн открыл новое совещание... Вопрос предстоял огромной важности: каким образом лучше приступить к взятию города?

Днем нельзя было приступить к атаке: жители заметили бы их раньше, чем они успели бы напасть, и так как мужчин в городе для защиты осталось мало, как следовало предвидеть, то они бросились бы бежать в ближний лес. Тогда они упустили бы, конечно, главную цель предприятия.

Следовательно, атака должна была быть произведена ночью. По крайней мере, другого выхода никто не видел. А между тем это представляло, конечно, очень существенные и серьезные неудобства в связи с отсутствием у охотников плана города.

Но изобретательный ум старого безухого зверолова нашел выход, и ввиду его практической он был тотчас единодушно принят. План Рубе состоял в том, чтобы успеть под покровом ночи окружить город, к самому нападению приступить не ранее утра.

Таким образом, возможность бегства будет отнята у жителей, а охотники будут разыскивать своих близких между навахскими пленниками, не рискуя ошибиться, при свете дня, а не впотьмах, когда ошибки были бы так возможны. Ведь многие из несчастных томилась в плену целые годы. Родные не видели их столько лет, что могли не сразу узнать их, так они могли измениться.

Порешив на этом, охотники разместились на земле, чтобы не быть замеченными случайно и сколько-нибудь отдохнуть и, не выпуская поводьев из рук, ожидали, пока зайдет солнце.

Приблизительно через час яркое дневное светило скрылось за горизонтом, мрачные контуры деревьев на противоположной стороне приняли еще более мрачную окраску, и мало-помалу сумерки заволокли серыми тенями всю долину.

С последним исчезнувшим солнечным лучом охотники потянулись длинным рядом по холму и, спустив-

шись в долину, тихо и осторожно поехали по ней, только изредка осмеливаясь обмениваться вполголоса между собой двумя-тремя словами.

Приблизившись к городу на расстояние одной мили, охотники могли явственно различить огни, горящие на террасах домов, а порой даже отчетливо слышали громкое восклицание движущихся вокруг них людей.

На этом месте была сделана остановка, весь отряд был разделен на две части. Одна из них, меньшая, спряталась в засаде в прорытом у края речного берега в глубоком овраге. Эта часть состояла из нескольких человек, оставленных для надзора за взятым в плен предводителем Дакомой и за мулами.

Большой отряд с Рубе во главе, который должен был указывать ему дорогу, направился по опушке леса, подвигаясь полукругом вперед и оставляя по пути то там, то сям по несколько человек, образуя, таким образом засаду, пока не разместились все до последнего человека. Приказ был отдан всем размещенным частям оставаться безмолвно и, лежа на своих постах, выжидать сигнала к нападению, который по условию должен был протрубить рог при наступлении дня.

Час за часом медленно поползло время. Городские огни мало-помалу потухали и, наконец, всю долину покрыла своей таинственной тишиной темная безлунная ночь.

Через несколько часов все небо заволокли тяжелые, темные тучи, предвещавшие грозу. В этих местах грозы — явление довольно редкое, но зато, когда они разражаются, то с необычайной страшной силой. В безмолвной тишине притихшей и как бы насторожившейся природы раздался пронзительный крик лебедя. Журавль с шумом пронесся над водой — таковы были единственные звуки, нарушавшие время от времени глубокий полуночный покой.

Так прошла ночь. В долине забрезжил слабый сероватый свет, принесший с собой холодные струи сырого воздуха и этим разбудивший дремавших охотников.

Вздрагивая и поеживаясь от холода, охотники сбросили с себя одеяла, в которые были укутаны на ночь, и осмотрели свое оружие. Затем каждый вынул из своей походной сумки по куску вяленого мяса и быстро проглотил его сырым.

Совершенно готовые, чтобы вскочить в седла, все стояли возле своих лошадей. Но время еще не пришло.

В долине становилось все светлее. Сизый туман, повисший за ночь на скалах и расплывшийся по долине, начал рассеиваться, испаряясь в воздухе.

Когда туман совсем рассеялся, охотники могли разглядеть хорошенько город, проследить глазами за очертаниями домов — и какие же странные здания оказались в нем!

Некоторые из них, самые большие, были построены в форме усеченной пирамиды и состояли из двух, иногда и из трех этажей. Каждый последующий этаж был меньше предыдущего, расположенного под ним. Таким образом, крыши нижних этажей служили верхними террасами, на которые всходили по приставным лестницам.

Окон нигде не было видно, но зато в каждой глиняной стене каждого этажа видно было по дверному отверстию, пропускавшему внутрь достаточно света. На крышах некоторых зданий, так же как и на верхушке храма, были приделаны стержни с прицепленными на них флагами. По объяснению Рубе, этим отмечались жилища знатнейших военачальников и великих, прославленных военных героев племени, а на храме флаг служил для украшения священного места.

Все больше и больше светало. На крышах показались в длинных полосатых одеяниях фигуры людей, ходивших взад и вперед по террасам. В большинстве были женские фигуры — девушки и замужние женщины — и много детей при них. Воинов не видно было.

Вот на крышу храма взобрались старики, за ними последовали женщины, девочки и мальчики. Все это — дети военачальников.

Больше ста человек показалось наверху, сгруппировавшись вокруг алтаря, на котором зажжен был огонь. Вскоре послышалось пенне, и в аккомпанемент ему раздался бой индейского барабана.

Через некоторое время звуки утихли. Все остановились неподвижно, обращенные лицом на восток и, насколько можно было понять по выражению лица, стояли молча.

Что это могло значить?

Рубе шепотом объяснил своим ближайшим соседям, что они ждут восхода солнца и собрались сюда для молитвы, так как навахи поклоняются солнцу.

Вот зарделась самая высокая вершина горы — это показался первый солнечный луч. Мало-помалу гора окрашивается все ниже и ниже в желтый, оранжевый

и пурпуровый цвета. Вот уже осветились и верхушки домов... Вот солнечные лучи скользнули и по лицам молящихся... Между ними есть и белокожие лица — и как их много! Есть женщины и девочки.

— О, Господи, помоги мне найти ее между ними! — прошептал Сегэн и, быстро сложив подзорную трубу, поднес к губам сигнальный рог.

Долина огласилась пронзительными звуками, слышными далеко вокруг. Охотники, услышав призыв, прискакали из лесу и из горных ущелий и ринулись галопом на неприятельский город.

Звуки рога тотчас обратили на себя внимание населения. Некоторым из жителей уже раньше случилось слышать такие звуки, и они знали, что это — боевой клич бледнолицых. Другие же слышали их в первый раз, но все пришли в страшное смятение, как свидетельствовали их беспокойные движения. Вдруг они увидели всадников... странное, чуждое, незнакомое вооружение... непривычно взнузданные лошади...

И вот раздался единодушный крик:

— Да, это враг! Это бледнолицые!

Вся толпа заволновалась, заметалась с места на место, бросилась из одной улицы в другую... Быстро стали карабкаться на крыши и убирать за собой лестницы.

Смертельный страх обнаруживало каждое движение, ужас был написан на всех лицах.

Линия атакующих все приближалась и приближалась. Вот они уже в двухстах шагах от городских стен. Здесь они на минуту остановились. Снова протрубил сигнальный рог, и с громкими криками «ура!» ринулись охотники со всех сторон в город и собрались, как было условлено, перед храмом.

XXI. Адель

В самом непродолжительном времени охотники оцепили кругом все большое здание, обратив таким образом в пленников оставшихся на крыше людей, дрожавших и испуганно прижавшихся к перилам.

— Не бойтесь, мы друзья! — крикнул им Сегэн на их родном языке, делая успокоительные знаки рукой, но из-за продолжавшегося шума и криков, заглушавших его голос, до седоголовых старцев его слова, по видимому, не донеслись.

— Мы — друзья! — закричал он еще раз, и на этот раз слова его произвели впечатление. Один из стариков подошел к самому краю крыши. Белоснежные волосы его достигали ниже пояса, блестящие украшения висели у него в ушах и вдоль груди, а тело было одето в белые одеяния. Было очевидно, что он считается знатнейшим в своем племени, так как остальные держались в почтительном отдалении.

— Друзья! — крикнул он сверху по-испански.

— Да, да, друзья! — ответил на том же языке Сегэн.— Не бойтесь нас, мы никому не сделаем зла.

— За что нам делать зло! Мы находимся в мире с белыми народами на востоке. Мы — сыны Монтекумы, мы — навахи. Что вам от нас нужно?

— Мы пришли отобрать у вас ваших белых пленниц. Это — наши жены и дочери!

— Белых пленниц? Вы ошибаетесь, у нас пленниц нет. Те, которых вы ищете, находятся в плену у апачей, на далеком юге.

— Нет, они у вас! — возразил Сегэн.— Я имею самые точные сведения, что они у вас. Не задерживайте же нас. Мы совершили далекий путь, чтобы отобрать их, и без них мы отсюда не уйдем.

Старец обратился к своим соплеменникам, и после недолгого совещания с ними шепотом, снова выступил к самым перилам.

— Поверьте мне, господин предводитель,— сказал он твердо, тоном, не допускающим возражений,— вас ввели в заблуждение. У нас нет белых пленниц.

— Ты лжешь, презренный старик! — вмешался вдруг Рубе, протискиваясь сквозь толпу и снимая с головы свою шапку из кошачьей шкурки.— Погляди-ка сюда, узнаешь меня?

Индейцам был хорошо виден сверху его лишенный волос череп, и вид его, несомненно, обеспокоил их, как можно было заключить по поднявшемуся среди них тревожному ропоту. Но больше всех заволновался по-видимому, беловолосый предводитель их. Он-то лучше всех знал историю этого голого черепа, так как собственными руками снял с несчастного скальп.

Пронесся ропот и по рядам охотников. Подъезжая, они отчетливо видели в толпе индейцев белые лица, теперь их уже здесь не было. Этот обман и эта ложь их раздражила, и со всех сторон послышались злоеющее бряцание ружей.

— Ты солгал, старик! — воскликнул Сегэн, также утративший спокойное самообладание.— Нам достоверно известно, что у вас есть белые пленницы. Выдайте их нам, если жизнь дорога!

— И, советую тебе, живей! — закричал Гарей, угрожающе подняв ружье.— Сию же минуту, или я окрашу твоей кровью белые твои лохмотья.

— Терпение, друг! Мы вам покажем наших белых, и вы увидите, что это не пленники. Они нашего же племени, такие же дети Монтесумы.

Индеец спустился в третий этаж храма, вошел там в одну из дверей и вскоре вернулся с пятью женщинами, одетыми в костюмы навахов. По их лицам охотники тотчас убедились, что они принадлежат к испаномексиканской расе.

Но через несколько минут, когда охотники получше пригляделись, трое из них узнали троих девушек, а те, в свою очередь, узнали охотников. Девушки подскочили к самым перилам, простирая руки и издавая радостные восклицания.

— Пепа! Рафаэла!... Хесусита!..— слышались голоса трех охотников, называвших своих близких по именам.— Бегите к нам, дорогие! Спускайтесь скорей, скорей!

На верхних этажах стояли переносные лестницы, но как ни напрягали силы девушки, они не могли их стронуть с места. А их бывшие хозяева молча стояли тут же, мрачно нахмурив брови, в сознании бессилия помешать их освобождению, но не желая и пальцем пошевелить, чтобы помочь им в этом.

— Эй, вы там, поганый сброд! — крикнул Гарей, снова пригрозив им ружьем.— Пошевеливайтесь-ка, помогите девушкам сойти, или я из вас дух выпущу!

— Пошевеливайтесь, спустите лестницы! — закричало одновременно еще несколько голосов.

Индейцы покорно спустили лестницы, девушки сбегали вниз и через мгновение очутились в объятиях родственников.

Но две еще оставались наверху неузнанными.

Дрожа от волнения, стоял Сегэн еще несколько минут внизу, со страхом и надеждой вглядываясь в оставшихся. Узнает ли он свою Адель? Столько лет!.. Но нет! Если он и не узнает ее по лицу, он узнает по родинке на левой руке.

С быстротой молнии соскочил Сегэн с лошади и, задыхаясь от волнения, побежал вверх по лестнице,

за ним последовало еще несколько охотников. Пере-скакивая с террасы на террасу, не помня себя, он бро-сился к тому месту, где все еще стояли девушки.

Одного взгляда было довольно, чтобы разрушить его надежды: возраст обеих девушек исключал всякую возможность того, чтобы какая-нибудь из них могла быть его дочерью.

Охваченный глубоким отчаянием, бросился он, как безумный, на старого индейца. Тот вздрогнул и отшат-нулся, увидев горящие пламенем глаза Сегэна.

— Здесь не все! — крикнул он громовым голосом. — Приведи сию же минуту остальных, или я сброшу тебя отсюда наземь!

— Больше нет у нас здесь белых женщин, — угрю-мо и непоколебимо ответил индеец.

— Ты лжешь, собака! Ты лжешь! Вся твоя пре-зренная жизнь в том порукой! Сюда, Рубе! Поговори-ка ты с ним!

— Гляди сюда, старый плут! — закричал Рубе. — Я сниму с тебя твой скальп в возмездие за мой, если ты нам ее добровольно не выдашь! Где она, молодая королева Тайна?

— Королева Тайна? — повторил испуганно индеец, но тотчас же снова овладел собой и насмешливо улыб-нулся. — Ах, вам королева Тайна нужна? Ну, ее теперь нет здесь. Молодая королева Тайна гостит у наших братьев, у апачей, — и он невозмутимо указал рукой на юг.

— Все погибло! — вырвалось со стоном восклица-ние Сегэна, и он в изнеможении закрыл лицо руками.

— Капитан, не верьте ему! — воскликнул Рубе. — Много я видел индейцев на своем веку, но такой лжи-вой собаки, как этот старый плут, я больше никогда не встречал. Как можно ему верить?! Вы ведь слыша-ли, что он прежде солгал и об этих девушках.

— Ах, это правда!.. тогда он солгал!.. Но ведь так правдоподобно, что она могла уехать!

— Да нет же! Ложь — его профессия. Вы не знае-те всего: он слывет среди навахов великим врачевате-лем и водит за нос своих собственных соплеменников. У девушки много познаний, и она ему во всем помо-гает, даже при жертвоприношениях. Эта краснокожая бестия ею дорожит и не хочет ее лишиться. Клянусь чем угодно, что она здесь где-нибудь поблизости. Он ее, конечно, спрятал.

— Товарищи! — крикнул Сегэн, бросившись после слов Рубе к перилам.— Тащите лестницы, общите все дома! Выводите всех из домов, всех, кого найдете, туда на равнину. Общите все углы... Найдите мне дитя мое!

Охотники бросились к лестницам, обежали все дома и вывели перепуганных жителей, повиновавшихся в большинстве случаев беспрекословно. Только из двух-трех домов не хотели выходить, и дело дошло до кровавой расправы, когда охотники встретили сопротивление. Непокорные поплатились скальпами.

Всех выводимых из домов приводили к храму. Каждую женщину внимательно рассматривал Сегэн, подымая покрывало и тщательно изучая лицо. Нет, ее не было! Ничего не дала и эта последняя попытка. Погибла последняя надежда.

В течение всего этого времени Галлер не покидал Сегэна, и в ту минуту, когда на лице несчастного отца выразилась крайняя степень отчаяния, он с глубоким состраданием сознавал, что бессилен помочь ему, как ни близко он принимал к сердцу его горе. Рассеянно переводя глаза с Сегэна на толпу, он на минуту скользнул рассеянным взглядом по лицам только что освобожденных девушек и уже снова хотел перевести взгляд на Сегэна, как вдруг его осенила новая мысль: ведь эти девушки-пленницы должны были знать, где можно найти королеву!

— Спросите этих трех девушек, капитан,— тихо шепнул он Сегэну.

— Ах, да, да, вы правы! Как я не подумал об этом! Пойдем вместе, Галлер, пойдем скорей!

Спустившись вместе по лестнице, они подошли к девушкам. Сегэн начал торопливо и взволнованно описывать наружность той, которую искал.

— Это, вероятно, королева Тайна,— сказала одна.

— Да, да,— бормотал он, дрожа от тревоги.— Королева Тайна! Это она! Королева Тайна!

— Так она здесь,— сказала другая.

— Где? Где? — спрашивал, задыхаясь, отец.

— Я ее видела сегодня утром, совсем недавно... Ну, перед самым вашим приходом,— сказала опять первая.

— А я видела, как он куда-то уводил ее,— вмешалась в разговор третья, указывая на старого индейца.— Он, наверное, спрятал ее, скорее всего в Естуфа, я думаю.

— Где же это? Что такое Естуфа?

— Это то место, где горит священный огонь. Там старик готовит свои лекарства.

— Но где же это? Проводите меня туда!

— Дороги мы не знаем. О, это ужасное место... Там и людей сжигают... Только старый жрец это знает, кроме него туда никого не впускают. Как мы можем знать, где оно? Но, наверное, где-нибудь здесь же, в доме, где-нибудь в подземелье.

Вдруг Сегэна поразила новая мысль, от которой он на минуту оцепенел: что если дочь его в опасности? Что, если она уже умерла, или ее ждет страшная опасность, ужасная смерть?

С лица старого предводителя, жреца и врачевателя, не сходило выражение угрюмой злобы и упорной решимости — скорее умереть, чем выдать девушку. И Сегэн в невыразимой тревоге за свое дитя бросился вторично вверх по лестнице.

За ним снова последовало несколько охотников. Едва очувтившись наверху, Сегэн подбежал к старику и, не помня себя, вцепился в его длинные волосы.

— Веди меня к ней! — крикнул он громовым голосом. — Веди меня к королеве, слышишь?! Она — моя дочь.

— Королева... ваша дочь? — пробормотал испуганно старик. Он понял теперь, что без жестокой борьбы этот человек не откажется от своих поисков, и, трепеща за свою жизнь, прибегнул к своему испытанному средству: искусной лжи. И, овладев собою, он заговорил деланно спокойным и уверенным тоном. — Нет, белый господин, вы ошибаетесь. Это не ваша дочь. Королева — из нашего племени. Она — дочь солнца. Ее отцом был один из навахских предводителей.

— Не искушай меня дольше, презренный! — яростно крикнул Сегэн, — и знай, злодей, что если моей дочери будет причинено малейшее зло — всех вас ждет неслыханная, страшная месть! Во всем городе твоём я не оставлю в живых ни одной души, и сам ты погибнешь позорной смертью! Ступай вперед, веди меня в подземелье!

— В подземелье! В подземелье! — раздался грозный гул нескольких голосов. Сильные руки схватили индейца за одежду, за длинные, вьющиеся волосы.

Старик перестал сопротивляться. Мрачные лица доведенных до крайности врагов его яснее слов говорили о том, что дальнейшее сопротивление неминуемо

стоило бы ему жизни. И он покорно пошел, ведя за собой охотников, все еще не выпускавших из предосторожности его одежду и волосы из рук, и спустился в подвальный этаж здания храма.

Спустившись с лестницы и подняв тяжелую завесу над дверью из буйволовых шкур, они пошли длинным коридором, шедшим покато все глубже, пока вошли, наконец, в большое тускло освещенное помещение. Все стены были увешены шкурами диких зверей и безобразными чучелами.

То там, то сям скалили зубы головы бурого медведя, белого буйвола, пантеры, алчного волка. Между развешенными рогами дикого барана и бизона стояли группы уродливых изображений богов, грубо вырезанных неумелой рукой жреца из дерева или вылепленных из красной глины.

В середине помещения горело на каменном жертвеннике небольшое синее пламя. Это был тот священный огонь, который был впервые зажжен в честь верховного божества, быть может, целые столетия тому назад. И с тех пор он должен поддерживаться вечно, пока не вымрет (как предсказывают некоторые) все племя навахов.

Не останавливаясь перед всем этим и даже не заметив, что Сегэн отсюда вышел куда-то, охотники тщательно осматривали и обыскивали все углы.

— Где же Сегэн? Куда он девался? — послышалось вдруг чье-то восклицание.

В тот же миг до охотников донесся какой-то крик. Это звучал женский голос! И чьи-то мужские голоса...

Охотники бросились туда, откуда слышались голоса, сбрасывая на бегу заграждавшие им дорогу висевшие всюду шкуры, и, наконец, увидели Сегэна. Он держал в объятиях красивую девушку в пестром, украшенном золотыми безделушками и перьями наряде.

Она кричала и билась в его руках, отталкивая его и стараясь вырваться, но Сегэн удерживал ее, плотно обняв и стараясь отвернуть с ее левой руки оленьей кожи рукав.

— Это она, она! — закричал он, наконец, дрожащим голосом, увидев на обнажившейся руке ее родинку повыше локтя.— Благодарю тебя, боже, это она! Адель, моя Адель, узнаешь ли ты меня? Я отец твой!

Но девушка не переставала кричать. Рванувшись изо всех сил, она оттолкнула Сегэна, простерла руки к старому индейцу и умоляла его защитить ее.

Не обращая внимания на все мольбы Сегэна и его ласковые слова, она бросилась на колени перед стариком, обнимая его колени и прижимаясь к ним.

— О боже, она не узнает меня! Дитя мое!

Оставив испанский язык, он заговорил по-индейски, убеждая и умоляя ее:

— Адель, дорогая, дитя мое, я твой отец!

— Ты? Ты — мой отец? Все белые — враги наши! Прочь, прочь от меня! Не прикасайся ко мне! Мой отец был великим военачальником, он умер. Солнце теперь мой отец. Я дочь Монтесумы. Я — королева навахов!

При этих словах в душе ее как будто произошла какая-то перемена. Она поднялась с пола, на котором стояла все время на коленях, пугливо пряча лицо, сразу перестала кричать и, гордо выпрямившись, решительно подняла на незнакомца свое прекрасное лицо.

— О, моя Адель! — снова заговорил Сегэн. — Взгляни же на меня, неужели ты совсем, совсем не помнишь меня? Посмотри, вот твоя мать, дитя мое, взгляни на портрет своей мамы. Неужели и маму не узнаешь, не помнишь?

Он вынул маленький поясной портрет, писанный пастелью, и держал его перед глазами девушки. Та с большим вниманием внимательно вглядывалась в него, заинтересовалась им лишь как диковинной вещью — глаза ее не выражали ничего, кроме любопытства. Адель совершенно забыла все: и отца, и мать. Из памяти ее изгладилось всякое воспоминание о своем детстве, даже свой родной язык она забыла.

Галлер не в силах был удержаться от слез, когда смотрел на лицо своего друга. Сегэн стоял среди окружавших его охотников, как человек, только что получивший смертельную рану — онемелый, с истерзанной душой, с побелевшими, как полотно, щеками, с головой, бессильно поникшей на грудь... Галлер представлял себе безграничные страдания, нечеловеческую муку, которые должно было испытывать изболевшееся сердце отца.

Сегэн долго простоял так, не пошевелив ни одним мускулом, весь во власти безысходного отчаяния, и не пытаясь больше подойти к своей дочери. Потом, со страшным усилием овладев собой, он глухо проговорил:

— Уведите ее отсюда. Выведите ее на площадь перед храмом. Нам здесь больше нечего делать.

Когда охотники удалились, уводя с собой дочь своего предводителя, Сегэн не сразу последовал за ними. Со страдальческим выражением лица Сегэн снова и снова обводил глазами место, где прожило долгие годы его бедное, дорогое дитя.

— Господи! — простонал он, заламывая руки и со страстной мольбой подымая глаза к небу. — Сжался над нами, боже милосердный, верни ей память!

И разбитый, измученный, поплелся он к выходу из проклятой пещеры.

XXII. Месть Рубе

Бушующая непогода ожидала вернувшихся из Естуфа охотников, вслед за которыми вскоре появился на площади и Сегэн. Он и раньше решил поспешить с отъездом, а изменившаяся погода заставляла торопиться из города как можно скорее.

Черные грозовые тучи, нависшие над горами еще ночью, когда охотники располагались вокруг города, мчались теперь с бешеной скоростью над всей долиной, заволакивая своей темной громадой даже самые низкие горы. Между вершинами, то и дело сверкали молнии, и через короткие промежутки времени слышались оглушительные раскаты грома.

— Приведите мулов! — крикнул торопливо Сегэн, и, схватив свой широкий плащ, накинул его на плечи своей дочери, тщательно закутывая ее, чтоб защитить ее от грозившего разразиться каждую минуту ливня.

Был дан сигнал, и вскоре мулы были проведены рядами через равнину под присмотром погонщиков.

— Разыщите и отберите все сушеное мясо, какое только найдется в городе, и погрузите его как можно быстрее!

Перед большей частью домов, и по их стенам были развешены запасы мяса, а также сушеных плодов, овощей и кожаных мешков, наполненных орехами. Мясо вскоре снимали, и кое-кто из охотников помогал погонщикам поскорее нагрузить его на мулов.

— Теперь, Рубе, — обратился к старику Сегэн, — отберите по вашему усмотрению пленников, которых мы увезем с собой. Только не больше двадцати человек, иначе у нас не хватит запасов для их прокормления. Выбирайте таких, которые представляют наибольшую

шую ценность с точки зрения скорого и выгодного обмена их.

Затем Сегэн направился к обозу, ведя за руку свою дочь, чтобы усадить ее на одного из мулов. Рубе же тотчас удалился для исполнения данного ему поручения и вскоре вернулся, выбрав из толпы и беспрепятственно уведя за собой кучку пленных. Она состояла большей частью из девочек и мальчиков, по лицам и по одежде которых можно было заключить, что они принадлежат к высшей знати племени, как дети предводителей и знаменитых воинов.

Пленные были быстро размещены на мулах и увязаны, и все уже было готово к отъезду, как вдруг острый и опытный глаз Эль-Соля заметил что-то вдаль на горизонте. С громким криком подняв в этом направлении ружье, Эль-Соль в тот же миг привлек к подозрительной точке внимание остальных охотников.

Это был неприятель! Это были их преследователи!

Вдали на западном крае горизонта охотники могли различить сотни приближающихся по равнине темных фигур. Они были еще на огромном расстоянии, но опытный глаз горцев мог различить их с первого взгляда. То были всадники... То были индейцы... навахи! Они скакали полным галопом и, рассыпавшись по зеленой равнине, словно свора охотничьих собак, они должны были очень скоро кинуться на охотников.

— На коней! — крикнул неустрашимый Сегэн. — Погонщики, вперед! Смелей, ребята, смелей!

Вмиг очутились охотники в седлах, обоз с пленными и запасом провизии погнался по направлению к лесу. Они намерены были отправиться через восточное ущелье, потому что путь, по которому они подъехали к городу, был отрезан надвигавшимися с той стороны всадниками. Рубе новая дорога была знакома.

Так как копыта дикарей представляли серьезную опасность только среди открытой равнины, то охотники могли бы успешно отразить их нападение, укрываясь за строениями города. Но эта защита могла бы продлиться только до возвращения главного отряда. Когда все племя будет в сборе, охотникам всем до одного придется погибнуть. Они это отлично понимали, поэтому надо было подумать, как и куда им следовало отойти.

Сегэн занял место во главе отряда, ведя рядом с собой мула, на котором была его дочь. Все охотники

и обоз следовали за ним по прерии, не сохраняя какой-либо определенный порядок.

Галлер был одним из последних, покинувших город. Отъехав на каких-нибудь сто шагов от городских стен, он вдруг услышал за собой страшный, пронзительный крик. Остановив тотчас лошадь, он обернулся и озабоченно начал прислушиваться.

Неистовый крик повторился — и Галлер мог определить, откуда неслись крики.

На самой верхней крыше храма виднелись две борющиеся фигуры. Галлер узнал их сразу и понял, что борьба там идет не на жизнь, а на смерть. По развевающейся белой одежде он узнал в одной из фигур старого жреца-шарлатана, а по грязно-серым лохмотьям одежды другого, по голым лодыжкам и плотно надвинутой на голову шапке можно было сразу узнать другого. Это был Рубе, безухий зверолов.

Борьба длилась недолго. Начала ее Галлер не видел, но зато сделался свидетелем ее конца. Едва Галлер успел уяснить себе, кто были борющиеся, как увидел, что Рубе потащил своего противника к самым перилам, перегнув его своими длинными мускулистыми руками через край их и взмахнул своим длинным ножом. Перед глазами Галлера блеснуло на миг лезвие, красный кровавый поток заструился по белой одежде индейца, руки его опустились, тело повисло, склонившись через перила, на мгновение метнулось в воздухе и с глухим стуком свалилось на нижние террасы.

Еще раз в ушах Галлера прозвучал тот же дикий, иступленный крик — Рубе исчез с крыши.

Содрогнувшись, потянул Галлер поводья и поехал дальше. Он знал от Сегэна, что эта кровавая расправа была платой по старому счету, осуществлением страшной клятвы, мщением — жестоким, но понятным.

XXIII. В лощине

Охотники въехали вскоре в сосновый лес и направились по индейскому пути вниз по течению реки. Ехали они с такой скоростью, какую только допускал шедший впереди обоз и, проехав расстояние миль в пять, они очутились на восточном краю долины. В этом месте горы тянулись ближе к реке и образовали, как и на западном краю долины, темную лощину, одну из тех, какие в Америке называют каньонами. Отлича-

лось это место от западного тем, что здесь пролегла тропа не со стороны горы, а по самой ложине, вблизи речного русла.

Рубе, хорошо знавший местность, рассказывал, что во время сильных ливней мелководная речка эта превращалась в бушующий поток, заливавший всю ложину, и тогда вся долина становилась с востока совершенно недоступной в течение всего времени, пока не спадала вода.

Охотники вступили в ложбину, не останавливаясь, и помчались вперед по камням с такой быстротой, какую позволяло беспорядочное строение почвы. Высоко над ними вздымались крутые отвесные скалы тысячефутовой высоты. Гигантские утесы нависали над водой. Могучие сосны, росшие из каменистых расселин, простирали над ней свои огромные ветви, еще усиливая дикий характер мрачной окружающей природы.

В узком горном проходе должен был царить сумрак от тени нависших громад даже в яркие солнечные дни. Теперь же там было еще темнее обыкновенного, так как утесы и скалы над головами всадников совсем заволочло черными грозowymi тучами. Сквозь них ежеминутно сверкали молнии, отражавшиеся в воде под ногами быстро скачущих всадников, и короткими, резкими раскатами гремел над ущельем гром. Но дождя все еще не было.

Руководимые Рубе охотники торопливо шлспали по мелководной, но быстрой реке. В ней было и несколько опасных мест, на которых вода ударялась о выступы скал с такой силой, что чуть не опрокидывала лошадей. Но беглецам некогда было отыскивать более удобный путь, и они продолжали карабкаться, подбадривая лошадей и словами и шпорами.

Проехав таким образом несколько сот шагов, они оказались у каньона и выбрались на берег.

— Ну, капитан,— воскликнул Рубе, остановившись и указывая на входное отверстие.— Здесь нам будет удобнее защищаться, потому что тут мы можем истомить их, не подпуская к себе продолжительное время.

— А вы точно знаете, Рубе, что другого прохода кроме этого здесь нет?

— Ни одной щелочки, в которую кошка могла бы проскочить. Но конечно, в том случае, если они не вернутся обратно к западному проходу, по которому мы вчера въехали в долину. Путь же этот должен соста-

вить, по моему расчету, крюк миль в 35 или 40. Такое расстояние они могут одолеть на своих истомленных лошадях не ранее завтрашнего дня.

— Ну, в таком случае, останемся, будем защищать это место изо всех сил. Сходите с коней, товарищи, и укройтесь за скалами!

— Если бы вы захотели принять мой совет, капитан, я предложил бы послать вперед мулов и женщин, под надзором и защитой нескольких человек — и именно тех, у кого самые плохие лошади. Таким образом тогда, когда мы бросим это предназначенное для защиты место, нам возможно будет, дав шпоры коням, помчаться во всю прыть, так как женщины и мулы нас задерживать не будут, подвинувшись уже вперед. А на другой стороне прерии мы можем догнать их и соединиться.

— Вы правы, Рубе, очень долго нам здесь невозможно будет оставаться, иначе у нас кончатся запасы. Пусть же обоз с мулами отправится вперед. На очень ли большом расстоянии находится та гора от линии нашего пути?

Сегэн указал на покрытую снегом гигантскую скалу, нависшую над равниной с северо-западной стороны.

— Дорога, по которой нам придется поехать, раз мы выберем путь на старые рудники, если после всего, что здесь произойдет, у нас не останется другого выхода, несмотря на то, что дичи мы там не встретим, дорога эта проходит у самой подошвы горы. На юг от той снеговой вершины тянется горный проход — это и есть та самая дорога, по которой мне удалось тогда бежать.

— Ну, хорошо. Пусть в таком случае те, которые отправятся вперед, держатся этого направления, снеговой вершины. Я сейчас отправлю их.

Было выбрано около двадцати человек, у которых были самые плохие лошади. Вместе с пленными и мулами отправились они немедленно по дороге к снеговой горе. К этому же отряду присоединился вместе с сестрой и Эль-Соль, которому был поручен специальный надзор за Дакомой и дочерью Сегэна, а все остальные приготовились к защите ущелья.

Лошади были отведены под скалистый навес, а охотники разместились в таких пунктах, из которых им удобно было бы обстреливать из ружей входное отверстие.

Так приготовились они ожидать врага, который уже должен был быть недалеко, и начали напряженно вглядываться в темное ущелье.

Для уяснения себе всего разыгравшегося на этом месте, необходимо несколько подробнее ознакомиться с расположением его.

Река, берущая начало в отдаленнейшем конце местности и протекающая по широкому каменистому руслу, низвергается через огромную, похожую на дверь расщелину, между двумя гигантскими каменными порталами в каньон (ущелье). Один из этих скалистых порталов составляла отвесная гряда восточной части гор, другой — нависшая громада скалистых уступов.

За этими воротами река становилась шире на протяжении приблизительно двухсот шагов. Она была стиснута только с одной стороны скалами, другой же берег был умеренной высоты. И только шагов через сто, поближе к равнине, течение задерживалось скалистой стеной, через которую, однако, нетрудно было перебраться даже на лошади и достигнуть таким образом сбоку или с фланга до каньона. Почва этой полукруглой местности была покрыта голыми камнями и нанесенными течением поленьями и бревнами, оставшимися после разлива, производимого ливнями, и быстро затем схлынувшей воды.

В конце косы береговые утесы расположены опять так близко друг к другу, что больше четырех всадников за раз проехать здесь не могут, а на другой стороне этого места, тоже по течению, ущелье снова расширяется и таким уже остается до самого конца.

Самая узкая часть была уже пройдена охотниками. Защищаться же было решено не в воротах каньона, а на покрытом наносными бревнами невысоком отлогом берегу. Туда же, в углубление низкой скалы, привели и лошадей. Этим избегалась опасность подвергнуться нападению врага с фланга, как было упомянуто выше, и достигалась во всяком случае возможность продержаться до тех пор, пока отправленный вперед обоз успеет пройти довольно далеко.

План был, следовательно, таков: когда пройдет несколько времени и запасы начнут истощаться, так что дольше держаться будет невозможно — тогда положиться на быстроту своих отдохнувших лошадей и постараться ночью догнать обоз.

XXIV. Битва в ущелье

Охотники расположились, по приказу своего предводителя, между и за голыми выступами. Раскаты грома, раздаваясь над самыми головами их, гулким эхом отдавались в мрачном ущелье, и редкие, крупные капли еще не вполне разразившегося ливня время от времени падали с шумом на камни.

В этой местности грозовой дождь с громом и молниями — явление вообще очень редкое. Зато, если уж гроза разразится, то она бушует с такой яростной стихийной силой, которая свойственна только тропическим странам. Кажется, что нет и не будет конца дикой, безудержной, разрушительной силе стихии — пока все не превратится в великий, первобытный хаос.

Охотникам видно было, что вдали на востоке буря уже разразилась во всем своем грозном величии и силе. Горы на востоке из которых брала свое начало та река, на берегу которой они находились, совсем скрылись за нависшими над ними тяжелыми грозowymi тучами — и страшный шум прорвавшегося сквозь их толщу ливня доносился даже сюда. Не могло быть сомнения, что проливной дождь скоро дойдет очередной полосой и до ущелья.

— Хотелось бы мне знать, что задерживает этих гадов? — сказал, как бы вслух подумав, один из охотников.

Про себя это думали все: времени, действительно, прошло достаточно, преследователи уже могли прийти. Промедление было неожиданно и непонятно.

— Бог знает, что за причина, — отозвался другой. — Может быть, они хотят прежде заново выкрасить город.

— Да, я думаю, этим ливнем живо смоет новую окраску, — продолжил шутку третий.

Шутки были не особенно остроумны, но беспечность их свидетельствовала о бодром, неунывающем настроении, которое умудрялись сохранить эти храбрецы под двойной угрозой: со стороны бушующей стихии и неминуемого нападения дикого врага.

— Мой вам совет, ребята, — вмешался Гарей, — поглядывайте-ка хорошенько за своим порохом.

— Клянусь богом, его у нас снесет ливнем!

— Вот это было бы славно! Ура, приятель! — закричал старый Рубе, нисколько не заботясь о том, что его может услышать неприятель.

— Плескаться и понырять хочется, старый морж?

— Вот именно!

— Ну, мне этого не особенно хочется. Почему вам так хочется вымокнуть, хотелось бы мне знать? Лихорадку схватить пришла охота?

— Часика два пошел бы ливень,— продолжал Рубе, не обратив внимания на последний вопрос,— нам и совсем незачем было бы здесь оставаться!.. Вот в чем дело!

— Почему так, Рубе? — спросил настрожившийся Сегэн.

— Почему, капитан? — отозвался Рубе.— Да я видел, как и от небольшого ливня эта речонка так вздувалась, что у вас не появилось бы охоты поплыть по ней... Ура! Ливень будет! Скоро, скоро будет!

У Рубе вырвалось последнее восклицание при виде подвинувшейся с востока огромной черной тучи, насквозь заряженной электричеством. Время от времени грохотал могучими раскатами гром, когда поблескивали сернисто-желтые огоньки молний.

Из этой тучи дождь полил уже не каплями, а, как и предсказывал Рубе, бурным потоком. Охотники закрыли торопливо дула ружей подолами куртки и молча свернулись ничком под ударами ливня.

Вдруг сквозь шум дождя внимание охотников было привлечено другим звуком. Это был топот копыт по каменистому руслу ущелья — то были лошади надвигающихся навахов.

Через несколько минут на одной далекой скалистой глыбе сверкнул при свете молнии какой-то красный предмет. Ни у кого из охотников не оставалось сомнения, что это был раскрашенный лоб индейца. Но расстояние, отделявшее их от разведчика, было слишком велико, чтобы ружейный выстрел мог попасть в него, и охотники продолжали молча, не шевелясь, наблюдать за ним.

Вскоре показался другой, за ним третий и, наконец, целая толпа темных фигур показалась, перескакивая со скалы на скалу.

Преследователи сошли с коней. Видимо, это был головной отряд навахов. Дальнейший путь они продолжали пешком. Но несмотря на остроту зрения они не могли видеть хорошо укрытых охотников. И было даже заметно, как у разведчиков шевельнулось сомнение: не ушли ли охотники дальше.

Через несколько минут первые ряды противника достигли самой узкой части ущелья. Там лежала круглая, гладко отшлифованная водой каменная глыба, могущая служить достаточным прикрытием для разведчиков. Один из навахов решил воспользоваться ею для этой цели: он поместился за глыбой и медленно поднял голову поверх нее.

Но едва только показался его лоб, грянуло полдесятка ружейных выстрелов, и голова исчезла. В следующее мгновение можно было заметить, как тяжело шлепнулось коричневое тело в плеснувшую воду. Очевидно, свинцовые посланцы хорошо сделали свое дело.

Теперь индейцы узнали, хотя и ценой потери одного из своих воинов, о присутствии и о позиции бледнолицых. Казалось, они намерены пока удовольствоваться этими сведениями, потому что вслед за этим передовой отряд безмолвно вернулся к своему главному отряду.

За несколько минут перед тем дождь немного ослабел. Только благодаря этому охотники получили возможность выстрелить в навахов, и стрелявшие поспешили воспользоваться паузой, чтобы вновь зарядить свои ружья. Но вот дождь снова пошел такой частой пеленой, что стоявшим на коленях в ожидании близкого неприятеля охотникам ничего не было видно до самого конца ущелья.

Прошло немало времени, прежде чем индейцы снова дали знать о себе. Но охотники знали, что неприятель занят обсуждением плана дальнейшего наступления. Очевидно было, что ждать нападения надо скоро: индейцы воспользуются дождем, доставляющим им прекрасное прикрытие, чтобы проникнуть в ущелье, и там ринутся на врага, вступив с ним в рукопашный бой.

Ясно было, что при таком способе атаки охотники, если только им удастся выждать удобный момент, должны были устроить с помощью общего залпа настоящую кровавую бойню в рядах индейцев на таком близком расстоянии. По-видимому, это-то и пугало и останавливало навахов.

Почти целый час ежились охотники под потоками дождя, заботясь только о том, чтобы не промокло оружие. Вода, начала струиться нитевидными полосками и просачиваться в щели скал, на что старый Рубе смотрел с удовлетворением, как на добрый признак. Его

товарищи же посылали проклятия индейцам, которых они так нетерпеливо ждали и которые все еще не показывались.

— Не вздумали ли они обойти нас стороной? — высказал свое предположение один из них.

— Глупая голова! — возразил другой. — За кого ты их принимаешь, чтобы они могли подумать, что мы застрянем в этой дыре на целых два дня специально для того, чтобы им удобнее было истребить нас с двух сторон!

— Нет, они просто хотят дожждаться ночи, — высказался третий, — и тогда только напасть.

— Ну и пусть дожидаются! — проворчал Рубе. — Получаса вполне достаточно, если будет продолжаться такой ливень. Вот вы увидите, что будет... Уж положитесь на меня — или старый морж совсем научился гадать по погоде!

— Тише, тише! — зашептало разом несколько голосов. — Идут... идут!

Глаза всех приковались к входному тоннелю. Множество темных фигур показалось в нем и быстро полнотью заполнили речное русло. Это были индейцы не пешие, а верховые. Охотники догадались, что те решились на атаку. Движения индейцев подтвердили это, потому что они выехали на косу, на противоположной стороне которой охотники оберегали дорогу на сушу, и выстроились в ряды для атаки.

— Смотрите в оба, ребята! — воскликнул Рубе. — Теперь они приступают к делу серьезно. Угостите-ка их на славу свинцом, слышите?

— Не раньше, чем я прикажу, — с жаром воскликнул Сегэн. — Подождите, пока они подойдут шагов на пятьдесят, тогда мы можем быть уверены в метких выстрелах, несмотря на дождь.

Только успел Сегэн произнести последние слова, как грянул одновременный, оглушительный, страшный крик сотни голосов, какой-то дикий рев, от которого Галлер, до сих пор ни разу не слышавший его, задрожал с головы до ног.

Это был военный клич навахов.

Когда эти угрожающие звуки пронеслись по ущелью, в ответ им раздался громкий крик «ура» со стороны охотников, делаваров и шауни. Затем началась атака галопом, несмотря на неровную, каменистую почву.

Индейцы приближаются... вот они уже на расстоянии ста шагов... вот остается восемьдесят... шестьдесят...

— «Пли!» — раздается энергичное слово команды.

Страшный треск прорезал воздух и громом прокатился по ущелью. И когда рассеялся дым, на косе можно было различить кучу мечущихся в предсмертных судорогах тел людей и лошадей. А несколько фигур бежавших индейцев вскоре исчезли за входом в ущелье.

Град стрел, выпущенных индейцами, убил только одного охотника и двух тяжело ранил.

Некогда было оказывать помощь раненым, так как самый опасный момент наступал только теперь. Заряды были выпущены, а вновь зарядить было невысказано при этом чудовищном ливне, если бы даже индейцы и дали бы им на это время.

Сегэн предвидел это и потому, не теряя ни минуты, выхватил из-за пояса свои пистолеты и ринулся вперед, скомандовав и другим, имеющим пистолеты, последовать его примеру. Половина отряда последовала за своим предводителем, и все направились вброд к самому краю ущелья и остановились здесь в ожидании новой атаки.

Она, наверное, не заставит себя ждать, потому что раздраженные неудачей до последней крайности индейцы готовы будут истребить бледнолицых, чего бы это им ни стоило, хотя бы самой дорогой ценой.

Снова охотники услышали дикий боевой клич и, когда он смолк, дикари поскакали галопом по четыре человека в ряд ко входу в ущелье.

— Пора! — крикнул Сегэн. — Дружно! Ура!

Почти в один и тот же миг раздался треск пятидесяти пистолетных выстрелов. Первые четыре лошади и еще несколько во втором и третьем рядах поднялись на дыбы и, забившись и закружившись, упали навзничь. Кучка барахтавшихся тел образовала плотную массу, закупорившую вход для задних рядов.

Некоторые подъезжали только сейчас к самой куче упавших тел, но лошади вздымались на дыбы, спотыкались, опрокидывались навзничь, увеличивая собой и своими злополучными всадниками беспорядочную и непроходимую кучу. Те же, кому удавалось перескочить через кучу, волей-неволей двигались вперед, потому что назад повернуть уже было нельзя, и с отчаянной отвагой бросались на охотников. При этом индей-

цы действовали своими ужасными копьями, а охотники могли действовать только прикладами, ножами и томагавками.

Река вздулась и пенилась у скал: нагроможденные в самом узком месте тела образовали своего рода плотину, через которую, бушуя, рвалась вода. Сами бойцы стояли уже почти по колени в воде, а вода все прибывала. Вдобавок гром грохотал над самыми их головами, и молнии сверкали в самые лица их, как будто стихия тоже стремилась погубить их.

Наконец вода хлынула с такой страшной силой, что смыла всю плотину из человеческих и лошадиных тел и, как пучок соломы, понесла ее из теснины, в которой она застряла.

О, боже, задние ряды теснятся в освободившийся проход, а оружие ни у кого не заряжено!

В это мгновение в ушах охотников раздался новый звук. Это не был ни крик людей, ни треск оружия, ни грохот грома — это был глухой шум воды.

Охотники расслышали за собой чей-то предостерегающий крик, чей-то голос хрипло вопил:

— Ради всего святого, на берег! Скорей на берег!

Галлер обернулся и увидел, что спутники его с испуганными и предостерегающими возгласами устремились вброд на косу, а оставшийся там отряд с двумя ранеными перебрался уже на более возвышенное место. В то же мгновение ему бросилось в глаза что-то темное на воде, какой-то всплывший предмет.

Менее чем в двухстах шагах от того места, где он стоял, показалась какая-то бурая плавучая масса против самого входа в каньон. Это были потоки воды, несущие на своем пенящемся хребте стволы деревьев и кустарники. Картина эта напоминала бушующий вольный поток, вдруг сорвавший шлюзы огромной плотины.

Галлер слышал страшный крик индейцев, но все еще смотрел, не трогаясь с места, как вдруг что-то с громким грохотом ударилось о портал каньона, затем отхлынуло и, вздувшись до высоты футов в двадцать, кипя и бурля хлынуло в отверстие.

Наконец, Галлер бросился к своим на берег, бывший, к счастью, недалеко. Но перед ним кружились уже вздувшиеся ручьи, как бы передовой отряд бушующего потока. Брести было так трудно, а вода достигала ему уже до пояса... Но прилив отчаянной энергии помог ему добраться до безопасного места.

На берегу ждал его верный Альп, издали следивший за усилиями своего господина и уже собравшийся кинуться в воду на помощь. С радостным лаем бросился он к Галлеру, приветствуя его спасение.

Почувствовав себя в безопасности, Галлер остановился и загляделся на яростный разгул мчавшейся громады воды. С места, на котором он стоял, он мог видеть ущелье на большом расстоянии по течению. Индейцы бежали полным галопом вдоль тропы, пролежавшей рядом с руслом реки. Галлер видел, как скрывались за скалами хвосты задних лошадей. Тела убитых и раненых все еще лежали в воде по ту и по другую стороны теснины.

Там были и охотники, и индейцы. Раненые, уцепившиеся то там, то сям за скалистые глыбы, испускали крики ужаса, глядя на несшиеся мимо них потоки, и с мольбой призывали на помощь. Но не было никакой возможности спасти их.

— С полдюжины наших погибло там...— грустно проговорил один из горцев.

— Выудят их там, собаки, и скальпируют...— со злобой к индейцам заметил один мексиканец.

— Ну, я думаю, им придется выуживать достаточное количество и своих,— сказал с гневной усмешкой Гарей,— пожалуй, им не до скальпов будет!

— А я думаю,— сухо процедил сквозь зубы старый Рубе,— что краснокожим гадам впору о своей собственной шкуре думать. Состязание-то будет жестокое. Я слышал: лошадь раз попробовала состязаться с грозовой тучей. А этим разрисованным обезьянам придется-таки постараться хорошенько, чтобы не замочить хвосты коням, прежде чем перебраться на другой конец ущелья.

Пока Рубе говорил, тела раненых товарищей вместе с телами индейцев выбросило в одну из извилин каньона, и они скрылись из глаз наблюдавших. Русло было все полно пенящимся потоком, с грохотом ударявшим о теснившие его скалы. Все ущелье стало непроходимым, и пока всякая опасность миновала.

Охотники начали спешно собираться в путь, чтобы успеть воспользоваться хоть светом сумерек при переходе через невысокую скалистую стену. В течение часа им это беспрепятственно удалось и, объехав скалистые уступы, окружавшие с одной стороны входное отверстие и каньон, они расположились лагерем под их защитой.

Ловкими и опытными руками было скоро наловлено множество плававших на поверхности воды веток и бревен. Запылали костры и было зажарено к ужину захваченное с собой сушеное мясо. После ужина все придвинулись поближе к огню, чтобы обсушиться — насквозь промокшее платье, высыхая, дымилось паром — и занялись, как умели, перевязкой ран пострадавших товарищей, так как доктора не было, потому что он был впереди с обозом.

Здесь решено было отдохнуть несколько часов, чтобы люди и животные могли сколько-нибудь восстановить силы. Положение позволяло это, так как непосредственной опасности пока не было: если даже преследователи и вернутся снова, то все же добраться до ненавистных бледнолицых они могли бы не иначе, как совершив обход вокруг гор, или же переждав, пока совсем спадет вода.

Обход требовал, как мы знаем, пути в сорок миль, и истомленные лошади индейцев не могли совершить его, не отдохнув предварительно хоть одни сутки. А что вода не обещает спастись скоро — за это ручалась буря, все еще неиствующая в горах.

Только около полуночи было решено отправиться в дальнейший путь. Ливнем смыло, разумеется, все следы, образовавшиеся после прохода Эль-Соля с обозом. Но охотники были все люди, не особенно избалованные привычкой в указаниях дороги. Старый Рубе, взявший на себя роль проводника, не нуждался даже в блеске молний, озарявших время от времени белую горную вершину вдали. Наилучшей путеводной звездой для него было собственное изощренное чутье и зоркие глаза.

Охотники ехали всю ночь напролет и настигли обоз через час после восхода солнца у подошвы снеговой горы. Тут они остановились на полчаса в одном горном проходе, позавтракали и, отдохнув, продолжали свой путь через Сиерру. Дорога вела через ущелье на голую равнину, тянущуюся на восток и на юг на такое расстояние, какое только мог охватить человеческий глаз. Это была пустыня.

XXV. Встреча у барранки

Излишне было бы описывать все лишения и страдания, которые пришлось претерпеть охотникам на обратном пути через ту же ужасную Путину Смерти, на которой они столько натерпелись и в первый день своего пути по ней, когда начинали путешествие со свежими силами. Люди и животные изнемогали от жажды, так как на пространстве шестидесяти миль пути нигде нельзя было найти воды.

Путники двигались по голой, выжженной солнцем равнине, лишенной всякой растительности, за исключением изредка попадавшихся тощих кустарников, где ни одно живое существо не нарушало впечатления безнадежного, ужасающего, мертвого однообразия пустыни. Питались крайне скудно, стараясь потреблять экономно и без того небогатые запасы пищи. Но, наконец, и они пришли к концу, и один выючный мул за другим гибли под ножом полумертвых от голода людей.

Из стеблей полыни кое-как еще можно было разводиться огонь, но по ночам охотники не решались даже на это, так как преследователи, хотя их еще ниоткуда не было видно, все же могли уже быть в пути по их следам.

Целых три дня держались они юго-восточного направления и к вечеру третьего дня заметили, что на восточном краю пустыни возвышаются Мимбрские горы, среди которых находились старые заброшенные рудники, некогда созданные Сегэном, и достигшие такого процветания, пока не были разорены и разгромлены индейцами. Начиная с этого пункта, Сегэну была отлично знакома каждая подробность местности. И он решил пройти Сиерру по дороге, ведущей к рудникам.

К закату солнца они подошли к Барранка дель-Оро. Это была огромнейшая рытвина, взрытая среди равнины и ведущая к бывшим шахтам. Рытвина эта, казавшаяся скалистым обрывом, произведенным землетрясением, тянулась на расстоянии больше двадцати миль, и по обе стороны ее пролегалла дорога, так как направо и налево от нее равнина шла до самого конца обрыва.

Приблизительно на полдороге к рудникам должен был быть ручей, как помнили Сегэн и Рубе. К нему-то они теперь и держали путь, чтобы расположиться лагерем у воды. Но пока утомленным путникам удалось

добраться до этого долгожданного места, почти наступила полночь.

Лошадей расседлали, и у самых верб, которыми был обрамлен ручей, зажгли два костра, а в пищу изголодавшимся охотникам пришлось принести в жертву еще одного мула. После ужина все бросились в полном изнеможении на землю, собираясь сразу же уснуть. Только при лошадях на лугу осталась без сна, опершись на свои ружья, безмолвная стража.

Галлер склонил голову на углубление своего седла и вытянул ноги к огню неподалеку от того места, где разместились Сегэн и его дочь. Расположились на земле группами и освобожденные из индейского плена мексиканки, и взятые у навахов заложники, закутанные в свои полосатые плащи, и все тотчас уснули или, по крайней мере, задремали.

Галлеру было видно лицо Адели, обращенное к небу и освещенное последними отблесками костра. В нем было некоторое сходство с лицом Зои, веселый характер которой и лукавый смех так часто прогоняли со лба нетерпеливого гостя морщины досады и озабоченности, так что вскоре он совсем перестал тяготиться своим пребыванием в гостеприимном доме.

Да, они очень похожи... тот же высокий благородный лоб, та же прекрасная линия профиля... только не тот белоснежный и розовый цвет кожи. Южное солнце придало ничем не защищенному лицу бывшей королевы навахов бронзовый оттенок, и черный, как воронье крыло, цвет волос резко отличался от светло-золотистых волос сестры.

Молодая девушка спала чутким и тревожным сном. Несколько раз она просыпалась, растерянно вглядываясь в окружающую ее обстановку, вскакивала, что-то невнятно бормотала по-индейски. Но утомленное до изнеможения тело тотчас снова вступало в свои права и, по-прежнему склонившись на ложе, она снова засыпала.

Во все время пути Сегэн окружал ее самым внимательным попечением и самой нежной заботливостью. Но она принимала все это с полным равнодушием и только изредка с холодной благодарностью всю его предупредительность. Почти ни на минуту не выходила она из молчаливого и мрачного состояния.

Отец пытался несколько раз возможными мерами воскресить в ее душе воспоминания детства, но все

было безуспешно, ничто не давало надежды сокрушенному сердцу отца.

Галлер думал все время, что Сегэн спит, но теперь, вспомнив о нем и его безнадежных попытках, Галлер внимательно заглянул ему в лицо и убедился, что Сегэн не сводит глаз с дочери и с глубоким вниманием прислушивается к срывающимся с ее губ отрывистым словам.

Вдруг Сегэн явственно вздрогнул: девушка произнесла, как слышалось и Галлеру, имя Дакомы. В ту же минуту он заметил, что и Галлер не спит и обратился тихонько к нему:

— Бедное дитя! Ее волнует тревожный сон... Я был бы даже готов разбудить ее.

— Ей необходим покой,— заметил Галлер.

— Но такой сон — плохой покой. Слышите, она еще раз назвала Дакому.

— Так зовут ведь нашего пленника?

— Да. По индейским законам она должна была сделаться его женой.

— Откуда это вы узнали?

— От Рубе. Он слышал это в то время, когда был в плену у навахов.

— И вы думаете, она была к нему привязана?

— Нет, по-видимому; не думаю. Старый врачеватель принял ее в качестве дочери, а Дакома пожелал взять ее в жены. И вот на известных условиях она должна была быть отдана ему. Но сама она не только не обнаруживала благосклонности к нему, а даже боялась его. Это подтверждает и то, что она теперь говорит во сне. Бедное дитя! Какую тяжелую участь сулила ей судьба!

— Через два-три дня будут окончены все ее страдания, когда она снова будет на родине и в объятиях матери.

— Слава богу за это. Но если она такой и останется, это разобьет сердце моей многострадальной жены...

— Не надо этого думать, друг мой. Время вернет ей память, и дома, при виде множества предметов, виденных ею в детстве, мысли ее прояснятся, воспоминания оживут. Не падайте духом, Сегэн!

— Будем надеяться, будем надеяться!..

Галлер так уверенно говорил только из желания утешить своего друга, но сердце его также удручала печаль и какая-то смутная тревога, словно предчувст-

вие предстоящего несчастья охватило его без малейшего внешнего повода. Под впечатлением этого тягостного чувства он спросил:

— Через сколько времени мы доберемся, по вашему расчету, до Рио-дель-Норте, до вашего дома?

— Послезавтра вечером, я думаю,— нетвердым и унылым голосом ответил Сегэн.— Дай бог, чтобы мы там все застали благополучно...

Что это?.. И его волнует та же смутная тревога? Галлер безотчетно испугался.

— У вас какие-нибудь опасения? — нервно спросил он.

— Да...

— Чего же вы опасаетесь? Кого?

— Навахов.

— Навахов?

— Да. Я неспокоен все время с тех пор, как видел, что они от Пиннонского ключа отправились на восток. Согласитесь, зачем бы им было выбирать путь на восток, если бы они не собирались произвести нападение на лежащие на востоке селения? Я боюсь, что они совершили набеги на долину Эль-Пасо, быть может, даже на самый город. Помешать им в последнем предприятии могло только одно: быть может, уход отряда Дакомы слишком чувствительно расстроил их силы.

Он умолк в том же грустном раздумье, потом снова заговорил.

— Возможно, что население Эль-Пасо защищалось. Оно и в то время защищалось отважнее всех, только поэтому и можно приписать, что они надолго избавились от разгромов. Отчасти причина еще и в том, что наш отряд находился долго по соседству с ними, это хорошо известно было индейцам. Поэтому можно надеяться, что отправиться в пустыню смерти, на север от Эль-Пасо им помешало опасение встретиться с нами. Если это так, то наши уцелели и невредимы.

— Дай бог, чтобы это было так! — серьезно проговорил Галлер.

— Будем спать,— сказал Сегэн.— Быть может, совсем неосновательны все наши опасения, и во всяком случае предаваться им бесполезно. Завтра мы двинемся дальше. Прежде я хотел было остановиться здесь подольше, но теперь раздумал. Пойдем, как только лошади в силах будут тронуться. Спите спокойно, друг мой. Теперь уже нам немного времени осталось для сна.

И, опустив голову на седло, он вскоре погрузился в глубокий сон.

Впечатлительный же Галлер совершенно не мог успокоиться настолько, чтобы уснуть. Ни на минуту не смыкая глаз, с сильно бьющимся сердцем, рисуя себе величайшие ужасы, он беспрестанно ворочался на своем жестком ложе. Он представлял себе, как уводят в плен его милую, нежную Зою, чтобы сделать ее невольницей, рабой грубого дикаря... Мысль эта была так мучительна, что он не в силах был даже лежать, быстро вскочил и пошел побродить по прерии.

Долго ли бродил он, пока дошел, наконец, до конца рывины (барранки), — он сам не знал, так как, погруженный в тяжелые думы, не замечал времени. Повидимому, до рассвета было уже недалеко. Оглянувшись, он увидел при ярком свете луны и лагерь, и лошадей. Но расстояние до лагеря было таким, что Галлер не мог сразу вернуться туда: силы его совсем иссякли.

Вдруг, поддавшись охватившему его непобедимому утомлению, он опустился на землю тут же у края обрыва, зиявшего безмолвной и мрачной глубиной, и через несколько минут уснул.

Через час или немногим больше его разбудила холодная утренняя сырость, пронизывавшая все его тело ознобом. Луна уже скрылась, но было не совсем темно, так что он мог видеть большое пространство сквозь ночной туман.

— «Может быть, уже близок рассвет», — подумал Галлер, обернувшись лицом к востоку. Он не ошибся: там тянулись по небу красные полосы. Скоро день. Вспомнив, что Сегэн намеревался рано отправиться в путь, он хотел встать и пойти к лагерю, как вдруг до его слуха донеслись голоса и топот копыт по дерну прерии.

— Значит, наши уже проснулись и собираются в дальнейший путь, — подумал Галлер вслух, вскочил и поспешил вперед. Но не успел еще сделать и десяти шагов, как услышал отчетливо, что голоса эти раздавались не впереди, а позади него.

— Что бы это значило? — Он остановился и прислушался.

Положительно, он не ошибается, он, несомненно, удаляется от голосов.

— Я сбился с дороги, не туда пошел! — пробормотал Галлер и снова вернулся к краю барранки, чтоб

убедиться в этом. Но, к своему крайнему изумлению, он убедился именно в том, что пошел по нужному направлению, а между тем голоса доносились с противоположной стороны.

Что же это может значить? Неужели лагерь снялся, пока он спал, и прошел своей дорогой, не заметив ни его, ни его отсутствия? Нет, нет, это невозможно! Сегэн не ушел бы без него! Он, наверное, послал несколько человек разыскивать меня! Конечно, конечно, это они и есть.

— Хелло! — крикнул Галлер, чтобы дать им знать, где он находится. Но ответа не последовало. Он крикнул еще и еще раз, с каждым разом все громче и громче... Вдруг прежние голоса притихли — значит, всадники прислушиваются. Галлер крикнул из всей силы своих легких еще раз... И тут послышался какой-то неясный шум, потом топот лошадей, галопом скакавших к нему.

Галлер вздохнул с облегчением, но через секунду ему показалось странным, что никто из его спутников не ответил на его крик. Еще через мгновение его удивление перешло в озадаченность, когда он понял, что скачущие находятся на противоположной стороне рывины.

Расстояние между берегами, то есть ширина рывины была не больше трехсот шагов, так что сквозь редкий туман Галлер мог хорошо разглядеть другой берег. С первого же взгляда он увидел около ста всадников. Длинные пики, развевающиеся волосы и полуголые тела не оставляли никакого сомнения, что это были индейцы.

Разумеется, Галлер не стал больше терять времени на оклики и вопросы, а помчался изо всех сил к лагерю. Всадники на противоположном берегу замедлили ход лошадей, двигаясь параллельно с ним. Добежав до ручья, он увидел, что взбудораженные охотники торпливо вскакивают на коней. Как оказалось, стража при лошадях известила их сигналом о близости врага. Сегэн с несколькими охотниками стоял на крайнем выступе обрыва, откуда рассматривал индейцев.

Особенно торопиться с отъездом не было надобности, хотя бы неприятельский отряд и оказался гораздо многочисленнее, потому что, хотя охотников и отделяла от врага только рывина в триста шагов ширины, все же ему придется проехать еще двадцать миль, пока им возможно будет открыть огонь. Ввиду

этого соображения и Сегэн, и охотники не тревожились, и было решено остаться на месте, пока не выяснится, кто и каков противник.

Враги остановились, осадив лошадей, но не сходя с них, и начали всматриваться в противоположный берег обрыва. Присутствие вооруженных людей привело их, по-видимому, в смятение, так как не прояснившаяся еще тьма не позволяла им рассмотреть лица противников. Но вот посветлело, индейцы узнали своеобразную одежду и вооружение ненавистных бледнолицых, и дикий, пронзительный крик, боевой клич навахов, пронесся над пропастью, гулко огласил равнину.

— Это отряд Дакомы! — раздался чей-то голос.— Это они нас преследуют и только по ошибке попали на противоположный берег обрыва.

— Невозможно! — возразил другой,— у них там не больше ста голов, а отряд Дакомы был втрое многочисленнее.

— Быть может, остальные погибли от наводнения,— предположил первый.

— Вздер! Можно ли допустить, чтобы они потеряли наш след, когда он еще не успел изгладиться! Да и как решились бы они рискнуть последней сотней людей, потеряв вдвое больше соплеменников от наводнения для сомнительной битвы ввиду наших ружей? Нет, это ни в каком случае не могут быть предки преследователи!

— Кто же другой? Это, несомненно, навахи. Их воинственный рев я мог бы узнать спросонок.

— Вот там их предводители,— сказал подъехавший в ту минуту Рубе.— А вот и их главнокомандующий, верховный жрец... Узнаю его, проклятого зверя!

— Вы думаете, это, действительно, навахи, Рубе?— спросил Сегэн.

— Так же безошибочно, капитан, как выстрел Билля Гаря.

— Но ведь тут не весь отряд. Где же остальные?

— Быть может, где-нибудь неподалеку. Тише!.. Они подъезжают, я слышу. Вон, вон, смотрите туда!

Сквозь медленно рассеивающийся туман показались множество темных силуэтов всадников, гнавших впереди себя множество скота, оглашавшего окрестности своим ржанием, мычаньем, бляньем. Белые вслушивались с некоторой завистью в пронзительный хор, оглашавший всю равнину.

— Да, они-то поживились кое-чем в походе,— уже с явной досадой воскликнул один из них,— а вот мы так возвращаемся почти с такими же пустыми руками, с какими отправились в поход... Черт возьми!

Галлер возился до сих пор с лошадейю и теперь, оседлав ее, подъехал к остальным.

Ему хотелось просверлить своими глазами туман, получить какое-нибудь подтверждение или успокоение своим злым предчувствиям... И он добился этого... Но от того, что он увидел, у него вся кровь застыла в жилах.

Совсем вдали, позади всего приближающегося отряда со стадами, темнел другой маленький отряд, следовавший отдельно от первого. По светлым, развевающимся от ветра платьям нельзя было не заметить, что это не индейцы. Это были женщины! Это были пленницы!

Они приближались, и Галлер рассмотрел, что они сидели на лошадях, а около каждой из них — было их всего около двадцати — ехал верхом индеец рядом, для охраны. Со страшно бьющимся сердцем перебежал Галлер глазами с одного лица на другое, но расстояние было еще слишком велико, и ничего невозможно было точно определить.

Отрывистый, приглушенный крик, похожий на стон, заставил его обернуться на Сегэна, стоявшего тут же с подзорной трубой в руках. Он словно замер в одной позе с побелевшим, как снег, лицом, с судорожно трясущимися губами. Труба выпала у него из рук.

Потом, едва даржась на ногах, шатаясь и заламывая руки, он громко простонал:

— Боже, боже! Слишком тяжкий удар!

Чьи-то дружеские руки поддержали его.

С быстротой молнии соскочил Галлер с лошади, поднял уроненую Сегэном трубу и поднес ее к глазам... Одного взгляда на группу пленных ему было достаточно, чтобы убедиться в ужасной правде... Тоска и мука были написаны на лицах жены Сегэна и его дочери Зои, шедших в первом ряду...

Отчетливо были видны Галлеру прекрасные черты бледного лица молодой девушки, ее распухшие от слез глаза, пышная масса распущенных золотистых волос, рассыпавшихся по ее плечам, и по крупу лошади... Рядом ехал представленный к ней для охраны молодой индеец в мундире мексиканского гусара.

По-видимому, в эту минуту, и отряд заметил охотников. Галлер видел, что они остановились, и стража оставила пленных среди прерии под надзором нескольких человек из своей среды, а сама помчалась галопом к отряду, находившемуся на краю оврага.

Тем временем совсем рассвело.

Туман рассеялся... И обе враждебные стороны оглядывали друг друга через пропасть.

XXVI. Что делать?

Встреча была, во всяком случае, необычайно странная. Лицом к лицу сошлись две группы чуждых, враждебных, ненавистных друг другу людей. Каждая смотрела на другую, как на смертельного врага. Каждая возвращалась из страны противника, нагруженная добычей и со свитой пленных. Ни одна не ожидала и не желала в эту минуту встречи с другой.

И вот они встречаются на полдороге обратного пути на родину. Встретившись, оглядывают друг друга со злейшей, непримиримейшей враждой — и все же несмотря на незначительность разделяющего их расстояния, сражение так же невозможно, как если бы их разделяло двадцать миль!

На одной стороне стоят в растерянности навахи, так как воины узнали в неприятельском стане своих детей; на другой — мрачные охотники за скальпами, из которых многие узнали среди навахских пленных своих жен, дочерей или сестер.

Глаза врагов скрещивались через пропасть с такой яростью, с такой страстной жадой мести, что, не могло быть сомнения, едва ли хоть один остался в живых бы с той и другой стороны, если бы встреча произошла среди открытой степи. Казалось, само Провидение хотело помешать страшному кровопролитию, столкнув их лицом к лицу над пропастью, перед которой было бесстрашно оружие обеих сторон.

Большинству охотников была известна грустная биография их предводителя. Они слышали о ряде постигших его несчастий, о его разорении на рудниках, о потере состояния, о том, что его дочь была много лет тому назад захвачена в плен и он все годы напрасно искал ее; когда теперь узнали из нескольких слов Галлера, что в числе пленных навахи ведут жену и дочь Сегэна, то даже самые черствые сердца закален-

ных горцев наполнились живейшего сострадания к такой ужасной мере горя. То и дело раздавались сочувственные возгласы, а многие горячо давали самим себе и друг другу слово во что бы то ни стало освободить пленниц, хотя бы это им стоило жизни.

Сегэна глубоко тронула и ободрила такая преданность товарищей. Это сознание помогло ему справиться с обрушившимся на него новым страшным ударом и вернуло ему обычную неустанную энергию. Надежда вдохнула в него новые силы. Товарищи дружной гурьбой окружили его, утешая, предлагая советы, готовые повиноваться его решениям и приказаниям.

— Мы можем победить их без особых потерь, — сказал Гарей, — их не более двухсот.

— Не считая женщин, ровно сто восемьдесят шесть, — вмешался один из охотников. — Я сосчитал точно.

— Ну, — продолжал Гарей, — я рассчитываю на разницу в храбрости. А недостаток численности мы можем восполнить превосходством оружия: ведь у нас ружья. Я не побоюсь выйти один на двух индейцев,

— Что вы толкуете, Биль! Взгляните-ка на местность: голая, плоская! Куда мы скроемся после залпа? Их копья представят здесь большое преимущество — они переколют нас, как баранов.

— Я вовсе не сказал, что мы вступим с ними в бой среди прерии! Мы ведь могли бы следовать за ними, пока они очутятся в горах, и принять битву среди скал. Таков именно мой совет.

— Конечно, а обремененные своими стадами, они уже от нас не ускользнут.

— Да они вовсе не намереваются бежать. Наоборот, очень вероятно, что они первые на нас нападут.

— Это-то нам и нужно! — сказал Гарей. — Пусть только они вступят с нами в бой в горах, — он указал рукой на находившийся милях в десяти Мимбрский хребет, — они свое получат скоро, будьте уверены!

— Я в этом не сомневаюсь, — возразил снова другой, — но до этого то дело вовсе и не дойдет, потому что они подождут свой остальной отряд. Главкомандующие ведут обыкновенно гораздо большие отряды. Да их и было около пятисот, когда они проходили через Пиннон.

— Где могут быть остальные, как вы думаете, Рубе? — спросил Сегэн, обращавшийся обыкновенно во

всех затруднительных случаях за советом к старому, опытному охотнику.— Мне видно все пространство до самых рудников, а их нигде не видно.

— Их и не будет, капитан, и в этом-то наше счастье. Старый дурак, наверное, отослал часть отряда по другой дороге.

— Почему вы так думаете?

— Э, капитан, да это же ясно. Если бы они ехали там где-нибудь следом, некоторые из краснокожих гадин уже давно вернулись бы за ними. Разве это не ясно? А сколько я видел, ни одна собака назад не трогалась.

— Вы правы, Рубе — сказал Сегэн, ободренный этим правдоподобным соображением.— Однако, что же вы нам посоветуете?

— Да, при теперешнем положении дел штука выходит такая сложная, что я еще и сам хорошенько не разберусь и не соображу. Дайте подумать минутку-другую, тогда отвечу.

— Подумайте, мы подождем, что вы придумаете. Осмотрите пока оружие, товарищи, и позаботьтесь, чтобы все было готово.

Пока охотники совещались, на другом берегу индейцы также собрались вокруг своего предводителя, и по движениям их было видно, что и они держат совет о том, как повести себя в этом необычайном положении.

Увидев детей знатнейших родов своего племени в качестве пленных, они пришли в большое смятение, так как это доказывало, что бледнолицые совершили нападение на их столицу и, наверное, уже разгромили их город, дома, пожалуй даже перерезали беззащитных женщин и детей. Возвращаясь домой после удачного похода, нагруженные награбленной добычей, они были полны ожидания торжеств и празднеств на родине. И вдруг узнать, что их перехитрили, обошли...

Вдобавок, они видели, что отряд белых изрядный и по числу. А их ружей и выстрелов без промаха они достаточно сильно боялись, чтоб не пожелать избежать как-нибудь столкновения в ближайшее время и при имеющихся налицо условиях — и тем вернее достигнуть цели позже, когда это будет им более удобно.

Было о чем подумать и индейцам.

Старый Рубе, стоявший все время в сторонке, опершись о ружье, вероятно, успел кое-что придумать, по-

тому что вскинул ружье на плечо и подошел к Сегэну.

— Биль Гарей прав,— сказал он.— Если сражаться с индейцами, то всего лучше сойтись с ними там, где есть скалы и деревья. Среди степи они нас разобьют, об этом и спору быть не может. В таком случае положение может быть двоякое: либо они пойдут за нами, и тогда наше поле сражения будет там,— он указал на выступ Мимбрского хребта.— Либо мы последуем за ними до какого-нибудь подходящего поля битвы. А это мы довольно легко можем сделать, так как им стада помешают двигаться быстро. Но...

— Вы чего-то опасаетесь при этом?

— Я боюсь, что на обратном пути мы можем столкнуться с отрядом Дакомы. Невозможно допустить, чтоб они там во время грозы утонули. Они слишком хорошо знают ущелье и характер течения. Вот это-то и заставляет меня призадуматься.

Возможность того, что отряд Дакомы может скоро присоединиться к отряду главнокомандующего, была признана всеми вполне вероятной, и лица охотников омрачились.

— Таковы мои соображения, капитан, на тот случай, если мы будем вынуждены сражаться,— продолжал Рубэ.— Но у меня есть надежда, что нам удастся, быть может, вернуть наших женщин, не истратив и щепотки пороха.

— Каким образом? Каким образом? — живо воскликнули и Сегэн и другие.

— Видите ли, сердце вон у тех, хоть кожа у них и медно-красная, тоже есть, небось, и дети свои им так же дороги, как и нашему брату белому, христианину. Привяжите-ка белую тряпку на палку и предложите им обмен пленными. Они пойдут на переговоры, за это я ручаюсь. Вон та хорошенькая девочка с длинными волосами — дочь самого их главнокомандующего. И все остальные — дети знатнейших воинов, оттого я их и выбрал. А у нас еще сверх того и Дакома, и молодая королева — эти им прежде всего в глаза бросятся. Вы можете вернуть им Дакому и выторговать королеву.

— Я последую вашему совету! — воскликнул Сегэн с загоревшимися надеждой глазами.

— Тогда нельзя терять времени, капитан. Если покажется отряд Дакомы, тогда все мои соображения выеденного яйца не будут стоить. Эти краснокожие гадины могут догадаться уже потому, что Дакома на-

ми взят в плен, что высланный за ним отряд мчится теперь где-нибудь по нашим следам. Меня даже беспокоит, что это может затруднить переговоры. Во всяком случае, хитрые собаки будут всячески стараться оттянуть время. Имейте это в виду!

— Мы не замедлим ни одного мгновения, — сказал Сегэн и отдал тотчас приказ вывесить белый флаг. Когда его соорудили, он сам вышел с ним вперед и поднял его вверх.

Все примолкли в напряженном ожидании ответа. Между столпившимися индейцами произошло движение. Слышно было, что они горячо заговорили. Было видно, что что-то между ними произошло.

XXVII. Переговоры

Через некоторое время от толпы индейцев отделился один высокий воин и вышел вперед. В левой руке у него оказался какой-то белый предмет — это была выдубленная добела оленья кожа. В правой руке он нес копье и, выйдя вперед, наткнул на него кожу и протянул ее вверх. Это был ответный мирный сигнал.

Сегэн приказал охотникам молчать и громко заговорил по-индейски:

— Навахи! Вам известно, кто мы. Мы прошли всю вашу страну и посетили вашу столицу. Цель нашего похода была отнять у вас наших дорогих родственников, которых вы держали, как нам было известно, в плену. Некоторых мы и отобрали, но многих еще нам не удалось найти. Для того, чтобы добиться со временем их возвращения, мы взяли из вашей среды заложников. Мы могли бы захватить гораздо больше, но мы ограничились немногими. Города ваши мы не жгли и не громили, и ни женам вашим, ни детям никакого зла не сделали. За исключением вот этих, взятых нами в плен, вы найдете все и всех таким же, каким оставляли.

Шум успокоения и удовольствия пробежал по рядам индейцев. Впечатление от слов Сегэна было тем более радостным, что за время совещания они успели убедить себя и друг друга, что дома их ждет полный разгром.

Сегэн продолжал:

— Мы видим, что и вы побывали в нашей стране и увели пленных. У вас кожа другого цвета, чем у нас,

но чувства к родным и у краснокожих такие же, как у нас, белых. Мы уверены в этом, и потому-то я и поднял знамя мира. Согласимся обменяться пленными. Пусть каждый из нас отдаст другому его собственность. Это будет поступок, угодный Великому Духу, а вам и нам это принесет радость, потому что те, кем вы теперь владеете, представляют величайшую ценность для нас, а те, кем мы владеем, дороги вам одним. Навахи! Я сказал. Жду вашего ответа.

Когда Сегэн кончил говорить, индейские воины окружили своего предводителя и несколько времени горячо обсуждали его слова. Затем прежний выборный снова вышел с флагом из оленьей кожи и тоже громко сказал:

— Предводитель белых! Ты хорошо говорил, и наши воины хорошо взвесили твои слова. Ты требуешь немногого и только справедливого. Это правда, что Великому Духу будет угодно и нам радостно, если мы сможем обменяться нашими пленными. Но как же мы можем узнать, верны ли твои слова? Ты говоришь, что вы наш город не жгли и нашим женам и детям зла не причинили. Но как же мы можем узнать, правда ли это? Одного твоего слова нам недостаточно.

Сегэн предвидел это возражение и тотчас приказал привести одного из пленных, молодого юношу.

Юношу поставили рядом с Сегэном.

— Спросите этого юношу! — крикнул он на тот берег, указывая на юного пленника.

Навахи согласились, и на оба вопроса — о том, сожжен ли город и о том, убиты ли женщины — юноша ответил отрицательно.

— Ну, брат, — спросил тогда Сегэн, — удовлетворился ли ты этим?

Долго не было ответа. Воины снова собрались на совещание, и по возбужденному виду их и движениям можно было заключить, что среди них была партия, высказывавшаяся против мирного исхода и, по-видимому, советовавшая попытать счастья в битве. Это были самые молодые из воинов, а во главе их стоял, по-видимому, тот, на котором был гусарский мундир и который был, по словам Рубе, сыном главнокомандующего.

Но сам верховный вождь и другие более пожилые воины были кровно заинтересованы в скором и мирном результате переговоров, благодаря которому они

могли получить обратно своих детей невредимыми — и потому, в конце концов, одержала верх старшая партия.

Выборный снова выступил с ответом:

— Навахи обсудили то, что им было предложено и выразили свое согласие на обмен пленными. Но чтобы обмен этот был произведен как следует, они предлагают следующее: с обеих сторон должно быть выбрано по двадцать воинов. Эти воины должны на глазах у всех сложить свое оружие в степи. Затем они должны отвести своих пленных на самый конец оврага, что у родников, и там столкнуться между собой об условиях обмена. Все остальные с той и другой стороны должны оставаться на своих местах, пока не возвратятся невооруженные воины с обмененными пленными. Затем белые флаги должны быть опущены, и обе стороны должны быть признаны свободными от договора. Таковы речи навахов.

В общем условия были довольно приемлемы. Только заключительные слова свидетельствовали о намерениях индейцев попытаться потом снова овладеть возвращенными пленными. Но это мало заботило охотников. Только бы им заполучить своих на этот берег обрыва, отстоять их потом они сумеют.

К тому же требование, чтобы пленных отвели на место обмена безоружные воины, представлялось вполне справедливым — и двадцать было подходящим числом. Но Сегэн очень хорошо знал, как истолковывают для себя навахи слово «безоружный», и потому он шопотом распорядился, чтобы охотники, укрывшись за кустами, спрятали ножи и пистолеты под куртками. Можно было заметить, что навахи то же проделали со своими томагавками и ножами.

Возразить против предложенных условий можно было немного, а Сегэн не забывал, как дорого время, и потому он их принял немедленно.

Едва навахи получили согласие, тотчас выступило двадцать человек, без сомнения, лучших воинов во всем племени, — и направились на ближайшую поляну. Они воткнули в землю свои копья и прислонили к ним колчаны со стрелами и луки. На другой стороне охотники также на виду у врага сложили свои ружья.

Высланный охотникам отряд состоял из Эль-Соля и Гарей, Рубе и Санчеса, самого Сегэна и Галлера и четырнадцати человек горцев и делаваров.

Белые всадники посадили своих пленных на коней и мулов и снарядили их в путь. В их числе были и королева, и девушки-мексиканки.

Это был дипломатический прием со стороны Сегэна. Он сознавал — так же, как и другие — что если они с самого начала постараются удержать королеву, то переговоры, всего вероятнее, ни к чему не приведут. И поэтому он решил взять ее с собой, а там уже на месте отстоять ее. Если бы это не удалось, останется обратиться к оружию, а к этому охотники были готовы.

Наконец, обе партии были совсем готовы и по данному сигналу двинулись двумя линиями вдоль оврага к рудникам. Все остальные в обоих отрядах остались на местах, обмениваясь время от времени подозрительными и враждебными взглядами. Флаги в знак примирения продолжали развеиваться, оружие лежало нетронутым в отдалении. Но обе стороны держали лошадей оседланными и взнузданными, и сами готовы были в любой момент вскочить в седло при первом же движении противника.

Рудник, принадлежавший когда-то Сегэну, находился в самой середине оврага и даже от него получил свое имя (Барранка дель Оро — Золотая яма). Грубо прорытые шахты примыкали в виде пещер к скалистым откосам оврага. По каменистому грунту их протекал ручей, журча между скал. На берегах этого ручья стояли старые плавильни и развалившиеся домики рабочих, и на большинстве их не уцелели даже крыши. Вокруг пышно разросся чертополох и колючие кактусы. Если подойти к ним, к этим разрушенным домам и одичалому месту, бросается в глаза, что дорога по обе стороны оврага круто скашивается справа и слева к развалинам и позади них сходится совсем под острым углом.

Как только обе партии подъехали к этому пункту, откуда виден был расположенный внизу рудник, они остановились и подали друг другу сигнал через овраг. По предложению навахов, было решено оставить пленных и лошадей на возвышении под присмотром двух человек из каждого отряда.

Остальные восемнадцать человек с каждой стороны должны были, по условию, спуститься вниз на дно оврага, сойтись за развалинами построек и, выкурив положенную трубку мира, установить условия обмена.

Крайне неохотно согласились на это предложение Сегэн и Галлер. Оба они предвидели уже почти наверняка, что переговоры мирного исхода иметь не будут, и надеялись, и рассчитывали только на победу своих в неизбежном сражении.

Но и в самом счастливом случае, прежде чем они успеют пробраться по крутому откосу к пленным навахов, надсмотрщики успеют уже их утащить, а быть может, и убить тут же на месте... От одной этой мысли кровь цепенела. А индейцы упорно настаивали на своем требовании — и время было дорого: каждую минуту мог подоспеть отряд Дакомы — волей-неволей Сегэну пришлось согласиться, иначе он только выдал бы себя.

XXVIII. Обмен пленных

И вот охотники оставили своих лошадей под присмотром наверху, а сами спустились в овраг и через несколько минут стояли лицом к лицу с индейцами.

Все восемнадцать там оказались, как на подбор, рослые, широкоплечие, мускулистые. Выражение лиц у всех неукротимое, хитрое и мрачное. За ним чувствуется сердце, полное ненависти, и на губах сдерживаемая ненависть, вместо улыбки приветя.

На минуту обе партии остановились, измеряя друг друга глазами и мысленно меряясь силами.

Несмотря на уговор, согласно которому все должны были быть безоружными, оба противника были достаточно вооружены и оба знали это. Ручки томагавков, рукоятки ножей, блестящие стволы пистолетов невозмутимо торчали и блестели из-под платья тех и других — ни те и ни другие особенно и не заботились спрятать незаметнее опасные игрушки.

Сегэн указал на одну из построек, служивших прежде плавильной, предлагая, таким образом, избрать ее местом совещания.

В чуть держащемся глиняном домике была всего одна комната, посередине которой стояла плавильная печь с сохранившейся в ней в течение многих лет золой и шлаком.

На полу валялись разные обломки, на которых и разместились вошедшие, а двое индейцев ухитрились развести огонь в печи. Чтобы развалившаяся печь не

так сильно надымила в комнате, тяжелую дверь оставили отворенной. Она открывалась вовнутрь.

Галлер очистил место для себя и только что собрался сесть, как вдруг что-то прыгнуло на него с лаем и визгом. Оказалось, что Альп, которго Галлер не хотел брать с собой из страха, чтобы злые индейцы не сделали с ним что-нибудь, вырвался от охотников и пробежал весь путь по следам хозяина. Делать нечего было, Галлер велел ему лечь у своих ног, и собака тотчас послушалась.

Огонь в печи разгорелся, трубку набили и, закурив, пустили ее по рукам: каждый затягивался и молча передавал соседу. Эта церемония отнимала много времени, да еще хитрые индейцы даже старались протянуть ее подальше, затягиваясь медленно и по нескольку раз: они не имели причин спешить. Но все же формальность была, наконец, исполнена, и можно было приступить к обсуждению.

Первый же поднятый вопрос обнаружил предстоящие трудности полюбовного соглашения — он коснулся выяснения числа пленных. У индейцев их оказалось девятнадцать, у белых же, не считая королевы и отнятых девушек-мексиканок, двадцать один.

Это было благоприятно для белых, но, к изумлению их, индейцы указали на то, что их пленные состоят из взрослых женщин, тогда как большинство пленных противника были дети — и поэтому они настаивали, что обмен должен быть произведен из расчета двух детей за одного взрослого.

В этом бессмысленном требовании Сегэн сразу и наотрез отказал. При этом выразил готовность обменять своих 21 пленных на их 19.

— Почему 21? — воскликнул один из индейцев. — У вас их двадцать семь, мы сосчитали их там наверху.

— Вы присчитали к ним, значит, по ошибке шесть наших — они белые и мексиканки, — объяснил Сегэн. (Кроме трех девушек, узанных на террасе храма, охотникам удалось найти еще двух близких в городе во время поисков королевы).

— Шесть белых? — переспросил индеец. — Во всяком случае их пять! Где же шестая? Или вы имете в виду королеву Тайну, нашу королеву? — спросил он снова, не дожидаясь ответа на прежний вопрос. — У нее светлая кожа. Бледнолицый вождь принял ее, вероятно, поэтому за белую... Ха-ха-ха!

— Ваша королева? — воскликнул запальчиво Сегэн.— Ваша королева, как вы ее называете, моя дочь!

— Ха-ха-ха! — разразились насмешливым хором дикари.— Королева Тайна — белая! Его дочь! Ха-ха-ха!

Стены дрожали от их дьявольского хохота.

— Да, она моя дочь! — повторил дрогнувшим голосом Сегэн, уже не сомневавшийся ни на минуту в том, какой оборот примет дело.

— А я говорю — нет! — надменно крикнул тот же индеец.— Королева — не дочь твоя, она нашего племени! Она — дочь Монтесумы, королева навахов!

— Королева нам должна быть возвращена! — воскликнули еще некоторые.— Она наша, мы требуем вернуть нам ее!

Сегэн, скрепя сердце, пытался еще дружелюбно и терпеливо рассказать и объяснить все, напоминая, когда и при каких обстоятельствах она ими же взята в плен. Но все было напрасно! Навахи упорно стояли на своем и решительно заявили, что, если королева им не будет возвращена, то они ни под каким видом на обмен не согласятся.

Требование было высказано в таком вызывающем, оскорбительном тоне, что охотникам становилось ясно, что они добиваются схватки. Так оно в действительности и было. Теперь, когда у белых не было ружей, которых они так боялись, они рассчитывали одержать победу.

Но и охотники были готовы к бою, если на то пойдет, и в победе они также были уверены. Они ждали только сигнала своего предводителя, чтобы ринуться на врага. Но Сегэн вполголоса попросил их не терять терпения и обратился еще раз к индейцам.

— Братья! — начал он сдержанно.— Вы отрицаете, что я — отец этой девушки. Две из ваших пленниц, которых вы знаете, моя жена и моя дочь, мать и сестра ее. Вы отрицаете и это. Если вы искренни в своем недоверии к моим словам, то вы должны согласиться на предложение, которое я хочу вам сделать: велите привести к нам тех, и я велю привести ту, которую вы называете вашей королевой. Если девушка не узнает своих мать и сестру, то я откажусь от своих притязаний и предоставлю ей вернуться, если она пожелает, к вам.

Охотники были озадачены таким предложением своего предводителя. Они ведь знали, что все попытки

Сегэна воскресить воспоминания в уме и душе девушки были безуспешны. Как же он мог допустить, что она тотчас припомнит и узнает мать?

Но и сам Сегэн на это почти не надеялся и не рассчитывал. Он прибегнул к этому предложению, как к последней, отчаянной попытке. Он думал, что когда жена и дочь очутятся уже здесь, вблизи построек, то в случае схватки, быть может, возможно будет увести их и таким образом же отбить и другую дочь, Адель. Нервным шепотом поделился он этой мыслью с ближайшими к нему товарищами, чтобы гарантировать себя таким образом насчет их сдержанности и осторожности.

Навахи отнеслись сначала с крайним изумлением к этому требованию. Они встали со своих мест и столпились в дальнем углу для совещания, но вскоре по выражению их лиц можно было понять, что они готовы согласиться.

Они знали, что девушка не признала в бледнолицом предводителе своего отца. Они внимательно наблюдали за ней, когда она подъезжала противоположным берегом оврага и даже успели столкнуться с ней знаками, прежде чем охотники это заметили. Таким образом, они не боялись того, что она узнает свою мать. Она была так мала, когда попала в плен, времени прошло так много, обращались с ней в ее новой жизни так хорошо, что воспоминания детства, наверное, изгладилась в душе ее без следа.

Хитрые дикари все это отлично учли, решили принять предложение и, вернувшись на прежние места, объявили о своем согласии на сделанное предложение.

Тотчас было отряжено два человека — по одному от каждой стороны — чтобы привести трех пленниц, а все остальные остались на местах в ожидании их прибытия.

Немного спустя их ввели.

Разыгравшаяся затем сцена была полна глубокого трагизма. Встреча Сегэна с женой и дочерью и Генри Галлера с Зоей... Момент, когда мать увидела и узнала свое давно погибшее для нее дитя, свою Адель, и ее страдания и ужас при виде равнодушия и безучастия, с которыми та встречала поцелуи, объятия и слезы матери... Взволнованные, полные сочувствия и страдания лица охотников и злобные, торжествующие взгляды и жесты индейцев... Вся эта картина не могла не довести до крайности скопившиеся еще ранее оже-

сточение и злобу в душе охотников до безмерной, безграничной ярости к этим диким извергам.

Менее чем через четверть часа пленные женщины были уведены теми же людьми, которые привели их. Остальные остались на местах для окончания переговоров.

Индейцы тотчас вернулись к своим прежним условиям: взрослых пленных они согласны обменивать одного за одного. За своего предводителя Дакому они согласны выдать двух. Но категорически настаивают на получении двоих детей за каждую взрослую женщину.

Хотя при таких условиях белые могли получить всего двенадцать своих, Сегэн все же вынужден был дать согласие, но при одном непременном условии, что белым будет предоставлено право выбрать самим среди пленных тех, кого они пожелают, в обмен на пленных, возвращенных навахам.

К невыразимому негодованию всех охотников дикари отказали и в этом. Теперь уж сомнения ни у кого не оставалось, чем окончится это совещание. Ненависть загоралась от ненависти, и во всех глазах пылала месть.

Индейцы злобно смотрели на белых своими раскосыми глазами. Дьявольское торжество сквозило в их взглядах. Было очевидно, что они считали себя сильнее противника. Между тем противники едва сдерживали себя, стараясь не послушаться приказа Сегэна, и сидели, подавшись вперед, готовые ринуться в любую минуту.

На той и другой стороне царил долгое, жуткое молчание — зловещий предвестник бури. Вдруг тишину прервал раздавшийся снаружи крик. То был клекот орла.

В Мимбрских горах орлы встречаются довольно часто, и какой-нибудь мог пролететь над оврагом. Белые вначале не обратили поэтому на этот звук внимания, но им вдруг показалось, что вслед за ним глаза навахов засверкали еще большей угрозой и торжеством. Что же это значит? Не было ли это сигналом индейских разведчиков, разглядевших идущий отряд Дакомы?

Охотники прислушались — крик повторился... Это уже серьезно обеспокоило их. Молодой вождь в гусарских мундире и каске встал с места. Он был самым несговорчивым противником во время переговоров. Со

слов Рубе, охотники знали о нем, как о человеке низком и жестоком, но пользовавшимся при этом огромным влиянием среди воинов.

Он отверг запальчиво и последнее предложение Сегэна и теперь встал, чтобы объяснить свой отказ.

— Почему же это белому вождю так сильно хочется самому выбрать наших пленных? — спросил он, глядя в упор на Сегэна. — Быть может, ему хотелось бы получить обратно златокудрую девушку?

Он умолк, как будто ожидая возражения. Но Сегэн совсем не отозвался. Через секунду индеец продолжил:

— Если белый вождь полагает, что королева — его дочь, то не должен ли он был бы даже желать, чтобы ее сестра сопутствовала ей и отправилась бы также с ним в нашу страну?

Он сделал снова паузу, но Сегэн по-прежнему молчал, только жилы вздулись у него на шее.

Оратор продолжал:

— Почему белый вождь не хочет отпустить с нами златокудрую девушку? Я сделаю ее своей женой. Известно ли белому вождю, кто я? Я вождь навахов, потомок великого императора Монтесумы, сын короля.

Снова послышался орлиный клекот.

— А она кто? — еще более вызывающе продолжал дикарь, словно сигнал придал ему новый запас смелости. — Кто она, чтоб я должен был вымалывать себе ее в жены? Дочь человека, не пользующегося почетом даже среди своего собственного народа... Дочь какого-то охотника за скаль...

Он не успел окончить фразу, и она навеки осталась неоконченной. Пуля Сегэна попала ему в лоб и мгновенно свалила его с ног. Только красная круглая дырочка, окруженная легкой синевой от пороха, блеснула на лбу падающего вниз лицом врага.

XXIX. Схватка в плавильне

Вмиг и охотники, и индейцы вскочили, как один человек. Двойной клич к нападению прозвучал, словно вырвался из одной груди. С быстротой молнии выхвачены были из-за курток и поясов под плащами ножи, пистолеты и томагавки — и в одно мгновение началась общая свалка.

Затрещали выстрелы, засвистели в воздухе томагавки, засверкали остроотточенные лезвия ножей — ужасающая, адская картина!..

Пространство было так тесно, так неудержима была ярость противников, что надо было думать, что в первой же стычке обе стороны уничтожат друг друга. На деле же было не так. В первый момент боя нападение бывает обыкновенно нерешительно, защита энергичнее.

К тому же бой шел почти впотьмах, так как в первые же мгновения двое сцепившихся повалили друг друга на пол, захлопнув при падении дверь и продолжая кататься по полу в борьбе. Время от времени слышен был удар, глухой звук падающего тела. Комната наполнилась дымом, пылью, серными парами, так что дерущиеся, полузадохшиеся наносили удары, почти не видя и не сознавая, кому и куда.

Галлер почувствовал, что ему делается плохо. В первый миг, тотчас вслед за выстрелом Сегэна, он выхватил свой револьвер и выстрелил в лицо вскочившего с места врага. Затем, почти не останавливаясь, выпустил один за другим все шесть зарядов, и, борясь усилиями воли с подступавшим чувством удушья, метался по комнате, стараясь найти дверь.

Едва держась на ногах и нащупывая вершок за вершком тонкую глиняную стену, пробираясь к двери, он вдруг услышал где-то близко около себя иступленный голос Биля Гарей. Великан держал в своем могучем кулаке зажатую шею индейца, и за недостатком ножа потряс его несколько раз взад и вперед, все не выпуская шею, а потом швырнул его, не сомневаясь в его смерти, изо всей силы на пол с возгласом: «Вот тебе на дорогу!»

Этот возглас еще слышал явственно и сознательно Галлер, но что было потом он сознавал смутно, как сквозь сон. Он чувствовал, как об него стукнулось чье-то тело, чувствовал, что стена, о которую он опирался, начала подаваться... Каким-то образом голова его очутилась среди ослепительного света... Он смутно услышал какой-то грохот, треск, точно от рухнувшего потолка, а потом все завертелось и минут на десять все вокруг пропало, исчезло, он ничего не сознавал, ничего не мог припомнить. Он потерял сознание.

Десять минут! Какой короткий промежуток времени, но какой богатый тяжкими событиями и последствиями! Этих десяти минут оказалось достаточно, чтоб

объять пламенем домик плавильни и выгнать бойцов из пылающих развалин.

Из навахов не уцелел ни один, но и среди охотников немногие вышли неранеными: уцелевшие невредимыми, среди которых оказались Сегэн, Рубе, Гарей и Эль-Соль, которые, едва выползши из-под горящих обломков домика, поспешно бросились, чтобы спрятаться в укромном месте, известном лишь Сегэну, в одной из заброшенных шахт.

Начинавший понемногу приходиться в себя Галлер как раз успел заметить своих четырех спутников, когда они украдкой спустились в углубление шахты. Еще не будучи в силах подняться и предпринять что-нибудь, он обводил глазами вокруг себя — вот, почти в одну и ту же минуту, увидел три картины, одна другой печальнее и тревожнее.

Три женщины карабкались по крутой тропинке, пролегавшей по левой отвесной стене оврага, за ними шли, подталкивая их, три индейца. Нельзя было не узнать пленниц — это были жена и обе дочери Сегэна. Толпа индейцев-всадников, человек в пятьдесят, оставив далеко за собой маленькую группу, спускалась вниз по оврагу и, наверное, через несколько минут должна была достигнуть рудника.

Сцена на правой стороне обрыва была еще ужаснее. Там неслись галопом охотники на своих лошадях, а за ними гналась огромная толпа диких всадников — без всякого сомнения, подоспевший отряд Дакомы. Охотники не остановились и не уменьшили бег и тогда, когда достигли построек, а мчались через все еще пылавшее пламя пожара вперед в долину.

Отряд индейцев продолжал преследовать их, а подскакавший всего через две-три минуты отряд из пятидесяти всадников остановился перед пылающей грудой развалин, и все начали шарить между стен.

XXX. Галлер в плену

Галлер все еще лежал среди кактусов в том месте, где очутился при падении, но он понимал, что его невольно выбранное убежище не долго будет ускользать от пронырливых глаз дикарей — и потому он предпочел сам выйти и показаться.

Действительно, в ту же минуту, как он приподнялся и поднял руки над головой в знак того, что сдает-

ся, индейцы тоже увидели его. Раздался торжествующий возглас врагов — и в ту же минуту его повалили и связали по рукам и ногам.

Ободренные первой находкой, индейцы еще усерднее продолжали свои поиски и, по-видимому, не без успеха, как можно было судить по слышавшимся еще несколько раз злорадным крикам торжества.

Одного за другим притащили навахи сначала Санчеса, потом рыжеволосого ирландца Бернея и еще троих охотников-мексиканцев, которые были все ранены более или менее тяжело и потому не могли своевременно укрыться в убежище шахты. Все были крепко перевязаны ремнями из оленьей кожи.

Связанные пленные были оставлены пока на открытом месте среди рухнувших обломков домика плавилини. Они могли видеть все, что происходило вокруг.

Индейцы рылись на пожарище, расчищая его от обуглившихся и нагромоздившихся на кучу бревен, чтобы разыскать тела своих воинов. И не было предела ярости их, когда они убедились по обуглившимся трупам, как мало белых пало в схватке, тогда как с их стороны семнадцать лучших воинов обрели в ней смерть.

Рассвирепев до последней степени, они набросились было на пленных охотников, решившись тут же упить-ся зверской расправой над ними, чтобы сколько-нибудь утолить жажду мести. Но в эту минуту к месту, где лежали пленные, подъехал вернувшийся с преследования Дакома и удержал их, выразив желание, чтобы белые были принесены на родине в жертву богу Солнцу.

Как узнал впоследствии Галлер, прежний главнокомандующий навахов был убит пулей охотников, и роль эта перешла к Дакоме, которого вырвали у охотников в первые же моменты преследования.

Присмирив после распоряжения Дакомы, они собрали валявшиеся в пепле ножи, пистолеты и томагавки, затем отнесли останки своих погибших соплеменников к месту развалин, и, уложив их там на земле, громким голосом запели гимн мести.

По окончании этой церемонии и последовавшего за ней торжественного обряда погребения воинов, были приведены шесть мулов, и каждого пленного усадили на мула верхом так, что они были обращены лицом к хвосту животного, затем ноги каждого привязали к шее раздраженно мотавшего головой мула, а

ступни связали одну с другой. Потом туловище пригнули так, что пленный оказывался лежащим животом на спине мула и, наконец, опустили вниз руки, связав их под брюхом животного.

Прицепив их таким образом, поведя тотчас же опустили, и раздраженные неудобной ношей мулы начали вздыматься на дыбы, бить задом, что причиняло мучительную боль несчастным пленным и оттого безмерно потешало и восхищало диких мучителей.

Удовольствие, испытываемое при этой зверской забаве было так велико, что, когда мулам надоело брыкаться, индейцы искусственно продолжали пытку, то нанося животным уколы своими стрелами, то закладывая им под хвосты колючие ветки кактуса. Забава кончилась обмороком пленных.

Устроив таким образом своих пленных, индейцы разделились на два отряда и поехали вверх по обеим сторонам оврага. Первый, меньший отряд поспешил вперед кратчайшей дорогой, имея при себе мексиканских пленных, девушек и детей навахов, чтобы успеть дома все приготовить для торжественной встречи и празднеств в честь победителей. А больший отряд, под предводительством Дакомы, с пленными охотниками и отнятыми при набегах стадами, направился к ручью, еще недавно служившему лагерем злополучным охотникам.

Здесь отряд остановился на ночь и на весь следующий день, так как в отдыхе нуждались и изнемогшие лошади Дакомы, успевшие догнать охотников, несмотря на огромный крюк, и изранивший копыта скот. Потом пленных снова укрепили на спинах мулов, и победоносный отряд двинулся через прерию на родину.

XXXI. Ловкий наездник

Целых семь дней длился путь,— стадо скота не позволяло двигаться быстро вперед,— прежде чем Галлер и захваченные одновременно с ним товарищи очутились снова в столице навахов.

Когда индейское войско подходило к городу, на встречу ему высыпала огромная толпа женщин и детей,— гораздо более многочисленная, чем виденная Галлером при первом посещении города.

Оказалось, что тут были и гости, жители более отдаленных северных селений, прибывшие, чтобы присутствовать при триумфальном въезде и приеме победителей и принять участие в грандиозном пиршестве, которым празднуют всегда навахи счастливый исход набега.

Пленных возили по улицам западной части города, и их сопровождала толпа со злобными и любопытными возгласами. Отъехав шагов на сто от жилых домов, конвой остановился на самом берегу реки. Здесь отвязали живую добычу и ссадили всех на землю.

На мгновение несчастные пленники порадовались чувству физической свободы от уз, но скоро им пришлось убедиться, что их ожидало худшее. Начались мучительства и издевательства над ними.

Их швырнули, как бревна, на землю, растянули спиной на дерне и затем вбили вокруг каждого по четыре кола в землю в виде продолговатых четырехугольников. Затем вокруг обеих рук и ног каждого обвязали по кожаному ремню и, обмотав свободные концы вокруг колеб, притянули их так крепко, что суставы и кости заныли.

Так должны они были лежать, лицом к небу, подобно козам, растянутым для просушки, не имея возможности шевельнуть ни одним членом, кроме поворота головы вправо и влево.

Когда конвой удалился, место его заняли любопытствующие женщины и девушки. Галлер заметил, что они особенно толпились вокруг ирландца Бернея, прыгая вокруг него с комическими гримасами, громко хохоча, тыча в него пальцами и указывая на что-то друг другу. Галлер долго не мог понять, что такое необыкновенное открыли они в нем, но когда повернул голову к ирландцу, загадка объяснилась.

Кому-то из конвойных понравилась, по-видимому, меховая шапка Бернея, и он взял ее себе,— так что ирландец лежал с обнаженной копной своих огненно-рыжих волос. Они-то и потешали дикарок, никогда не видевших волос цвета лисицы.

Одна из них, более ли смелая или более любопытная, подошла поближе, нагнулась и дотронулась было рукой до волос, но тотчас отскочила, как будто обожгла о них руки.

Это вызвало новый взрыв смеха, и со всех сторон к Бернею стали подбегать и сначала только трогать рукой короткую, жесткую щетину на голове, а по-

том расходились до того, что стали дергать и даже выдергивать волосы. Ирландец долго молча терпел боль, но потом это ему надоело, и он заговорил, но тоном самой добродушной просьбы:

— Эй, вы там, девушки! Оставьте-ка меня в покое! Никогда рыжих волос не видали, что ли?

Женщины, конечно, ни слова не поняли и только еще веселее обнажали зубы, не только не прекратив своего издевательства, но еще больше осмелев.

— Да перестаньте же, наконец! — крикнул он уже резче, мотая головой от боли. — Перестаньте дергать — вы из меня жилы выматываете! Ой... Ох... Матерь святая, оставите ли вы меня в покое, собачья свора!

Тон его голоса свидетельствовал о жестокой боли и нестерпимом раздражении, но это, по-видимому, только прищипило бессмысленную веселость дикарок. Казалось, пытке конца не будет, — ирландец уже не говорил, а шипел, сквозь стоны, слова проклятий. Вдруг они перестали дергать, о чем-то посоветовались между собой, и несколько женщин убежали, по-видимому, у них созрел какой-то новый план. Действительно, через некоторое время они вернулись, таща в руках большой горшок с водой и другой сосуд с жидким мылом. Было ясно, что они надумали смыть красную краску с волос.

Две-три мускулистых женщины ослабили ремни на руках Бернея, так, чтобы его можно было посадить и, захватив его голову, обильно намылив и облив водой, принялись тереть изо всех сил мочалкой из говяжьих сухожилий. Терли, скребли, царапали, снова мылили, снова обливали водой... Напрасно несчастный метался, извивался, убедительно доказывая им на своем языке, что у него волосы не крашены, а природная краска не отмывается — женщины старательно вели свое дело до конца, а когда посчитали, что натерли достаточно, вылили всю оставшуюся воду на голову и плечи его, чтоб сполоснуть мыло.

Измучению дикарок не было конца, когда им пришлось убедиться, что волосы все так же ярко пылали огнем. Притащили еще воды, и тупая, бессмысленная попытка повторилась от начала и до конца...

С наступлением сумерек явилась новая смена стражи, просидевшая, не сомкнув глаз и не пошевелившись, всю ночь. Но разговаривать пленным не запрещали, и они толковали о том, что их ожидает утром. Верного никто из них не знал ничего. Санчес, немного

понимавший наречие навахов, кое-что узнал из разговора женщин между собой.

— Завтра,— рассказывал он, что успел узнать, товарищам,— состоится великий танец Монтесумы. Это праздник преимущественно для женщин и девушек. Послезавтра же состоится большой турнир, на котором воины покажут свое искусство в стрельбе из лука и будут состязаться в борьбе и верховой езде. Пусть бы они меня допустили к участию в последнем, я показал бы им такую штуку, какой еще не видали эти ловкие наездники.

Санчес не только выделялся как знаток боя быков, но и был необыкновенным наездником, так как в ранней юности долго специально учился этому искусству.

— На третий день нас погонят сквозь строй... А на четвертый...

— Что же на четвертый?

— На четвертый нас сожгут во славу их бога огня.

Пленные были все люди отважные, не раз глядевшие в глаза смерти, и потому думали о смерти без страха. Угнетало их только унижительное сознание своей смерти, такой, какая им предстояла, не в открытом бою, а от руки диких мучителей. Кроме того, мучила мысль о проигранном деле. Горька была также неизвестность о судьбе остальных товарищей, а для Галлера еще тяжела мысль о судьбе дорогой ему девушки. Но привычка владеть собой и закаленная воля сделали то, что им даже удалось заставить себя проспать несколько часов.

На утро поднялась во всем городе чистка, уборка и приготовления к торжеству танца Монтесумы. Церемония эта должна была совершиться среди лужайки против храма, и перед самым началом его пленников отвязали и потащили туда, чтобы заставить их любоваться и подивиться великолепию национального праздника.

Сам по себе танец был довольно несложен. На высоких подмостках восседали, изображая императора Монтесуму и его супругу, воин и молодая девушка. На этот раз эти роли исполняли на троне Дакома и Адель, а мимо них проходили процессии пестро разряженных женщин, поток девушек с венками и гирляндами цветов в разнообразных позах и комбинациях.

Несколько часов длилось однообразное и скучное представление. Затем дикари остальную часть дня пи-

ровали. Пленным отпустили самую скудную пищу, достаточную только для поддержания жизни. Ночь они снова провели, как накануне.

На следующий день, с раннего утра воины начали наряжаться, готовясь к турниру, на который снова были приведены в качестве зрителей пленные. На этот раз Галлер заметил на террасе храма несколько пленных женщин, явившихся добровольно или приведенных насильно, чтобы полюбоваться зрелищем. Он стоял так близко, что мог хорошо рассмотреть молодую королеву. В своих великолепных, богатых одеждах она отнюдь не имела огорченного вида — и Галлер с грустью убедился в этом, думая о своем несчастном друге Сегэне.

Обведя глазами террасу, Галлер вздрогнул и почувствовал, что его сердце замерло: на правой стороне ее, тщательно отделенные толпой от «королевы», стояли ее бедная мать и сестра, с бледными, изможденными лицами, с выражением глубокой скорби и беспредельной тоски в глазах.

Лукавые индейцы, очевидно, опасались сближения между этими женщинами до тех пор, пока не будет бесповоротно решена участь новых пленниц.

Галлер с усилием отвернулся от них, чтоб не пробуждать ничьих подозрений на случай, если за ним наблюдали, и начал безучастно смотреть на происходившие в степи состязания. Турнир уже начался, и воины шеголяли друг перед другом искусной ездой и фокусами с оружием.

Некоторые ехали галопом, прижавшись к боку лошади одной ногой и протянув свободно другую, пуская в этом неудобном положении без промаху стрелы в цель.

Другие скакали в карьер по равнине, перескакивая при этом с одной лошади на другую. Третьи вскакивали в седло на полном ходу лошади и оказывались в совершенно правильном и прочном положении в седле. Потом показывались чудеса ловкости с арканом. Было еще одно красивое упражнение, при котором воины сбрасывали друг друга с коней, в подражание выбиванию из седла, практиковавшемуся средневековыми рыцарями.

Зрелище было, в самом деле, необычайно красивое — огромный, великолепный цирк в пустыне. А для Санчеса цирк всегда имел особую притягательную силу. Галлер видел, с каким вниманием и увлечением

следил он за каждой подробностью виртуозных упражнений, и вдруг заметил какое-то непонятное беспокойство в лице и во всей фигуре Санчеса. Казалось, бывшим наездником овладела какая-то мысль, какая-то решимость...

— Скажи своим братьям, — вдруг обратился он к одному из индейцев, — что я могу превзойти лучшего из ваших наездников.

Изумленный таким хвастовством индеец решил передать своим эту похвальбу, хотя бы ради курьеза. И через несколько минут к Санчесу подъехала кучка любопытных воинов.

— Ты, жалкий белый раб! Ты хочешь состязаться в верховой езде с воинами-навахами? Ха-ха-ха!

— А вы умеете скакать, стоя на голове? — спокойно ответил вопросом Санчес.

— Как это «стоя на голове»?

— Да так, на своей голове, в то время как лошадь скачет галопом?

— Да кто же это умеет? Как это возможно?

— Возможно. И я умею, — так же спокойно заявил Санчес.

— Стоит его слушать! Хвастает, дурак! — закричали некоторые.

— Пусть покажет! — воскликнул один. — Дайте ему лошадь, ей ничего не сделается.

— Дайте мне мою собственную лошадь, я покажу вам этот фокус.

— Какая твоя лошадь? Где она?

— Вон, на лугу, мустанг в яблоках.

Когда Галлер оглянулся, вместе со всей толпой на луг, он увидел недалеко и своего любимца Моро. Недалеко от него лежал и верный Альп. Он много раз пытался пробраться к Галлеру, но конвойные его прогоняли, и он, наконец, присоединился к Моро.

После короткого совещания индейцы согласились исполнить желание Санчеса. Мустанга поймали арканом и Санчеса развязали. Индейцы не боялись, что он может ускользнуть: они были уверены, что такую лошаденку, как этот мустанг, они на своих лошадях во всякое время догонят. К тому же у обоих входов в долину была поставлена удвоенная стража.

Санчес быстро сделал нужные приготовления. Он крепко привязал к спине лошади буйволовую кожу, потом медленно обвел лошадь три-четыре раза по кругу, чтобы дать ей ознакомиться с местом, потом быст-

ро выпустил повод и как-то особенно крикнул, после чего мустанг пошел ровным неспешным галопом по кругу. Убедившись, что лошадь обежала круг несколько раз в одинаковый промежуток времени, Санчес быстро вспрыгнул ему на спину и проделал известный фокус езды вниз головой, который дикие сыны пустыни видели, однако, впервые.

Не было конца изумлению и бурным восторгам индейцев. Санчеса заставляли повторять свой фокус бесчисленное множество раз. Но Санчес этим не только не тяготился, а, напротив, не мог успокоиться сам, пока не показал своим зрителям всех искусных штук и проделок, какие только знал, повергая их каждый раз все в новое и новое изумление.

Когда кончился турнир, и пленников снова увели к реке, искусного наездника между ними уже не было. Счастливицу спас жизнь его талант. Отныне он стал учителем верховой езды у навахов.

XXXII. Смелый побег

Настал и следующий день, тот день, в который пленники должны были подвергнуться прогону сквозь строй. Несчастных привели спозаранку на то же место, и приготовления к этой жесткой забаве-казни производились на их глазах.

Воинов выстроили в два ряда на несколько сот шагов в длину по равнине, с промежутком в три-четыре шага между одним и другим рядом. У каждого в руке было по короткой деревянной палке. В промежутке между этими рядами должны были пробегать пленные и на бегу получать удары от каждого, кто успеет.

Тому из пленных, кто умудрится пройти сквозь весь строй и добежать до подошвы горы, не будучи поваленным с ног дубинками, обещали сохранить жизнь.

— Правда ли это, Санчес? — спросил Галлер шепотом товарища, который уже в качестве свободного человека очутился случайно (а может и не вполне случайно) около Галлера.

— Нет, — ответил так же тихо Санчес, — это только хитрость, чтобы побудить вас всех бежать быстрее и доставить себе большую потеху. Убьют вас все равно... я слышал разговоры.

Милость была бы во всяком случае сомнительная, если бы пленных оставили в живых при таких усло-

виях, потому что пройти сквозь этот ужасный строй было бы невозможно для самого здорового и крепкого человека.

— Санчес! — снова позвал его шепотом Галлер, которому вторично пришла в голову одна отчаянная мысль, прежде отброшенная.— Не могли ли бы вы уронить нож... какое-нибудь оружие... что-нибудь в этом роде в ту минуту, когда меня развяжут?

— Это ни к чему вам не послужит, Галлер... Бежать вам не удастся, если бы у вас даже было пятьдесят ножей.

— Мало вероятно, конечно, я сам понимаю. Но попытаться все же хотел бы. Ведь в худшем случае я рискую только жизнью, а умереть с оружием в руках все же достойнее мужчины.

— Вы правы,— пробормотал взволнованно Санчес.— Я попробую помочь вам добыть оружие. Но моя собственная жизнь...

Он внезапно умолк и через секунду продолжал, многозначительно подчеркивая тоном свои слова, делая вид при этом, что внимательно вглядывается в вершину синеющей вдали горы:

— Если вы оглянетесь назад через плечо, то увидите, быть может, томагавк... мне кажется, он слабо держится. Кажется, его можно сорвать...

Галлер понял, что имел в виду Санчес, и оглянулся украдкой назад.

Всего в нескольких шагах от него стоял верховный вождь Дакома, весь поглощенный распоряжениями по поводу предстоящей церемонии. Галлер увидел томагавк за поясом индейца: действительно, он был засунут не крепко, и быть может, рванув сильно и ловко, его можно было бы вырвать.

Галлер отличался не только смелостью характера и большой физической ловкостью, но и находчивостью и самообладанием в минуты опасности. В искусстве же бега и прыгания он почти не имел соперников. Итак, надежда была, а потерять он мог так мало. Было бы безумием не попытаться.

Первым должен был бежать Берней,— его уже развязывали. Бедный рыжий ирландец бежал очень плохо, что-то будет с ним? Было видно, как страшно напрягался бедняга, но, пробежав всего шагов тридцать, он упал среди этой аллеи из живых людей, обливаясь кровью и потеряв сознание. Его унесли под крики ликующей толпы.

За Бернеем развязали и погнали одного из мексиканских охотников, которых Галлер не знал по имени, потом еще одного. Обоих несчастных постигла та же участь, что и Бернея. Наконец, принялись развязывать Галлера.

Он встал, выпрямился, потянулся, чтобы размять затекшие члены, и призвав на помощь всю энергию души и тела, какую только могла пробудить безнадежность его положения.

Искоса оглянувшись еще раз, Галлер точнее определил про себя место, где стоял Дакома, потом отступил назад на несколько шагов, как бы для разбега, быстро, как молния, обернулся, ухватился рукой за топор, ловким и быстрым кошачьим прыжком вытащил его из-за пояса и взмахнул, чтобы попасть в Дакому, но второпях промахнулся. Занести его еще раз над головой Дакомы некогда было, Галлер повернулся и побежал.

Дакома был так поражен и неожиданностью и изумлением при виде того, какое расстояние между собою и им успел вмиг сделать беглец, что не сразу бросился в погоню.

Галлер бежал не к открытому входу, а по направлению толпы зрителей, состоявшей из стариков и детей.

Размахивая томагавком, он бросился в толпу, чтобы пробить себе дорогу в ее массе. Но в этом и необходимости не было, так как перепуганные и опешившие люди сами отступили вправо и влево, очищая таким образом проход, по которому он и побежал.

Два-три человека попытались было схватить и остановить его, когда он пробегал, но без успеха — и в несколько секунд Галлер очутился среди гладкой равнины, а вся толпа с криком понеслась за ним. Он бежал к цели, давно намеченной — иначе у него не было бы надежды ускользнуть от погони — к тому месту, где паслись лошади.

На карту была поставлена жизнь, и потому беглец не нуждался и в том внешнем поощрении, какое создавала погоня: все силы и энергия и без того были неослабно напряжены до последней степени. Около мили успел он уже пробежать без остановки и оглядки и был уже на таком близком расстоянии, что лошадь, быть может, могла бы уже услышать его зов. Тогда он решил быстро оглянуться — и с ужасом увидел, что

хотя пешая толпа сильно отстала, но в погоню устремились уже несколько человек на лошадях.

— Моро!.. Моро! — в отчаянии крикнул он, продолжая бежать.

Лошади как будто зашевелились, подняли головы, от них отделилась одна.. Это он, он, его Моро! Это его широкая коричневая грудь, его красные нервные ноздри. Среди тысяч он узнает его с первого взгляда!.. Он мчится галопом по направлению к Галлеру, но за ним бросился и весь встревоженный табун..

Успеет ли он вскочить на Моро, или его растопчут раньше копыта скачущих на него в переполохе коней?

Но Моро первый подбежал, — и задышающийся Галлер вскочил ему на спину и понесся без узды, без седла, направляя своего любимца и спасителя только голосом, только движением рук и колен, мимо всего табуна к западному краю долины.

Он услышал за собой крик двадцати или больше догонявших его индейцев на конях, но это его больше не тревожило с тех пор, как он снова вверил свою жизнь Моро. Когда после напряженной езды он проехал, наконец, долину и вскарабкался по крутому отвесу Сиерры, он увидел, быстро оглянувшись, что преследователи отстали на несколько миль посреди долины.

Одно только живое существо следовало, не отставая, по пятам беглеца — это был верный друг Альп, с невероятным напряжением бежавший в ногу с арабским скакуном и находивший в себе силы откликнуться радостным лаем каждый раз, когда на него оглядывался Галлер.

Гордым, упругим галопом нес совершенно отдохнувший за несколько дней Моро своего хозяина вверх по скалистой тропинке. Зато сам хозяин, пролежавший связанным три мучительных дня, плохо питавшийся и разрываемый душевными волнениями, чувствовал себя совсем обессиленным этой бешеной скачкой и должен быть напрячь всю силу воли, чтобы овладеть своими нервами ввиду предстоящего серьезного момента. Ведь впереди еще была стража!

Санец слышал от индейцев и говорил Галлеру, что стража состоит всего из двух человек. Но ведь они, наверное, наилучшим образом вооружены луками, копьями, томагавками и ножами. Этого было, во всяком случае, более чем достаточно для Галлера, у ко-

того не было ничего, кроме похищенного томагавка, которым вдобавок, он не особенно хорошо владел.

Галлер помнил по своей первой поездке по этим местам, что узкая тропинка, извинаящаяся над зияющей пропастью, переходит дальше в широкую, ровную поляну и потом снова суживается книзу, если переехать на другую сторону Сиерры. Эта поляна была почти единственным местом, на котором возможно было повернуть лошадь. Над ней высилась самая высокая вершина Сиерры — утес футов в двести высоты.

Стража должна была помещаться именно здесь, думал уверенно Галлер, так как от этого места видна была вся местность, окружающая долину на юг и на запад.

Дорога шла зигзагами по извилинам каньона, и когда Галлер взобрался почти на самый верх и обогнул последний выступ скалы, скрывшей от него утес, он убедился, что не ошибся. Стража была, действительно, на утесе, в неполных трехстах шагах от него и состояла, к удивлению и радости Галлера, всего из одного человека.

Он сидел на верхней скале спиной к Галлеру и внимательно смотрел на запад. Рядом лежали прислоненные к скале его копьё, щит, лук и колчан со стрелами, а за поясом поблескивал томагавк.

Для долгого размышления над тем, как надо поступить, времени не оставалось: преследователи гнались по пятам. Он решился на смелую попытку объехать по краю утеса — быть может, часовой его не заметит. Подвигаться приходилось, конечно, крайне медленно, по головокружительной узкой тропинке, словно в воздухе висевшей над пропастью. К счастью, шумевший под ним поток заглушал топот копыт.

В такой надежде двигался Галлер, крадучись, вперед, перебегая глазами с индейца на край утеса, по которому ступал, дрожа от страха, Моро. Альпа не видно было нигде. Вероятно, он отстал, не угнавшись за Моро или же напав где-нибудь на след дичи.

XXXIII. Над пропастью

Отъехав шагов двадцать по скалистому обрыву, он увидел внизу поляну и на ней чьи-то силуэты... Быстро подавшись вперед, он дернул Моро за челку — из-за отсутствия узды он таким способом останавливал

лошадь. Моро вмиг остановился, а Галлер с отчаянием вглядывался в грозную группу.

Там было две лошади — мустанги и при них индеец. Оседланные лошади спокойно стояли на поляне. Продетый сквозь кольцо одной из них аркан был обмотан вокруг кисти индейца свободным концом. Индеец, очевидно второй часовой, сидел на земле, прислонившись спиной к утесу, и по позе его было видно, что он спит. Оружие лежало около него, тоже прислоненное к утесу.

Что делать? Убить спящего?.. Моро не допустил этого. Обеспокоенный нерешительностью всадника на таком опасном месте, он фыркнул и ударил копытом о скалу. Этого звука было достаточно для тонкого слуха индейских лошадей: они тотчас заржали; индеец проснулся, и крик его, а затем и крик его товарища на верхней площадке утеса доказали Галлеру, что оба одновременно заметили его.

Галлер увидел, что верхний часовой схватил свою пику и начал быстро спускаться. Но внимание Галлера привлек больше другой часовой, схвативший лук, вскочивший с быстротой молнии на спину мустанга и помчавшийся с диким криком по поляне вверх по узкой тропинке навстречу бледнолицему врагу. На бегу он выпустил стрелу, но второпях плохо прицелился, и она просвистела мимо головы Галлера.

Через секунду лошади наскочили друг на друга и остановились головой к голове, обе с налитыми кровью глазами, у обеих валил пар из раздувавшихся ноздрей, обе бешено фыркали, как будто сознавая, что и им, как их всадникам, предстояла борьба не на жизнь, а на смерть, и что одной из двух придется полететь вниз головой с тысячефутовой высоты на каменное дно ручья, потому что ни разъехаться, ни повернуть назад было некуда.

Момент был трагичный. При настоящем положении Галлер не мог воспользоваться своим томагавком, между тем индеец мог пускать в него стрелу за стрелой. Но Галлер не растерялся, а наоборот, обострившимся при крайней опасности чутьем тотчас понял, как надо действовать.

Быстро соскользнув со спины Моро и избегнув этим внезапным движением второй стрелы индейца, Галлер прошел по узкому, как нитка, краю обрыва, тесно прижимаясь к боку коня и перескочил на выступ скалы, где сидел на мустанге индеец. Мустанг, как будто по-

чувствовал злой умысел, фыркнул в ужасе и хотел подняться на дыбы, но лезвие топора Галлера уже вонзилось в его череп, и через секунду конь полетел в пропасть, увлекая за собой отчаянно пытавшегося отмотать аркан и соскочить индейца.

Настала жуткая, зловещая тишина.

Галлер мысленно следил за падением, с содроганием рисуя себе каждый фут воздушного пути человека и животного... Вот донесся громкий всплеск... шум падения двух тел в воду...

Но предаваться чувствам содрогания или сожаления некогда было: другой часовой вскочил на площадку и, не останавливаясь ни на секунду, побежал на Галлера с протянутой пикой.

Уклониться от удара пики здесь не было надежды. Оставалось попытаться отпарировать ее или быть пронзенным ею. Галлер начал отбивать ее взмахами томагавка, и ему удалось не только отпарировать удар, но и выбить копьё из рук индейца. Тогда и индеец выхватил свой томагавк, и в течение нескольких минут оба сражались ими, то промахиваясь, то нанося друг другу легкие удары и раны, причем Галлер старался все больше и больше отодвигаться от края утеса, оттесняя и противника, пока оба не очутились на площадке.

Здесь было больше пространства для битвы томагавками, и оба противника, словно спеша воспользоваться удобными условиями боя, одновременно взмахнули топорами с такой силой, что они, звякнув друг о друга, вылетели у обоих из рук. Тогда противники схватились и через несколько минут повалили друг друга на землю.

Галлер не мог отдать себе отчета, сколько времени длилась эта борьба с почти равным по силе противником, но вдруг он почувствовал превосходство мускульной силы индейца: совершенно обессилевший он лежал на спине не в силах не только возобновить нападение, но даже защищаться. Тяжелое колесо сжимало его грудь, железная рука сжимала горло так, что Галлер начал терять сознание.

Но Галлеру суждено было находить спасение через своих четвероногих друзей. В самую критическую минуту, серьезно грозившую для него стать роковой, откуда-то выскочил Альп, одним бешеным прыжком бросился на индейца — и через мгновение Галлер почувствовал себя свободным: зубы Альпа обезвредили его

противника, метавшегося на земле, изловчившегося встать на ноги, но тотчас снова валившегося от яростного нападения сенбернара.

Вид искусанного, окровавленного и изнемогавшего противника был так ужасен, что Галлер, собравшись с силами, готов был сам спасти его от ярости обезумевшего Альпа. Но в ту же минуту послышались подозрительные звуки, заставившие его снова сосредоточиться на своем положении. Прислушавшись, Галлер понял, что его преследователи достигли каньона и гонят лошадей по скалистому выступу.

Подбежав к лошади и усевшись на нее, Галлер все же отозвал Альпа, но тот, по-видимому, уже не помнил себя от ярости, не слушал голоса хозяина, и Галлеру ничего иного не оставалось, как предоставить и несчастного индейца, и самого Альпа своей судьбе до того момента, когда подъедут индейцы.

Миновав утес и, следовательно, самую опасную часть пути, Галлер мчался с горы с чувством избавления от опасности.

Когда он выехал на равнину, то оглянулся и увидел, что его преследователи спускаются по хребту Сиерры. Но Галлер был все же впереди на целую милю и бодро продолжал скакать полным галопом по прерии к снеговой горе.

Через некоторое время Галлер с изумлением увидел бегущего рядом с Моро, тяжело дышащего от утомления и перепачканного в крови Альпа. Вид его возбуждал в измученной душе Галлера смешанное чувство радости о том, что он вернулся невредимым, благодарности за свое спасение и неприязни за слишком жестоко пострадавшего своего врага.

XXXIV. Неожиданная встреча

Когда Галлер отъехал от подошвы Сиерры, была еще предполуденная пора. Удастся ли ему добраться засветло до снеговой горы, путь к которой был гораздо длиннее по западному краю долины, чем по восточному? Если бы это удалось, то он мог надеяться добраться прежним путем до рудников, а оттуда добрался бы и до Рио-дель-Порте по какому-нибудь притоку ее.

Он ожидал, что преследователи будут гнаться за ним до самых ворот Эль-Пасо. Но он успел уже на-

столько опередить их, что мог теперь позволить себе щадить, по возможности, силы лошади. При настоящем положении своем он больше нуждался в том, чтобы силы коня не иссякли бы раньше, чем он доберется хотя бы до рудника. И он решил, ради сбережения сил Моро, не увеличивать, а только сохранять известное расстояние между собой и своими преследователями.

Имея в виду эту главную цель он даже соскакивал время от времени с коня, чтобы облегчить его, и бежал некоторое время рядом с ним. Альп спешил за ним, не отставая и часто поглядывая на Галлера с таким выражением умных глаз, которое как будто говорило о его понимании причины такой неустанной скачки.

Но вот уже совсем близко сверкают снеговые вершины горы. Галлер вдруг вспомнил, что здесь близко должна быть вода — в том месте, куда отправился вперед Эль-Соль с обозом и пленными навахами, и где поджидал уцелевших в битве и при наводнении товарищей. Решив освежиться сам и напоить животных, он погнался лошадь скорее, чтобы выиграть для этого время.

Когда Галлер подъехал к ущелью, солнце уже близилось к закату. Прежде чем въехать в него, Галлер оглянулся на погоню и убедился, как сильно он опередил ее за последний час, хотя и скакал умеренно, преследователи были, по крайней мере, в трех милях от него, и было видно, что они плетутся устало, понуро, из последних сил. Было ясно, что непосредственной опасности нет.

Скользнув между скал вглубь ущелья, он вдруг почувствовал, что Моро вздоргнул и метнулся в сторону, и тотчас же услышал яростный лай Альпа.

— Черт возьми! — услышал он тотчас же чей-то голос. — Кто это к нам жалуется без седла и без узды?

Из-за скал выскочили пять или шесть человек, вооруженных ружьями, и окружили Галлера.

— Пусть меня изжарят индейцы, если это не тот самый юноша, о котором скорбел наш капитан! Взгляни-ка, Биль!

— Рубе!.. Гарей!..

— Кто?! Святители! Да ведь это... ведь это вы, Галлер, друг мой! Ура, товарищ! Неужели не узнали меня?!

— Сен Врэн? Вы? Господи!

— Да, я сам! Сен Врэн, собственной персоной! Ну, вашу персону из-под этой коры грязи и крови, пожалуй, потруднее узнать! Да слезайте же с лошади! Как это вы ускользнули из рук проклятых краснокожих?

— Прежде вы мне расскажите, почему вы тут в сборе и что вы здесь делаете?

— О, мы здесь в качестве передового отряда, а армия наша за нами, внизу, у входа в ущелье.

— Армия? Какая? Ничего не понимаю!

— Да мы так называем наших. Нас теперь около шестисот человек, а по здешним местам это добрая армия.

— Да кто же... из кого же она состоит?

— Состав, она самого пестрого, разноцветного, как радуга. Есть у нас люди и из Чигуагуа и из Эль-Пасо и с ними изрядное число охотников, звероловов, погонщиков — образцовый комплект. Одним словом, отрядом, который я сформировал, команду я, а другой идет под командой Сегэна.

— Сегэна? Значит, он...

— Вот вопрос! Да он же во главе всего дела!.. Жив, конечно! Однако подите-ка сюда, прежде всего, подкрепитесь глотком старого эль-пасского вина.

— Погодите минутку. Я забыл сказать вам: за мной погоня, индейцы.

— Близко?

— Нет, отстали мили на три, и лошади у них совсем измороженные.

— Ну, так мы еще успеем оказать им прием. Пойдемте с нами, Галлер!

И маленький отряд вместе с неожиданным вестником и принесенной им важной вестью направился к ручью, у выхода из ущелья, где в сборе находилась вся армия.

XXXV. Военный совет и армия

Лагерь оказался огромный и, действительно, походил на армию, так как человек триста были даже одеты в одинаковую форму.

Последние хищнические набеги ожесточили население до последней степени и послужили поводом к сформированию этого огромного отряда, решившего

однажды и навсегда проучить краснокожих разбойников.

Сегэн с остатками своего отряда присоединился к этим добровольцам в Эль-Пасо и тотчас же отправился с ними в страну навахов. Находившийся в это время в Эль-Пасо Сен-Врэн узнал от него, что Галлер взят в плен и, в надежде поспособствовать его освобождению, так же примкнул к отряду вместе с 40—50 слушателями, сопровождавшими его прежний караван.

Большая часть отряда Сегэна уцелела после битвы в барранке, и в числе спасшихся были также Эль-Соль и сестра его Луна. Теперь они тоже отправились с отрядом и в эту минуту были в палатке Сегэна, где с ними и свиделся Галлер.

Сегэн вдвойне обрадовался Галлеру, от которого мог узнать что-нибудь о своих и, как ни мало мог о них, рассказать Галлер, Сегэн был все же счастлив, узнав, что жена его и дочери живы и здоровы.

Время было дорого, и на праздные разговоры его нельзя было терять. Отряд в сто человек тотчас же отделился и поехал внутрь ущелья. На середине ущелья они увели лошадей под надежное прикрытие в скалах и устроили засаду. Приказ был забрать всех индейцев в плен или застрелить их, но живым не выпустить ни одного, чтобы он не мог бежать на родину с вестями.

Ждать пришлось недолго. Через несколько минут после того, как была устроена засада, индейцы один за другим проехали по ущелью мимо укрывавшихся белых к выходу из ущелья.

Поняв, что они попали в западню и видя огромное превосходство сил с той стороны ущелья, индейцы и не пытались защищаться, а побросали копья и запросили пощады. В несколько минут охотники перевязали всех и вернулись с ними к Сегэну, который тотчас созвал для совещания всех начальников отдельных частей войска.

В вопросе нападения на навахов в их городе представлялось немало затруднений разного рода. Главное и самое важное в данную минуту было в том, как обеспечить полную неожиданность для навахов, чтобы те не могли быть предупреждены своевременно об их нападении, потому, что в противном случае они могут скрыть всех белых пленных, спрятав их в огромном лесу, расположенном недалеко от города и тянущем-

ся на много миль. Тогда все поиски и все преследования были бы напрасны.

Как ни труден был вопрос, но в числе совещавшихся нашелся человек, голова которого преодолела и это затруднение, как преодолевала уже множество прежних. Это была голова безухого зверолова Рубе. И вот все собрание единодушно остановилось, по его совету, на следующем плане.

Выступление совершится в эту же ночь, чтоб до каньона можно было успеть добраться еще до рассвета. Точнее до восточного входа в него. Нападение на город должно быть произведено как можно раньше.

Чтобы обезопасить себя со стороны часовых у входа в долину, было придумано следующее: отряд из двадцати человек переоденется в платья только что взятых в плен индейцев — в этот отряд войдут Эль-Соль и союзники-делавары, затем Рубе, Гарей и Сегэн. Выйдя часом раньше всей армии, отряд снимет стражу и дождетя товарищей.

Но передовой отряд преследует еще одну цель — главную: незадолго до самого нападения он должен будет сыграть роль тех двадцати навахов, которые были отправлены в погоню за Галлером. Они войдут первыми в город, ведя впереди себя привязанного Галлера к лошади; воспользовавшись моментом, окружат храм и с помощью хитрости овладеют белыми пленными и королевой.

После этого будет дан трубный сигнал, по которому — или же при первых выстрелах — в город галопом ворвется все войско.

XXXVI. Победа

Еще до наступления вечера вышел передовой отряд, переодетый в платье пленников-навахов и раскрашенный достаточно искусно, чтобы провести врага ненадолго и при неярком свете, и за два часа до рассвета достиг восточного каньона, где еще сохранились следы разрушения от недавнего наводнения.

У выхода из ущелья оказалась стража из шести индейцев, но, обманутая маскарадом, она допустила к себе отряд так близко, что была взята в плен без единого выстрела.

После этого главный отряд прошел совсем беспрепятственно и, прибыв к ближайшему перед городом лесу, остановился и спрятался в чаще.

В долине царила глубокая тишина, и город покоился сном в этом лунном сиянии. В такой ранний час в городе еще никто не просыпался. Между тем внизу над рекой темнели какие-то две-три фигуры. Галлер понял, что это были конвойные при пленных, захваченных вместе с ним. Значит, бедняги еще живы и, конечно, не подозревают, как близок час освобождения.

Томительно тянулось время до рассвета. Наконец, забрезжило утро. При бледном сумеречном свете его передовой отряд сел на коней и, выйдя из прикрытия, направился через равнину, поместив привязанного для виду к спине Моро Галлера.

Когда переодетые всадники подъехали к городу, они заметили на крышах много людей и были, по-видимому, замечены в свою очередь. Там забегали, засуетились. Первые вызвали из домов других. И мало-помалу большие группы навахов показались и на террасах. Когда охотники подъехали ближе, навстречу им понесся гул ликующих криков.

Очутившись у подножия храма, отряд вдруг круто остановился, все соскочили с коней и полезли вверх по лестницам. У перил террас было много женщин. Сегэн тотчас разглядел среди них «королеву», свое бедное дитя.— Из предосторожности он приказал увести ее тотчас внутрь храма, а через минуту в объятиях его плакали от радости жена и младшая дочь.

Вдруг дикий, безумный крик пронизал воздух... Очевидно, индейцы поняли, что их обошли хитростью. В тот же миг воины выскочили из своих домов и бросились толпами к храму. Засвистели стрелы... Но громче всех звуков и криков прозвучал сигнальный звук рога, сзывавший товарищей для атаки.

Армия была наготове и помчалась галопом к городу. Шагов за двести от жилых домов она разбилась на два отряда, чтобы окружить город и повести атаку с обеих сторон.

У стен крайних домов белые были встречены рукопашным боем. Вызывающие крики, частые выстрелы ружей и карабинов свидетельствовали о том, что битва началась.

Вскоре сражение разгорелось во всех концах. В воздухе стон стоял от диких криков и выстрелов.

На высоких крышах шел отчаянный, смертный бой. Женщины металась с криками ужаса по террасам, бросались бежать в лес. Перепуганные лошади бежали по свободным улицам с бешеным фырканием и ржанием, а не имевшие свободного прохода били копытами о землю, кусались, скакали через стены. Картина была чудовищная.

Галлеру пришлось быть все время пассивным зрителем сражения, так как он охранял с пистолетом в руках ту дверь храма, за которой находились женщины. Место, охрану которого он взял на себя — отчасти из потребности собственного сердца, отчасти по просьбе Сегэна — было расположено так высоко, что он мог следить за развитием битвы во всем городе, от дома к дому.

Когда он обводил глазами через перила картины битвы, внимание его приковала к себе одна сцена так, что он на время забыл обо всем остальном. На одной высокой террасе бились смертным боем два человека. Пристальнее всмотревшись, Галлер узнал их: это были Дакома и Эль-Соль. У наваха была пика, а у моракона — ружье, из которого уже были выпущены, по-видимому, пули, так как он замахнулся над головой врага прикладом.

В тот момент, когда Галлер впервые заметил их, Эль-Соль отбил удар копья и направил удар ружья на Дакому, но тот быстро отшатнулся и снова направил пику. Эль-Соль не успел отразить сильный удар, пика вонзилась и прошла, по-видимому, через все его тело, как можно было судить по падавшему вперед корпусу наваха.

Галлер невольно вскрикнул, ожидая, что Эль-Соль тотчас свалится мертвым. И вдруг с изумлением увидел, что он замахнулся прикладом и... через несколько секунд Дакома упал к его ногам с раздробленным черепом.

Только тогда силы оставили его, и он сам упал на труп, но тотчас же собрался с силами, вытащил длинное копьё из своего тела, шатаясь, подошел к перилам и крикнул:

— Сюда, Луна! Я отомстил за нашу мать!

Галлер видел, как молодая девушка вскарабкалась на крышу, а через секунду раненый упал без чувств на руки сестры.

Эта сцена, по-видимому, была замечена и другими, потому что Галлер видел, как бросились на крышу

доктор, Сен-Врэн и еще некоторые. Исследование раны показало, что она, к счастью, не смертельна...

Становилось несомненным, что результатом боя будет победа белых. Это поняли и индейцы. Оставшиеся в живых отказались от сопротивления и бежали в лес.

Сражение кончилось.

Охотники остались близ города на весь день, чтоб дать отдохнуть животным и приготовиться к обратному пути на родину через пустыню.

С восходом солнца все войско, захватив с собой скот и освобожденных пленных, тронулось на следующий же день через восточный каньон к снеговой горе.

Начались снова все муки и лишения трудного перехода. Только воспринимались они на этот раз иначе, хотя и утомленные физически, люди чувствовали себя счастливыми.

Весь отряд возвращался с гордым и радостным чувством победы, достигнутой цели, свободы от старой постоянной угрозы набегов дикарей. А для многих отдельных лиц к этой радости и гордости присоединилось еще чувство освобождения от личного горя, торжество личного счастья: ведь многие везли теперь с собой давно оплаканных близких и дорогих людей, без которых жизнь была мрачна и пуста, о которых думали всегда с тоской и ужасом, представляя себе их участь в руках жестоких дикарей.

Впервые за много лет отдыхало теперь исстрадавшееся сердце охотника за скальпами Сегэна. Счастье его было так велико, что его теперь не омрачала даже мысль о том, что бедное дитя его одичало и отвыкло от родителей. Он говорил себе, что совместная жизнь с матерью и сестрой, безграничная любовь и заботы, которыми окружают ее дома, должны будут благотворно повлиять на душу девушки и, быть может, воскресят и ее память.

XXXVII. Дома

Прошла неделя со времени возвращения Сегэна домой.

Был дивный теплый вечер. Семья Сегэна и гостившие у них Галлер и Сен-Врэн сидели на плоской крыше своего дома, обсаженной растениями и цветами.

По настоянию матери, которой Адель все еще не узнавала, но к которой начала относиться дружелюбно

но, Адель сбросила свой индейский наряд и была одета, как и сестра, но чувствовала себя по-прежнему, как сред чужих.

В этот вечер, когда вся семья собралась на балконе-крыше тесным кружком, Адель одна стояла в стороне, опершись на перила и безучастно смотрела в пространство. «О чем думает бедная девушка?» — с тоской спрашивали друг друга глазами опечаленные родители. Быть может, ее томила скука? Ведь она не может следить за общим разговором, забыв и родной язык...

Жена Сегэна вздумала поиграть на мандолине, быть может, музыка развлечет Адель. Зоя принесла из дома инструмент, и госпожа Сегэн начала тихо и задумчиво перебирать струны... Она так давно не играла! Сколько было пережито с тех пор, как она в последний раз держала мандолину в руках!

Под наплывом дум и воспоминаний она продолжала рассеянно перебирать струны, думая, какую выбрать пьесу, чтоб развлечь Адель.

Первые же ноты как будто пробудили Адель от сна. Она обернулась лицом к своим и переводила широко раскрытые глаза с матери на инструмент и снова на мать — удивленно и вопросительно.

Сегэн тотчас заметил новое выражение в лице дочери. Сердце его дрогнуло радостным предчувствием, и в страстном возбуждении он воскликнул:

— Адель, о моя Адель!

Затем, обернувшись к жене, нервно проговорил:

— Спой, Адель, ту песенку... ту, знаешь, которой ты убаюкивала ее... О, посмотри на нее! Пой же, пой скорей! Быть может, господь сжалятся...

Преодолевая страшное волнение, оглянувшись полными слез глазами на свое дитя, мать тихо и нежно запела:

Спи, моя крошка,
Спокойно усни!
Пусть ангелы на небе
Хранят твой покой!
Дитя дорогое...

Пение было прервано странным, резким криком девушки. При первых же словах песни она вздрогнула всем телом и начала прислушиваться внимательно, напряженно... Потом с криком подбежала и также напряженно начала вглядываться в лицо госпожи Сегэн, а через минуту бросилась к ней с громким, страстным криком:

— Мама! Мама!!

Да, господь сжалился и вернул ей память.

Любимая мелодия детства задела в душе струну воспоминаний, и душа дрогнула, проснулась. Мало-помалу она вспомнила и отца, и сестру, и многие картины детства. Понемногу и припомнила родной язык.

За много-много лет впервые радость и счастье осенили дом Сегэна и его семью, к которой они могли причислить отныне и двух зятьев — Галлера и Сен-Врэна.

Содержание

I. Дикий запад	3
II. Степные купцы	5
III. Степная горячка	9
IV. Верхом на буйволе	12
V. Злополучная охота на антилоп	20
VI. Одиночество	24
VII. Путиная смерти	27
VIII. Спасение	33
IX. Автобиография Сегэна	37
X. Следы набегов	44
XI. Лагерь охотников за скальпами	46
XII. Меткий выстрел	48
XIII. Военный план	57
XIV. Неожиданное осложнение	59
XV. Томительное ожидание	63
XVI. В западне	66
XVII. Дакома, вождь навахов	72
XVIII. Хитрость безухого	81
XIX. Мираж пустыни	86
XX. Столица навахов	91
XXI. Адель	96
XXII. Мечь Рубе	104
XXIII. В лощине	106

XXIV. Битва в ущелье	110
XXV. Встреча у барранки	118
XXVI. Что делать?	126
XXVII. Переговоры	130
XXVIII. Обмен пленных	131
XXIX. Схватка в плавильне	159
XXX. Галлер в плену	141
XXXI. Ловкий наездник	143
XXXII. Смелый побег	119
XXXIII. Над пропастью	153
XXXIV. Неожиданная встреча	156
XXXV. Военный совет и армия	158
XXXVI. Победа	160
XXXVII. Дома	163

*Переиздание с полного собрания романов Майн Рида
С.-Петербург. Книгоиздательство П. П. Сойкина.
1908 г.*

Редактор переиздания Л. Кудрявцев
Ответственный редактор А. Коротяев
Составитель серии Н. Орехов
Художники А. Шедченко, Г. Сергеев
Координатор выпуска
Информационный центр «БАЮН»

Литературно-издательское агентство
«Эридан», 1991

ЛИА «ЭРИДАН» ИЗДАНЫ
И ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

Д. Х. Чейз — собрание сочинений в 7 т.

1. Гроб из Гонконга

Содержание:

Гроб из Гонконга

Ты будешь одинок в своей могиле

Гриф — птица терпеливая

2. Реквием блондинкам

Содержание:

Реквием блондинкам

Положите ее среди лилий

Крысы Баррета

3. Наперегонки со смертью

Содержание:

Наперегонки со смертью

Он свое получит

Если вам дорога жизнь...

4. Итак, моя прелесть

Содержание:

Итак, моя прелесть

К чему эти сказки?

Сувенир для «Клуба мушкетеров»

5. Когда обрывается фильм

Содержание:

Почему вы выбрали меня?

Мэллори

Когда обрывается фильм

6. Лишний козырь в рукаве

Содержание:

Только за наличные
Мертвые молчат
Лишний козырь в рукаве

7. Невинный убийца

Содержание:

Легкий заработок
Невинный убийца
Это серьезно

А. Кристи — собрание сочинений в 4 т.

1. Смерть лорда Эдвера

Содержание:

Убийство в доме викария
Смерть лорда Эдвера
Мечь Нофрет
Испанский сундук

2. Расследуют мисс Марпл, Эркюль Пуаро и мистер Квин

Содержание:

Расследует мисс Марпл — 8 рассказов
Расследует Эркюль Пуаро — 17 рассказов
Расследует мистер Саттеруэйт — 7 рассказов
Расследует Паркер Пойн — 5 рассказов

3. Зло под солнцем

Содержание:

Зло под солнцем

Такой спокойный городок
Тайна доктора Морли

4. Труп в библиотеке

Содержание:

Скрюченный домишко
Убийство на поле для гольфа
Труп в библиотеке
Последний баронет

К. Саймак — собрание сочинений в 4 т.

1. Что может быть проще времени!

Содержание:

Город

Что может быть проще времени?

Почти как люди

2. Принцип оборотня

Содержание:

Все живое — трава

Принцип оборотня

Заповедник Гоблинов

3. Братство талисмана

Содержание:

Кольцо вокруг солнца

Пересадочная станция

Братство талисмана

4. Все ловушки земли

Содержание:

Все ловушки земли

Детский сад
Торговля в рассрочку
Прелесть
Разведка
Изгородь
Дом обновленных
Кто там, в толще скал?
Утраченная вечность
Мираж
Через речку, через лес
Отец-основатель
Без своей жизни
Упасть замертво
Поколение, достигшее цели
Денежное дерево
Я весь внутри плачу
Грот танцующих оленей
Золотые жуки

Р. Хайнлайн — собрание сочинений в 2 т.

1. Марсианка Подкейн

Содержание:

Пасынки Вселенной
Гражданин Галлактики
Марсианка Подкейн
Двойная звезда

2. Звездный зверь

Содержание:

Звездный зверь

**Имею скафандр — готов путешествовать
Бездна
Звездные рейнджеры**

Э. Нортон — собрание сочинений в 2 т.

1. Мир ведьм

Содержание:

Мир ведьм

Паутина мира ведьм

Вторжение к забытым предкам

2. Королева солнца

Содержание:

Саргассы в космосе

Зачумленный корабль

Колдовская планета

Проштемпелевано звездами

А. Азимов — собрание сочинений в 3 т.

В собрание сочинений будут включены романы:

**«Основание», «Основание и империя»,
«Второе Основание», «Звезды как пыль»,
«Словно песчинки в небе»,
«Космические течения» и другие.**

Р. Говард — собрание сочинений в 2 т.

1. Час дракона

Содержание:

Люди Черного Круга
Час Дракона
Пламень Ашшурбанипала
Тварь на крыше
Крылья в ночи
Голуби из ада
Пиктский цикл, рассказы
Лавкрафт. Памяти Говарда

2. Родится ведьма (Конан-киммериец)

Содержание:

Дочь ледяного великана
Дом, полный каналов
Башня Слона
Родится ведьма
Призраки Замбулы
Красные тени
Алая цитадель

Р. Железны. Творец иллюзий

Содержание:

Роза для Экклезиаста
Создание света, создание тьмы
Остров мертвых
Творец иллюзий
Валет теней

ИЦ «Баюн»... Это сокращение стало понятным и широко известным десяткам писателей-фантастов и десяткам тысяч любителей фантастики.

Что такое ИЦ «Баюн»!

Это информационный центр, созданный в Киеве.

ИЦ «БАЮН» — ЭТО:

ИНФОРМАЦИОННО - ПОСРЕДНИЧЕСКИЕ УСЛУГИ. С нашей помощью Вы, можете найти издателя на условиях, максимально приближенных к тем, которые Вам желательны.

Вы можете узнать у нас о любой публикации фантастических произведений, а также о литературе, посвященной фантастике, за последние пять лет. В частности, публикациям НФ литературы в Советском Союзе посвящается регулярно выпускаемый информационным центром библиографический сборник «Гелиос».

ИЦ «БАЮН» представляет заинтересованной стороне информацию о местонахождении литературных агентств и творческих объединений, которые занимаются публикацией фантастики.

ИЦ «БАЮН» занимается издательской деятельностью — выпускает книги. Он знакомит читателей с лучшими произведениями отечественных и зарубежных авторов.

ИЦ «БАЮН» регулярно выпускает альманах «ФЛИНТ».

(Фантастическая Литература И Научное Творчество). В нем публикуются самые популяр-

ные советские и зарубежные писатели. Научные сенсации, критические обзоры новинок фантастики — все это Вы найдете во «Флинте».

ПОМНИТЕ!

ИЦ «БАЮН» — НАДЕЖНЫЙ И ВЫГОДНЫЙ ПАРТНЕР!

Телефоны для справок:

по коммерческим вопросам — 477-79-61;

по литературно-художественным вопросам — 444-52-46.

Сдано в набор 11.06.91. Подписано в печать 27.08.91.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага писчая. Печать высокая.
Гарнитура литературная. Усл.-печ. л. 5,5. Уч.-изд. л. 9,24.
Тираж 50 000 экз. Заказ 02070431. Цена 4 р. 50 к.

220024, Минск, ул. Асаналиева, 52.
Типография комбината печати
«Радянська Україна».
252006, Киев-6, ул. Анри Барбюса, 51/2

4 р. 50 к.